

Стенограммы пленумов ЦК партии

В связи с пожеланиями, высказанными делегатами XIX Всесоюзной партийной конференции и в письмах трудящихся, Политбюро ЦК КПСС приняло решение опубликовать в «Известиях ЦК КПСС» стенографический отчет октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

ПЛЕНУМ ЦК КПСС — ОКТЯБРЬ 1987 года

Стенографический отчет

Зал заседаний пленумов ЦК КПСС,
10 часов утра

Заседание 21 октября

Председательствующий т. **Горбачев**. Товарищи, в Москве стоят такие туманы, что, оказывается, некоторые члены ЦК по два-три дня сидят в аэропортах и не могут вылететь. Кое-кто только сейчас успел прибыть — вот товарищ Тяжелников только что добрался. Евгений Михайлович, здесь ты или нет?

Голос. Здесь.

Горбачев. В связи с такой погодной ситуацией вот как у нас обстоит дело. Прибыло на Пленум 290 членов ЦК КПСС, 157 кандидатов в члены ЦК КПСС, 83 члена Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. Отсутствуют — больны или из-за погоды не прибыли — 30 человек.

Для участия в работе Пленума приглашены первые секретари обкомов партии, министры и руководители некоторых ведомств, командующие военными округами, не входящие в состав центральных органов КПСС. Если не будет возражений, то мы можем начать работать. Нет замечаний у вас? Нет. Тогда Пленум объявляется открытым.

По повестке дня. Политбюро ЦК предлагает на этом Пленуме рассмотреть вопросы, связанные с празднованием 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции и некоторыми текущими задачами. Считаю целесообразным проинформировать членов ЦК, чтобы вы узнали все принципиальные положения доклада на Пленуме. Политбюро хотело бы получить согласие и поддержку Пленума по основным положениям доклада на Торжественном заседании. Докладчиком утвержден Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Есть ли замечания по повестке дня?

Голоса. Нет.

Председательствующий т. **Лигачев**. Слово для доклада предоставляется товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу.

Горбачев. Товарищи!

Как вы знаете, 2—3 ноября в Кремлевском Дворце съездов состоится Торжественное заседание ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященное 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Позвольте проинформировать вас по ряду вопросов, которые будут затронуты в докладе, остановиться на подготовке встречи представителей коммунистических и рабочих партий, прогрессивных и демократических организаций, приглашенных на празднование 70-летия Октября (эта встреча состоится 3—4 ноября), а также поделиться некоторыми соображениями, связанными с ходом перестройки и планами социально-экономического развития на будущий год.

I

Речь прежде всего идет о том, чтобы, отмечая 70-летний юбилей революции, показать во всей полноте первопроходческий путь советского народа и нашей партии. Соотнести его с нашими современными заботами и делами.

Юбилей — это момент гордости. Тяжелейшие испытания выпали на нашу долю. И мы выдержали их с честью. Не просто выдержали. Вырвали страну из разрухи и отсталости, сделали ее могучей державой, преобразили жизнь, неузнаваемо изменили духовный мир человека. В жесточайших схватках, какие только видел XX век, отстаивали право на собственный образ жизни, защитили свое будущее.

Мы с полным основанием гордимся и тем, что наша революция, труд и борьба продолжают оказывать глубокое воздействие на все стороны мирового развития — политику, экономику, социальную сферу и сознание современников.

Немногим народам, товарищи, выпала столь трудная, но и столь счастливая судьба!

Юбилей — это и момент памяти. Памяти о свершенном. О тех миллионах людей, каждый из которых внес вклад в наши общие социалистические завоевания. О тех, кто варил сталь, сеял хлеб, учил детей, двигал вперед науку и технику, достигал высот искусства. Скорбной памяти о тех, кто, защищая Родину, пал в бою, ценой своей жизни дал возможность обществу идти вперед. Неизгладимой памяти о прожитом, пройденном, ибо все это и создало день сегодняшней.

Юбилей — это и момент размышлений. О том, как непросто и неоднозначно складывались порой наши дела и судьбы, с какими проблемами пришлось нам встретиться. Было всякое — и героическое, и трагическое, великие победы и горькие неудачи.

Юбилей — это деловое, критическое подведение итогов сделанного. Но как достижения — не повод для неумеренных восторгов, так и неудачи — не причина для самобичеваний. Мы размышляем о семидесяти годах напряженного созидания с позиций народа, готового мобилизовать все свои силы, весь огромный потенциал социализма для революционного преобразования жизни.

Юбилей — это и взгляд в будущее. Наши достижения грандиозны, весомы и значимы. Они являются прочным фундаментом, основой для новых свершений, для дальнейшего развития общества.

Именно в развитии социализма, в продолжении идей и практики ленинизма и Октября мы видим суть наших сегодняшних дел и забот, свою первейшую задачу и нравственную обязанность. А это диктует необходимость серьезного, основательного анализа исторического значе-

ния Октября, всего того, что сделано за семь послеоктябрьских десятилетий.

В этой связи особенно важно показать, что Октябрь явился воплощением всего лучшего и честного в многовековой освободительной борьбе народов России и всего человечества. Наша революция увенчала искания многих поколений мыслителей и борцов, стремившихся к справедливости и свободе, к идеалам, выражавшим извечные человеческие ценности и чаяния трудящихся масс.

Мы первыми вступили на путь социалистического развития.

Наш путь первопроходцев огромен и сложен. Это — беспрецедентный опыт, накопленный в борьбе за новое общество; это — постоянный поиск путей переустройства жизни; это — новые горизонты революционной политики ускорения общественного развития.

Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального, духовного, нравственного наследия старого мира, первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставляющие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмышлять. И субъективные факторы, играющие особую роль в периоды революционных бурь, и проникнутые максимализмом революционной поры, подчас упрощенные, спрямленные представления о будущем. И чистое, неистовое стремление борцов за новую жизнь сделать все как можно быстрее, лучше, справедливее.

Пройденное — его героизм и драматизм — не может не волновать умы современников. История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызывала, это наша история, она дорога нам. И завоевания наши, и беды наши. Основательный, объективный анализ прошлого нужен нам сегодня прежде всего потому, что необходимо достоверно знать, понимать истоки, корни и причины как наших достижений, так и тех деформаций и застойных процессов в развитии социализма, которые мешают нам работать, мешают жить в полном соответствии с высокими идеалами социализма, заметно ускорить прогресс экономики, общества, сознания.

Люди открыто, в духе новых, все более утверждающихся принципов демократизма заговорили о прошлом, всех его сторонах. Мы сами вызвали этот откровенный, нелегкий разговор, имеющий исключительно принципиальное политическое и нравственное значение. Но мы видим и неоднозначность его воздействия на умонастроения людей. И это естественно, объяснимо. А как же иначе?

На протяжении двух последних десятилетий мы не раз слышали: все это известно и принадлежит прошлому. Верно, но в таком случае почему непрерывно поднимаются, так активно обсуждаются эти вопросы сегодня? На это мы обязаны дать ответ. Партия не может стоять в стороне от этого большого общественного процесса. Не может потому, что иначе она не выполнит свою роль авангарда советского общества в политико-идеологической и нравственной сферах.

Социалистическая революция свершилась в стране со средним уровнем развития капитализма, высокой концентрацией промышленности, преобладанием крестьянского населения, глубокими пережитками феодализма и даже предшествующих общественных формаций. Россия дала миру величайшие достижения в области науки и культуры, но три четверти ее населения были неграмотными. Страна до крайности была разорена империалистической войной и бездарным управлением.

Строительство новой жизни не имело образцов, оно предполагало постоянный поиск — поиск созидательных решений. Для партии коммунистов цель была ясна — революция и путь социализма, Советская власть. Этот путь постоянно указывал Ленин. Он и повел партию по этому пути.

После смерти Владимира Ильича Ленина партия продолжала начатое им дело построения социализма, преодолевая в нелегкой идейно-политической борьбе многие трудности объективного и субъективного порядка. В центре этой борьбы были защита и воплощение ленинских идей о возможности построения социализма в одной стране, о необходимости укрепления и развития союза рабочего класса и крестьянства в условиях мирного хозяйственного и культурного строительства. Руководство партии защищало эту линию.

Мы помним, что и до, и после революции, в первые годы социалистического строительства отнюдь не все руководители партии разделяли ленинские взгляды по ряду важнейших вопросов. Кроме того, ленинские рекомендации не могли охватить все конкретные вопросы строительства нового общества. Поэтому после Ленина с новой силой продолжились поиск и дискуссии. Хочу подчеркнуть еще раз: в центре их оказались коренные, так сказать, судьбоносные проблемы развития страны. Теоретическая полемика переплеталась с острой политической борьбой. И к ней примешивались и амбиции личного порядка, об опасностях которых в политике предупреждал еще Ленин.

Это относилось прежде всего к Троцкому, который после смерти Ленина проявил непомерное притязание на лидерство в партии, в полной мере подтверждая ленинскую оценку его как чрезмерно самоуверенного, всегда виляющего и жульничающего политика. Партия идейно разгромила троцкизм — это опасное политическое течение, идеологи которого, прикрываясь левой, псевдореволюционной фразой, по существу занимали капитулянтскую позицию. Они отрицали возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения, на международной арене делали ставку на экспорт революции, а во внутренней политике — на «завинчивание гаек» по отношению к крестьянству, на эксплуатацию деревни городом, на перенесение в управление обществом административно-военных методов.

Анализируя идейные споры того времени, надо иметь в виду, что проведение гигантских революционных преобразований в такой стране, какой была тогда Россия, — сама по себе труднейшая задача. Страна находилась на историческом марше, резко ускорялось ее развитие, быстро и глубоко преобразались все стороны общественной жизни. Идейная борьба, как я уже говорил, была предельно сложной и острой. Она отражала не только личные, может быть даже не столько личные позиции того или иного политического деятеля, но прежде всего всю гамму интересов классов, социальных групп и прослоек, требования времени, исторические традиции и давление неотложных задач, а также условия враждебного капиталистического окружения.

Словом, разобраться, найти единственно верный курс в столь непростой обстановке было архитрудно. Но руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин, справилось с этой задачей, отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получив одобрение политического курса со стороны большинства членов партии, широких слоев трудящихся.

Иными словами, в содержании линии партии, во внутривнутрипартийной демократии были созданы, закреплены верные, ленинские предпосылки движения по пути строительства социализма. Дело было за практикой.

И здесь происходит нечто на первый взгляд непостижимое, труднообъяснимое. Когда полоса наиболее серьезных для партии идейных испытаний осталась фактически позади, когда уже стали появляться первые успехи, когда миллионы людей с энтузиазмом включились в работу по осуществлению социалистических преобразований, вдруг искусственно создается атмосфера острой борьбы, нетерпимости и подозрительности.

Что здесь произошло? Нельзя не видеть, что методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением и эксплуататорскими классами, были механически перенесены на период мирного социалистического строительства, когда условия изменились кардинальным образом. Объективная потребность проявлять необходимую бдительность субъективно вылилась в подозрительность, ограничение демократии.

Сильно сказались и личные качества Сталина, о которых предупреждал еще Владимир Ильич. Они вели к формированию культа собственной личности, что оказало пагубное воздействие на дальнейшее общественно-политическое развитие страны, обернулось тяжелыми последствиями, что особенно проявилось в репрессиях 30-х годов.

Об исходе идейной борьбы я уже говорил. К середине 30-х годов многие из тех, кто отстаивал неправильные взгляды, признали свои ошибки и включились в общенародную борьбу за построение социализма. Поэтому сейчас возникает вопрос: были ли обоснованны репрессивные меры против участников различных группировок в период идейной борьбы?

Вы, товарищи, хорошо знаете, что партия на XX и XXII съездах открыто и мужественно признала ошибки и серьезные потери того времени. Была дана принципиальная оценка массовым репрессиям и их последствиям для страны. Эти оценки остаются в силе. Но сегодня, с высоты новых задач и требований, мы чувствуем острую потребность знать больше о том времени.

Мы обязаны спокойно, объективно и взвешенно разобраться в сложных событиях тех лет, чтобы установить полную истину, извлечь уроки из прошлого, ибо без этого не может быть честной, правдивой политики, движения вперед. К тому же следует иметь в виду, что нынешний состав Политбюро, большинство членов ЦК не знали о важных деталях и итогах расследования репрессий.

Из документов следует, что большинство репрессированных было оклеветано. В ходе следствия применялись насилие, оговор, фальсификация, подлог. Как известно, репрессии коснулись ряда крупных в прошлом деятелей партии и Советского государства, таких, например, как Бухарин, Рыков, Томский и другие.

Бухарин, по характеристике В. И. Ленина, «не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Это слова Ильича.

Это была суровая, но товарищеская критика, как было принято в то время. Под влиянием ленинской критики Бухарин пересмотрел свои левачские заблуждения и впоследствии сам боролся против политической экстремизма. Он внес значительный вклад в разработку теоретической и политической платформы планомерной и последовательной индустриализации страны — платформы, которую партия использовала в борьбе против левачьей концепции сверхиндустриализации.

В партийных решениях того времени подчеркивалось, что левачьи настроения, если бы они обрели характер практической политики, могли бы поставить под угрозу союз рабочего класса и крестьянства, нанести ущерб социалистическому строительству.

Партия нанесла поражение сторонникам силовых, волюнтаристских подходов, а также методом искусственного подталкивания общественно-экономических процессов. Идейная борьба была острой, причем наряду со Сталиным Бухарин сыграл в ней важную роль.

Идейные расхождения Бухарина, Рыкова, Томского с большинством Политбюро возникли, как известно, в связи с определением путей перевода сельского хозяйства на коллективные рельсы развития. Именно эта

проблема в конце концов стала в центре дискуссии, в ходе которой платформа группы Бухарина потерпела идейное поражение. По сути, выявилось разное отношение в понимании действенности тех принципов, которые лежали в основе экономической политики на новом этапе развития советского общества.

Новый этап развития народного хозяйства, естественно, выдвигал и новые задачи индустриализации страны и развития сельского хозяйства. Нельзя сбрасывать со счетов и развитие международной обстановки, чреватой возможностью объединения сил международного империализма для ликвидации Советского государства. Необходимость форсирования социалистического строительства во всех областях являлась в своей основе ответом на требования объективной реальности.

Бухарин и его сторонники в своих расчетах, теоретических положениях практически игнорировали эту сторону дела, реальность игнорировали. Их позиция во многом определялась догматизмом мышления, недиалектичностью оценки исторической обстановки, выявления новых задач и новых условий социалистического строительства. Впоследствии Бухарин и другие признали свои ошибки.

Таким образом, политические дискуссии 20-х годов отразили сложные процессы в развитии партии, характеризующиеся острой внутрипартийной борьбой по важнейшим проблемам социалистического строительства.

К XVI съезду партии идейная борьба завершилась, что нашло свое отражение во всей работе и атмосфере съезда. Это относится и к XVII съезду партии, прошедшему под знаком крупных достижений в социалистическом строительстве. Тем более неправомерны и ничем не могут быть оправданы репрессии 30-х годов.

Нашу революцию возглавляла Коммунистическая партия, руководимая Центральным Комитетом, Владимиром Ильичем Лениным. Партия вобрала в себя все лучшее, что было в российском пролетариате.

За каждым членом ЦК, избранным VI съездом РСДРП(б) в августе 1917 года, — уникальная судьба профессионального революционера. Их было 23 человека. До репрессий 1937 года умерло 9 человек, один выслан за границу. Из оставшихся 13 — 10 стали жертвами репрессий. Естественной смертью умерли трое — Сталин, Стасова, Коллонтай.

Существенно важное значение для понимания ситуации середины 30-х годов имеют и другие факты.

Состав Политбюро ЦК после XIV съезда ВКП(б) — семь человек: Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский, Троцкий. К 1937 году последний — за границей. Из оставшихся шести пятерых уносят репрессии 30-х годов. Остался один — Сталин.

1934 год. В Москве заседает высший орган партии — XVII съезд ВКП(б), избирается Центральный Комитет. Позднее репрессиям было подвергнуто 1 108 из 1 966 делегатов этого съезда, 98 из 139 избранных им членов и кандидатов в члены ЦК, или 70 процентов состава ЦК. Многие истреблены физически.

Серьезный ущерб обороноспособности страны нанесли массовые репрессии против военных кадров. Достаточно назвать имена Тухачевского, Блюхера, Егорова, Якира и других военачальников, не говоря уже о сотнях, тысячах красных командиров, составлявших цвет армии накануне гитлеровской агрессии.

Столь же жестокими были репрессии, обрушенные в 30-е годы на многих представителей Коминтерна, дипломатов, деятелей науки и искусства, а в конце 40-х — начале 50-х годов — на ленинградских товарищей, московских врачей и т. д.

И это не все. Массовым репрессиям подвергались многие тысячи честных членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный урон делу социализма, авторитету партии, и мы должны открыто, прямо и принципиально сказать об этом. Это

необходимо для окончательного и бесповоротного возвращения страны на путь осуществления ленинского идеала социализма.

Сейчас много дискуссий о роли в нашем прошлом Иосифа Виссарионовича Сталина. Личность Сталина крайне противоречива, как противоречивы условия становления социализма в нашей стране, когда Сталин выдвинулся в число ее ведущих руководителей. Сегодня дают разные, порой даже прямо противоположные оценки его роли в индустриализации и коллективизации страны, осуждают или оправдывают его просчеты, по-разному трактуют его полководческие действия.

Нельзя не учитывать, что в сознании значительной части людей укоренилось отождествление имени Сталина с победами в строительстве социализма, Великой Отечественной войне, в послевоенном восстановлении. Но гораздо труднее осознается, что эти победы одержаны прежде всего благодаря проводимой партией политике во имя интересов трудящихся, благодаря тому, что заряд революции, практические результаты воплощения ленинских идей были настолько велики, а идеалы Октября настолько благородными и глубоко укоренившимися в умах и сердцах народа, что их не могли поколебать даже допущенные отступления от ленинизма.

Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за утверждение социализма, защиту его завоеваний, так и грубейшие политические ошибки, допущенные им и его ближайшим окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для всего развития советского общества.

Иногда утверждают, что Сталин не знал о многочисленных фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят о том, что многое ему было известно. Нарушения законности носили массовый характер. Они были связаны с грубым попранием принципов социализма, прямым посягательством на нормы Конституции СССР, Устава КПСС. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за массовые репрессии, беззакония непростительна. Это урок для всех поколений.

Товарищи!

Честность — аксиома исторического анализа. Эта истина научного, материалистического понимания истории в полной мере относится ко всем конкретным периодам становления и развития социализма в нашей стране. Честное понимание прошлых бед даст настоящий нравственный ориентир на будущее. Никто не требует покаянных ритуалов. Надо дать политическую оценку, распрямиться и делом восстанавливать смысл жизни. Без этого перестройка не состоится.

В конце пятидесятых годов, в особенности после XX съезда, как я уже говорил, было проверено значительное число дел тех, кто был репрессирован в 30-х, 40-х и начале 50-х годов. Выяснилось, что большинство из них было осуждено на основании их собственных показаний, полученных незаконными методами следствия. Оказались вымышленными сведения о шпионской деятельности, вредительстве и т. д. Тысячи безвинно пострадавших реабилитированы. Это принципиально важно для тех, чье доброе имя было опорочено. Но не менее важно это было и для всех нас, для всей партии, всего народа.

Возвращаться к трагическим страницам прошлого нелегко, но нельзя не подумать: довели бы эту работу до конца 20—30 лет назад, когда она была верно начата, но вскоре неоправданно свернута, сейчас многое было бы уже историей, хотя и трагической. А вот не захотели довести — и не заживает эта рана в жизни общества.

В настоящее время, товарищи, Политбюро создало Комиссию для рассмотрения известных ранее и новых фактов и документов, связанных с репрессиями. О результатах работы Комиссии будет представлена

информация, на основе которой станет возможным принять соответствующие решения как по реабилитации конкретных лиц, так и по оценке процессов в целом. Думаю, участники Пленума поддержат это решение Политбюро.

По нашему мнению, назрела необходимость в создании очерка истории партии, в котором нашли бы правдивое отражение события прошлого и значительный пласт документов, пока еще не вошедших в научный оборот. Это будет, по нашему убеждению, хорошим шагом вперед и в постижении истины, и в создании научной основы для воспитания исторического сознания советских людей, выхода на более высокий уровень политической культуры.

Товарищи, я прошу иметь в виду, что не все изложенное выше будет присутствовать в юбилейном докладе в развернутой форме. В него вошли лишь общие, суммирующие оценки сложных периодов нашей истории — оценки, отражающие наше сегодняшнее понимание и причин этих явлений, и путей исправления их последствий. Здесь же, на Пленуме ЦК, Политбюро считало необходимым остановиться на этих вопросах более подробно.

Мы с болью говорим о конкретном периоде нашего развития, о горьких его страницах, но вместе с тем отвергаем попытки перечеркнуть под этим предлогом реальные достижения социализма, его принципиальные преимущества. Об этом будет четко сказано в докладе.

С высоты многогранного опыта мы ясно видим, чего стоит догматическая слепота, если она поражает революционеров, оказавшихся перед необходимостью выбора методов и средств строительства нового общества. Но, сурово и нелюбезно критикуя конкретные ошибки той или иной личности, мы никоим образом не распространяем эти оценки на партию, на народ, на миллионы честных людей, которые самоотверженно трудились и воевали, верили партии, боролись за идеалы нового общественного строя.

Поэтому главный урок, который вытекает из опыта, накопленного нашей партией после Ленина, состоит в том, чтобы твердо идти путем ленинизма, строго руководствоваться ленинской диалектикой в борьбе за социализм. Такой подход всегда обеспечивал нахождение правильных путей и решений даже в самые сложные периоды нашей истории.

Возьмите международную политику предвоенных лет, когда партия упорно боролась против надвигающейся фашистской угрозы, за обеспечение мирных условий строительства социализма. Внешние факторы социалистического развития того времени выступали как угроза самому существованию нашего многонационального государства. Именно в этом состоит определяющая характеристика предвоенных лет. На отражение внешних угроз или их нейтрализацию приходилось и, к сожалению, до сих пор приходится отвлекать огромные ресурсы — интеллектуальные и материальные. Навязанная нам империализмом гонка вооружений свела на нет не одно доброе начинание, многое сделала недостижимым, сбивала темп и деформировала развитие народного хозяйства.

Сегодня на Западе активно обсуждаются наши предвоенные годы. Ложь перемешивают с полуправдой, стараются создать отталкивающий образ страны с «тоталитарной» внутренней политикой и «агрессивной» — внешней. Особенно рьяны те, кто недоволен итогами второй мировой войны — политическими, территориальными и социальными, те, кто продолжает прикидывать, как бы их подправить. Поэтому и заинтересованы в том, чтобы поставить историческую правду с ног на голову, перетасовать причинно-следственные связи, сфальсифицировать хронологию. В этом контексте прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за вторую мировую войну, путь для которой был якобы открыт пактом Риббентропа — Молотова о ненападении. Вопрос заслуживает того, чтобы о нем сказать.

В сущности, вторая мировая война стала трагической реальностью отнюдь не 1 сентября 1939 года. Захват Японией Северо-Восточного Китая («маньчжурский инцидент» 1931—1932 годов), нападение Италии на Эфиопию (1935 год), германо-итальянская интервенция против республиканской Испании (1936—1939 годы), вооруженное вторжение Японии в Северный, а затем в Центральный Китай (лето 1937 года) — вот они, начавшиеся пожары второй мировой войны.

Другой вопрос, что на Западе делали вид, будто это их не касается или касается не настолько, чтобы встать на защиту жертв агрессии. Тупое ослепление ненавистью к социализму, долговременные расчеты, классовый эгоцентризм мешали трезво осмыслить реальные опасности. Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе. Вслед за Эфиопией и Китаем в топку «умиротворения» полетели Австрия, Чехословакия, меч завис над Польшей, всеми государствами Балтийского моря и Дунайского бассейна, в открытую велась пропаганда в пользу превращения Украины в пшеничное поле и скотный двор «третьего рейха».

В конечном счете основные потоки агрессии канализировались против Советского Союза, а поскольку делить нашу страну принялись задолго до войны, то нетрудно представить себе, каким ограниченным был у нас выбор. Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле.

СССР сделал многое, чтобы создать систему коллективной безопасности и предотвратить всемирную бойню. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков и политиканов, хладнокровно рассчитывавших, как бы половчее втянуть социализм в огонь войны, напрямую столкнуть его с фашизмом.

Отверженные уже по революционному рождению, мы ни при каких обстоятельствах не могли быть для империализма «правыми». Западные империалистические круги без содержания предали Эфиопию, Испанию, Чехословакию, Австрию. С тем большей готовностью они закрывали глаза на любые беззакония, произвол, авантюризм в отношении СССР. Даже сегодня, полвека спустя, Советскому Союзу тщатся приписать грехи, к которым он не причастен, переложить на него ответственность за чужие просчеты и авантюры, дать превратное истолкование событиям.

Как я уже говорил, западные правящие круги, пытаясь отмыть свои грехи, стараются убедить людей, что старт нападению нацистов на Польшу и тем самым второй мировой войне дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Как будто и не было ни Мюнхенского соглашения с Гитлером, подписанного Англией и Францией еще в 1938 году при активном содействии США, ни аншлуса Австрии, ни распытия Испанской республики, ни оккупации нацистами Чехословакии в 1938—1939 годах и Клайпеды весной 1939 года, ни заключения в 1938 году Лондоном и Парижем пактов о ненападении с Германией. Кстати, заключила подобный пакт и довоенная Польша. Все это, как видите, вполне укладывалось в структуру империалистической политики, считалось и считается в порядке вещей.

Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта. В Лондоне, Париже, Вашингтоне знали в малейших деталях подноготную подготовки Гитлера к польскому походу, как знали и о том, что единственной преградой, способной остановить гитлеровцев, могло быть заключение не позднее августа 1939 года англо-франко-советского военного союза. Знали об этих

планах и мы, поэтому и убеждали Англию и Францию в необходимости коллективных мер.

Призывали мы к сотрудничеству в целях пресечения агрессии и тогдашнее польское правительство. Но у западных держав расчет был другой: поманить русских обещанием союза и помешать тем самым принять предложение Берлина о пакте ненападения, лишить нас возможности лучше подготовиться к неизбежному нападению гитлеровской Германии на СССР. И тогда фашисты, разгромив Польшу, аннексировав Литву, Латвию, Эстонию, ринулись бы дальше на восток. Мы не можем забыть и того, что в августе 1939 года Советский Союз стоял перед реальной угрозой войны на два фронта — на западе с Германией, а на востоке — с Японией, развязавшей кровопролитный конфликт с Монгольской Народной Республикой у реки Халхин-Гол.

Но жизнь и смерть, презрев мифы, вышли на реальные орбиты. Рассыпалась версальская конструкция. Открывалась новая глава — тяжелейшая и сложнейшая в новейшей истории. На том этапе, однако, нам удалось отсрочить схватку с врагом, таким врагом, который оставлял и себе, и противнику один выбор — победить или погибнуть.

В докладе будет сказано со всей силой о величайшем подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне. Подвиге, оплаченном жизнями миллионов советских людей, трагедиями миллионов семей, неизбывным горем нашего народа. Империализм натравил на социалистическое государство самого злобного из своих хищников, дал ему возможность хорошо подготовиться к нападению, обеспечил политические тылы, освободил от моральных ограничений. В течение трех лет после 1941 года, даже находясь формально в состоянии войны с фашистской Германией, империализм вычислял, рассчитывал, как бы не переборщить с поддержкой Советского Союза, как бы извлечь побольше выгод для себя от нашей смертельной схватки с фашизмом.

Социализм не только устоял и не просто одержал победу. Он вышел из самой страшной, разрушительной из войн окрепшим морально, политически, укрепил свой авторитет и влияние во всем мире. Торжество социализма было беспорным и несомненным. В этих условиях империалистические круги пошли по пути осуществления экстренных мер противоборства, к изменению направленности послевоенного развития: атомное оружие, «холодная» война, гонка вооружений.

История останется такой, какой она была. И если сегодня несведущим морочат головы насчет истоков второй мировой войны, то усердствуют в этом не во имя истины, а на потребу совсем другой задачи: создания и поддержания «образа врага». Ведь если исчезнет такой искусственный миф, как внешний враг в лице Советского Союза, то и гонка вооружений окажется ненужной, и психологическая война тоже, и преступный характер сверхприбылей от оружия станет очевидным.

Товарищи!

С позиций ленинской методологии мы должны подойти и к оценке других периодов нашей истории, в частности 50—60-х годов. Неоднозначность событий не подлежит сомнению. Они ознаменовались поиском новых подходов, нового типа развития. В этой связи, видимо, следует дать всестороннюю оценку периоду деятельности Никиты Сергеевича Хрущева, показать изменения к лучшему, которые произошли тогда в партии, в обществе, международном климате. Но при этом необходимо подтвердить принципиальные оценки имевшим место волюнтаристским методам решения сложнейших вопросов внутренней и внешней политики, вопросов партийного строительства.

Октябрьский (1964 года) Пленум ЦК КПСС заменил руководство партии, поставил цель преодолеть субъективистские тенденции и перекося в политике, придать ей реалистические черты и основательность. Мартковский, сентябрьский (1965 года) Пленумы ЦК КПСС выдвинули

новые идеи организации руководства экономикой страны. Была разработана и начала проводиться в жизнь хозяйственная реформа. За два последующих десятилетия немало было сделано и в вопросах внутренней, и в вопросах внешней политики. Это подтверждают и соответствующие данные, которые будут приведены в докладе.

Однако уже в тот период, особенно с середины 70-х годов, стали нарастать консерватизм, тенденции плыть по течению, не решать до конца назревшие проблемы, сопровождавшиеся явлениями самолюбования и самообольщения. Одновременно нарастали ведомственность, иждивенчество, социальная апатия, беспринципность в подборе кадров и т. д. И как следствие всего этого — застойность в развитии общества. В то время как развитые страны на Западе, опираясь на достижения научно-технической революции, начали рывок вперед, наше экономическое развитие затормозилось и количественно, и, самое главное, качественно.

Вообще говоря, при анализе действий тех или иных руководящих деятелей мы обязаны не сводить дело к их личным качествам, хотя это и имеет большое значение.

Мы правильно говорим о слабости руководства партии, политика которого вызвала застойные явления, но все же в основе недостатков деятельности прежнего руководства лежали и причины социально-политического свойства, связанные с ограниченными, догматическими представлениями о природе социализма, представлениями, близкими к уравнительному социализму. Психология усреднения пронизывала и политику в области управления, и особенно кадровую политику.

На практике же допускались неконтролируемый и незаконный рост материальных доходов отдельных лиц и групп, массовые нарушения социалистических принципов распределения по труду, известная растерянность перед неумолимо надвигающейся волной проблем и задач. Отсюда и боязнь творческой активности народа, разворачивания демократии, страх перед переменами, тяготение к устоявшимся методам управления.

Если реалистически оценивать обстановку, то надо сказать прямо: подобная политика на этом этапе находила отклик среди некоторых групп населения, соответствовала их частным, сиюминутным интересам, в угоду которым приносились общие интересы развития страны, перспективные интересы самих этих групп. Отсюда, в частности, вытекают определенные трудности и противоречия процесса перестройки, которые выражаются в том числе и в конфликте интересов, о чем мы обстоятельно говорили на июньском Пленуме ЦК. Это конфликт между прогрессом и консерватизмом, между рутинной и новаторством.

Эти явления были проанализированы на XXVII съезде КПСС, на январском, июньском (1987 года) Пленумах ЦК. Видимо, в докладе необходимо не просто повторить оценки, но и подчеркнуть, что в партии объективно вызревали требования крутых перемен во внутренней и внешней политике. Надо показать трудные пути к таким переменам, дать принципиальную оценку деятельности Леонида Ильича Брежнева, проанализировать те изменения к лучшему, которые были предприняты здоровыми силами партии в последующие годы. Проследить диалектику борьбы, преодоление противоречий развития, столкновение прогрессивных и застойных явлений. Поворотным пунктом этой борьбы стал апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС.

Разворачивая перестройку, мы исходим еще и из того, что перестройка выступает исторически как закономерная ступень нашего развития, подытоживает то, что сделано нами в ходе строительства социализма, и вместе с тем открывает качественно новые пути в будущее.

Естественно поэтому, что в докладе большое место отводится сегодняшним делам. Этому посвящен второй раздел — «Развивающийся со-

циализм и перестройка», в котором ставятся и некоторые новые проблемы.

Прежде всего акцент делается на том, как соединить интересы человека и общества, активизировать личный интерес каждого, чтобы он действовал на общее благо. Под этим углом зрения рассматривается все, что мы наметили сейчас и реализуем в ходе перестройки, в процессе перехода к качественно новому состоянию социалистического общества, который и охватывается перестройкой. Главной идеей здесь должно, по нашему мнению, стать практическое утверждение приоритетности человека, человеческого фактора, гуманистического видения социализма.

Социализм может и должен проявить все свои преимущества как строй реального гуманизма, служащий человеку. Потому исторический смысл перестройки, революционного возрождения заключается в том, чтобы раскрыть социальные ресурсы социализма посредством активизации личности, человеческого фактора. Гуманизм социализма сегодня — это прежде всего практическая направленность всей работы на благо людей — будь то последовательная демократизация жизни общества, решение продовольственной проблемы или строительство жилья, здравоохранение или социальное обеспечение, просвещение или охрана природы.

Партия извлекает уроки из прошлого, поэтому мы очень остро ставим вопрос о демократизации нашей жизни. Больше социализма — значит больше демократии, больше инициативы, дисциплины и ответственности каждого. От того, как пойдет развитие этого поистине революционного процесса, зависит и успех самой перестройки, и судьба социализма в целом. Эта тема обстоятельно рассматривается в докладе. Преобразования, которые здесь происходят, — крупнейший шаг на пути развития социалистического строя, подлинного народного самоуправления, осуществляемого самим народом и в интересах народа.

Успех демократизации в огромной степени зависит от культуры — общей, политической, правовой, от того, что я бы назвал культурой социалистического демократизма. Нам ее еще не хватает, и это тоже наследие прошлого. Мы должны здесь от многого отказаться, многое перестроить, а многое создать заново.

От чего наше общество страдает наиболее ощутимо — материально и нравственно? Я бы сказал так: от бесхозяйственности, слабой дисциплины, отторжения человека от управления производством и превращения его в незаинтересованного исполнителя. Но где корни этих явлений? Мы ведь знаем, что не всегда так было. Более того, безответственность и бесхозяйственность вползали в общество буквально на наших с вами глазах.

Причина не только в несовершенстве общественных отношений, не только в издержках экономического планирования и управления, но и в непомерно разросшейся практике командования и администрирования, что подрывало возможности формирования у советских людей чувства хозяев страны.

Такая схема была удобна прежде всего своей примитивностью. Она не требовала напряженной работы мысли, соотнесения с практикой, допускала любые иллюзии. Она прекрасно сочеталась с утвердившейся практикой управления, общественной работы. И со временем обернулась многими широко распространенными негативными явлениями. Но самое серьезное — человек, который в жизни становился все образованнее и сложнее, на практике зачастую оставался вне рамок реального участия в управлении обществом.

На XXVII съезде партии мы справедливо заявили о том, что социализм развивает все многообразие интересов, потребностей, способностей людей, активно поощряет и поддерживает самостоятельность общественных организаций, выражающих это многообразие.

Множественность мнений и интересов, учет их в политике — это реальность социалистического мира. Задача задач сейчас — в полной мере осознать заключенные в социалистическом демократизме возможности, включить их на полную мощность, идти и здесь вперед так же целеустремленно, как мы это делаем на других направлениях.

Более того, если мы не сможем поднять на высокий уровень состязательность в экономике, науке, художественном творчестве, — мы не сможем решить задач социально-экономического и духовного прогресса страны. Без этого не преодолеем отчуждения немалой части людей, не воспитаем человека — активного, рачительного хозяина своего общества, носителя и создателя его ценностей.

Для нас сегодня одинаково пагубны как чрезмерно жесткий централизм, администрирование, так и попытки поставить личные, групповые, ведомственные и местные интересы над общенародными. Между тем фактически сложившаяся у нас система управления обществом делает такие попытки неизбежными, кое в чем даже поощряет, стимулирует их. И в то же время не обладает пока достаточно надежными, эффективными противовесами ведомственным, местным, групповым интересам.

Развитие социалистического самоуправления народа, совершенствование избирательной системы, возникновение новых форм демократической жизни, расширение гласности ставят в повестку дня вопрос о внесении существенных изменений в наше законодательство.

Новый уровень демократии требует от нас серьезного внимания и к национальным проблемам. Октябрь навсегда покончил с национальным угнетением и неравенством. Но в нашей стране любое социально-экономическое, культурное, правовое решение затрагивает и национальные интересы. Этот вопрос требует постоянного внимания. Мы должны быть особенно нетерпимыми к посягательствам на ленинскую дружбу народов, ко всем проявлениям национализма и шовинизма, ко всему тому, что способно провоцировать такие явления.

В решении национальных проблем, равно как и других, не может быть прямолинейных, упрощенных подходов. Думается, подталкивание к единообразию — одна из самых серьезных помех делу. Необходимо развивать потенциал каждой нации, добиваться расцвета многообразных форм национальной жизни, культуры, развития языков. Нужно внимательнее подходить к учету национальных и культурных особенностей населения там, где оно живет, где составляет компактное большинство. Ведь недаром при Ленине и до середины 30-х годов у нас в стране, кроме союзных и автономных республик, было еще 250 национальных районов и 5 300 национальных сельсоветов. Это при Ленине. Так что вопросы тут есть — и те, что остались еще от 40-х годов, и более поздние. В юбилейном докладе эти проблемы, конечно, не решить, но помнить о них надо и на XIX партконференции обсудить их было бы целесообразно.

Товарищи!

Октябрьская революция была, есть и остается частью общемирового исторического процесса.

И с теоретической, и с практической точек зрения чрезвычайно важно руководствоваться принципиальной ленинской мыслью об органическом единстве внутренней и внешней политики. У нас стратегия единая — стратегия социалистического обновления страны и гуманизации межгосударственных отношений. Такой подход составляет суть нового политического мышления. Рассмотрению его посвящается заключительный раздел доклада «Великий Октябрь и современный мир».

Принципиальный момент, на который обращается особое внимание, связан с теми конкретными формами и методами, при помощи которых мы проводим свой курс на международной арене. Перестройка потребовалась и здесь. Тут тоже годами накапливались нерешенные проблемы, в ряде случаев ситуация застаивалась или даже ухудшалась.

Мы определенно недоучли некоторые принципиально важные явления, которые радикально меняли мир, например, научно-техническую революцию. То же самое можно сказать и о глобальных проблемах, настоящее понимание которых приходит в последнее время. Надо сказать, что мы отстали и в научных разработках проблем развития современного капитализма, что сказывалось и на наших практических подходах. Что греха таить, бывало и так, что зачастую подгоняли те или другие явления под устоявшиеся схемы, сконструированные из выводов, сделанных во времена давно ушедшие.

Сейчас приходится вносить соответствующие коррективы. Начали мы с простого, но совершенно необходимого исходного звена — анализа нынешних реальностей, соотношения противоборствующих сил. Соль заключалась в том, чтобы это был научно достоверный анализ, выявляющий основные закономерности развития, а главное — максимально объективный, я бы сказал, беспощадно объективный. Его результаты были изложены с трибуны XXVII съезда, получили одобрение партии.

Советская внешняя политика как бы организовалась, навела порядок в собственных взглядах и делах. Новое мышление, соединенное с внешнеполитической практикой, снявшей разрыв между словом и делом, вместе с переменами, происходящими внутри страны, заметно прибавило авторитета Советскому Союзу на международной арене. Это исключительно весомый фактор.

Но, товарищи, в перспективе нас ждет непростая жизнь, еще более обостренная идеологическая борьба. Идеалы и ценности двух миров, две духовные сферы будут соприкасаться, взаимодействовать, но и конфликтовать, противоборствовать гораздо чаще, непосредственнее, чем когда-либо в прошлом. И мы не намерены поступаться нашими духовными ценностями и достижениями. Возможное ослабление военной конфронтации, ограничение и сокращение вооружений, рост доверия в межгосударственных отношениях ничуть не ослабят соперничества и борьбы противоположных идей, мировоззрений, идеологий.

В докладе будут конкретизированы, в частности, наши представления о реальных путях построения безъядерного мира — не только для пропаганды этой цели, но и для того, чтобы раскрыть перед мировым сообществом ее практические контуры, которые просматриваются уже сегодня.

Важно, что нашу новую внешнеполитическую концепцию мы рассматриваем не как догму, а как методологию, которая способна и должна развиваться, обогащаться и совершенствоваться в зависимости от хода событий и от самих результатов ее практического применения.

Оставаясь реалистами, мы будем, как и до сих пор, постоянно и основательно заниматься вопросами укрепления обороны страны, по-прежнему, пока не создан надежный политический механизм блокирования причин войны, мы вынуждены поддерживать военно-стратегический баланс с потенциальным противником. Имея в виду при этом, что в обозримом будущем в военном строительстве следует обратить внимание прежде всего на качественную сторону Советских Вооруженных Сил.

В докладе, кроме того, имеется в виду крупно поставить вопрос о перспективах капиталистической системы, о тех тупиках, в которые она может завести всю цивилизацию, если ее правящие силы и лидеры не окажутся вынужденными признать всю серьезность проблем, перед которыми оказался мир на рубеже тысячелетий, и учитывать взаимозависимость его частей, право каждого народа на самостоятельный выбор и законность его интересов в общемировом балансе.

Товарищи!

Подытоживают доклад размышления о роли партии в современных условиях. При этом подчеркивается, что было бы крайне опасно рассма-

тривать высокое доверие народа к партии как своеобразный мандат на ее непогрешимость.

Партия обязана каждодневно завоевывать доверие практическими делами, теоретической работой, доказывая тем самым свое право быть политическим, идейным и нравственным авангардом советского народа, во всевозрастающей степени играть руководящую роль в социалистическом обществе. Отсюда настоятельная необходимость повысить боевитость, интеллектуальный и нравственный тонус всех звеньев партийного организма, каждого коммуниста.

Чтобы вести и дальше процесс революционных преобразований общественной жизни, партия должна в первую очередь сама жить по тем же принципам, что положены в основу перестройки общества, своевременно и решительно отказываться от теоретических упрощений, морально устаревших форм и методов деятельности.

В настоящее время далеко не всеми и не до конца осознан тот факт, что возрастание руководящей роли партии органично связано с повышением реального веса, активизацией всех других общественных структур и институтов советского общества. И на это обстоятельство будет обращено внимание в докладе о 70-летию Октября. Диалектика процесса всесторонней демократизации общества состоит в том, что усиление многообразия общественной жизни неизбежно требует укрепления единства политической воли партии, дисциплины и порядка. А вместе с тем категорически исключает показное единомыслие и бездумное исполнительство, приказной, бюрократический стиль партийного руководства.

Смелой критикой ошибок и застоя, выработанной стратегией развития, практическими действиями по оздоровлению обстановки в стране партия завоевала кредит доверия у самых широких слоев населения. Но он исчезнет, если слова о перестройке не будут подтверждены делами.

Поэтому мы не можем стоять на месте, каждый день должен приносить пусть скромный, но реальный, практический результат.

Поэтому мы не можем ослабить критику и самокритику в оценке сделанного, не можем допустить ни малейшей самоуспокоенности.

Это и будет самым последовательным, самым реальным продолжением дела Великого Октября!

Так строится доклад, посвященный 70-летию Октября, таковы основные идеи и подходы, которые в нем заключены.

II

Товарищи!

4—5 ноября после Торжественного заседания состоится Встреча зарубежных делегаций, приглашенных на празднование 70-летия Октября. Мы рассчитываем, что в Москву придут 187 делегаций из 122 стран. Такого широкого представительства зарубежной прогрессивной общественности раньше никогда на октябрьских торжествах не было.

В чем состоит наш замысел встречи?

Нынешняя встреча не мыслится как повторение международных совещаний коммунистических партий 60-х годов. С одной стороны, время для таких совещаний уже прошло, сейчас явно нужны новые формы общения и координации действий коммунистов мира. С другой стороны, нынешняя встреча и не может быть простым повторением прошлого хотя бы в силу того, что ее участниками будут не только коммунисты, но и революционные демократы, социал-демократы, «зеленые» и даже такие партии, как Индийский Национальный Конгресс или Партия центра Финляндии.

Тем не менее смысл встречи мы видим в том, чтобы, во-первых, привлечь внимание всех представителей левых сил, и прежде всего ком-

мунистов, к острым, наболевшим проблемам современного мира и, во-вторых, стимулировать процесс взаимодействия коммунистов, а также и других партий левого, демократического характера во имя решения существующих проблем и прежде всего во имя предотвращения ядерной катастрофы.

Имеется в виду провести свободную беседу, не ограничивая дискуссию каким-либо кругом проблем. Не предусматривается и принятие заключительного документа. Участники встречи будут полностью равноправными, никто не будет иметь никаких привилегий, в том числе и по времени выступления: с учетом количества делегаций — по 10 — не более 15 минут. За это время подробно развернуть какие-либо идеи трудно. Мы вообще хотим не столько говорить сами, сколько послушать других.

Что касается нашего выступления, то многое будет сказано в докладе о 70-летию Октября. С учетом этого на встрече, видимо, целесообразно изложить суть нашего подхода к современному миру, многообразно, противоречивому, но все же во многом целостному, поделиться, не навязывая своих взглядов и оценок, размышлениями о проблемах мирового развития и роли в нем различных движущих сил.

На этой встрече надо будет сказать и о мировом коммунистическом движении, хотя присутствовать будут не только коммунисты. Солидарность с коммунистами всего мира будет отражена в докладе на Торжественном заседании. А здесь, видимо, следует кратко охарактеризовать новые условия деятельности, которые требуют и от нас, и от друзей многое переосмыслить, требуют смелого, творческого, новаторского подхода к сегодняшним реалиям. Мы хотели бы пригласить наших друзей к широкому обмену мнениями, совместным научным разработкам.

Мы делаем все для того, чтобы взаимодействие братских партий, высокая активность коммунистов как международного движения были возрождены. Но этого можно достигнуть сегодня на новой основе: на базе подлинной самостоятельности, дееспособности, ответственности каждой коммунистической партии. И за положение дел у себя в стране, и за положение в мире в целом. Мы убеждены: невмешательство во внутренние дела братских партий совсем не равнозначно безучастному отношению к тем процессам, что идут в самих этих партиях, в интернациональном движении коммунистов, в мире в целом.

Получилось так, что в прежние годы многие коммунистические партии оказались как бы замкнутыми исключительно на внутренние дела собственных стран и народов. Коммунистическое движение тем самым лишило себя, вольно или невольно, одного из самых сильных своих качеств — интернационализма.

Интернационализм коммунистов — не присяга на вечную и слепую верность той или иной форме или схеме. Подлинный интернационализм — это способность видеть и всю историю в ее целостности, и все процессы современной жизни, умение выделять в них не просто главное, но всеобщее. И уже на этой основе оценивать конкретные условия, ставить и решать конкретные задачи в своих странах.

Поставим мы, — конечно, в соответствующей форме — и вопрос о сотрудничестве на современном этапе коммунистов с самыми разными партиями, движениями — социал-демократическими, социалистическими, вообще всеми левыми и демократическими движениями. Да, мы и они по-разному представляем себе, что такое социализм. Это реальность. Какими путями следует идти к нему, тут тоже разные подходы. Как вообще может и будет развиваться будущее человечества, и тут есть разные точки зрения и разные позиции. Нас объединяет общее и искреннее стремление предотвратить ядерную войну. Нас объединяет осознание той грозной опасности, что исходит для всех народов от глобальных проблем, если они и впредь не будут находить должного решения.

Вот эти мысли мы и хотим вынести на рассмотрение участников встречи. Понятно, не все можно сказать так прямо, ведь речь идет не о совещании компартий, а о самой широкой встрече. Но основные идеи и в соответствующей форме будут изложены.

Мы не ждем ответов на поставленные вопросы — это преждевременно, но хотели бы начать конструктивный, плодотворный диалог, поиск новых, совместных идей и подходов.

III

Теперь о некоторых вопросах социально-политического и экономического развития страны.

Январский и июньский Пленумы ЦК, реализуя решения XXVII съезда, приковали внимание партии к двум принципиальным, я бы сказал, ключевым проблемам развития общества, от которых зависит дальнейшая судьба перестройки. Это — демократизация всей общественной жизни и радикальная экономическая реформа.

Ясно, что и демократизация, и реформа — задачи не разовые. Их решение требует времени, настойчивости, творческой инициативы, ответственности. Главное — не тормозить эти процессы, не «пересиживать» на этапах. В этом, собственно, и должен заключаться внутренний динамизм перестройки.

Какова с этой точки зрения специфика сегодняшнего момента и ближайшего будущего?

На этот счет в Политбюро недавно состоялся обстоятельный обмен мнениями. Общий наш вывод таков: в основном завершен первый, самый начальный этап перестройки — этап выработки нового курса партии, создания его идейно-теоретической и организационной платформы.

Сейчас мы вступаем в новый этап, когда главное — практическое осуществление принятой программы перестройки, причем широким фронтом и во всех сферах жизни. С этой точки зрения предстоящие два-три года будут в известной мере решающими. На Политбюро мы даже подчеркнули, что это будет критический период всей нашей работы.

Сама жизнь начинает проверять наши идеи, планы, подходы и методы работы. В полный голос заявят о себе, как бы обнажатся все внутренние противоречия перестройки, конфликты интересов. Надо полагать, усилится противодействие перестройке и со стороны консервативных сил.

Эту проверку, товарищи, нам надо выдержать. Все мы хорошо понимаем, что сейчас испытывается способность партии, ее ЦК выполнить свои обязательства перед народом, осуществить коренные перемены в стране, необходимость в которых достигла наивысшей точки. Так стоит вопрос. Это мы должны понимать, товарищи.

Мы чувствуем сегодня нарастающую напряженность жизни. Но это не негативная напряженность. Это — напряжение активной работы, политической и интеллектуальной деятельности. Хорошее напряжение, товарищи, мобилизующее.

Движение общества ускоряется. Все новые массы людей вовлекаются в процесс перестройки. Идут споры, появляются первые успехи, равно как и сомнения. Одних заботят некие пережесты в критических выступлениях, они могут якобы привести к анархии. Других беспокоит, как бы не началось торможение, не начнутся ли вновь ограничения начавшихся демократических процессов. Третьих — сопротивление перестройке со стороны консервативных элементов. А в общем, жизнь как жизнь, если ее не пеленать в мертвые схемы и не загонять в болото застоя.

Но при всей сложности, противоречивости картины, при всех нюансах и оттенках настроений в обществе можно твердо сказать, что основная

масса советских людей сегодня твердо выступает за перестройку, требует, чтобы она быстрее шла вперед, обеспечивала дальнейшее оздоровление общества. Это своего рода доминанта общественных настроений, она свидетельствует о том, что поворота назад народ не допустит.

В этом мне еще раз пришлось убедиться во время пребывания в Мурманской области и Ленинграде. Эти поездки и встречи произвели на меня глубочайшее впечатление, товарищи. Глубочайшее впечатление. Народ меняется буквально на глазах, позиции народа крепнут, и требования его тоже крепнут. Это надо нам всем понимать. Если кто-то думает отсидеться и надеется, что его перестройка не достанет, то это большая ошибка. Самую большую ошибку допустит тот, кто этого не поймет.

Мы и раньше говорили, и сейчас так считаем, что силы инерции заключены прежде всего в нас самих, в каждом из нас — в нашем мышлении, в подходах, в стиле и методах работы. Но ограничиваться этой констатацией теперь уже недостаточно. Есть и реальные силы, которые усматривают в перестройке угрозу их незаконно присвоенной власти, привилегированному положению, неоправданным доходам и каналам пользования благами. Они есть не только в органах управления, но и в трудовых коллективах.

До поры до времени, пока перестройка только формировалась и не затрагивала остро чьих-либо интересов, сопротивление было не так заметно. Сейчас, когда обновление жизни переведено в реальную плоскость, это сопротивление выходит наружу, приобретает осязаемые формы, откровенно тормозит развертывание процессов демократизации. Вряд ли можно сомневаться в том, что силы консерватизма не преминут воспользоваться любыми трудностями, чтобы попытаться дискредитировать перестройку, вызвать недовольство у трудящихся. Уже сейчас при каких-то мелких неудачах или просчетах говорят: вот вам ваша демократия, чем она оборачивается; вот ваша реформа; вот ваш хозрасчет.

Кому-то предпочтительнее подсчитывать минусы и промахи в перестройке. При этом, разумеется, никто не говорит, что он против нее. Нет, он всего лишь против «издержек», он беспокоится за наши идейные и прочие устои — как бы они не были поколеблены растущей активностью масс. Вот, оказывается, откуда идет угроза социализму — от растущей политической и социальной активности масс! Нет, не социализму она угрожает, а чиновничеству, бюрократизму, тем, кто узурпировал то, что принадлежит народу, и кто забыл об интересах народа, забыл о том, что он поставлен для того, чтобы служить интересам народа, а не для того, чтобы удовлетворять свои личные амбиции и притязания. Вот кому угрожает растущая активность народа. Причем, конечно, не надо путать активность народа с отдельными всплесками демагогии, не они определяют сегодня настроения в обществе.

Сколько же можно, товарищи, пугать нас издержками? Они, конечно, неизбежны в любом деле, тем более в новом. Но издержки обломовщины, топтания на месте, застоя и равнодушия куда дороже, значительно, чем те, которые возникают в процессе творческого созидания новых форм общественной жизни. Если бы это было не так, мы не имели бы такого напряжения в ходе перестройки.

Иными словами, надо учиться распознавать, выводить на чистую воду, нейтрализовывать откровенных противников перестройки. Тех, кто тормозит дело, вставляет палки в колеса, злорадствует по поводу трудностей и неудач, кто пытается толкать нас в прошлое, причем в худшие его годы. Такие люди есть, и это мы должны учитывать в нашей работе.

Но, товарищи, при этом мы не имеем права поддаваться искушению облегченного, упрощенного понимания трудностей перестройки. Мы строим, я подчеркиваю, строим новое общество и должны тщательно и добросовестно прорабатывать его «рабочие чертежи».

В самом общем виде задача стоит так: нам необходимо наладить

такую систему конкретных общественных отношений, которая при соответствующем субъективном настрое на деле ориентировала бы общество на развитие, на добросовестный труд и на здоровый образ жизни. А это, как мы хорошо понимаем, архисложная задача.

Как я уже сказал, предстоящие полтора-два, может быть, три года будут решать вопрос: куда и как пойдет перестройка? Если мы обеспечим глубокое развертывание демократии, внедрение новых методов хозяйствования, умело поведем дело к удовлетворению насущных социальных нужд, материальных и духовных интересов людей, поддержка перестройки будет нарастать, перед ней откроются еще более широкие перспективы.

Если же силам торможения удалось бы помешать продвижению по пути демократизации и радикальной экономической реформы, все большему утверждению гуманистических приоритетов социализма, то положение осложнилось бы. Я не думаю, что сейчас кому-либо удастся повернуть развитие в обратном направлении. Но оно может приобрести болезненный характер, может быть затруднено, а что это может значить для судеб страны и социализма, все мы хорошо представляем. Поэтому надо действовать, действовать последовательно и решительно.

Товарищи!

Перестройка наберет полную силу только тогда, когда она глубоко всколыхнет народное хозяйство.

Какое у нас сейчас положение? Что у нас позитивного? На завершившейся вчера сессии Верховного Совета СССР были подведены предварительные итоги двух лет пятилетки, приняты план и бюджет на следующий, 1988 год — трудный и сложный год. Главная задача третьего года пятилетки заключается в том, чтобы вывести народное хозяйство на качественно новую ступень ускорения, сделать решающий шаг в осуществлении коренной перестройки управления экономикой.

Осуществление этой задачи будет проходить в условиях, отличающихся от первых двух лет пятилетки. Прежде всего надо сказать, что с 1 января начинает действовать Закон о государственном предприятии. В широких масштабах развертывается переход на новые принципы хозяйствования. На полном хозрасчете и самофинансировании будут работать предприятия и объединения, выпускающие 60 процентов всей промышленной продукции, а также многие трудовые коллективы других отраслей экономики.

Особое значение 1988 года состоит также в том, что нам предстоит обеспечить должную стабильность народного хозяйства и более высокие его темпы развития, чем фактически достигнутые в первые два года. От этого в решающей мере будет зависеть выполнение многих важнейших заданий пятилетнего плана, и прежде всего его напряженной социальной программы.

Несомненно, создание новой обстановки в стране сказалось положительным образом на состоянии дел в народном хозяйстве, возросли темпы роста промышленного производства, имеются сдвиги в сельском хозяйстве. Важно отметить качественные изменения в экономике: ускорился рост производительности труда, удалось замедлить снижение фондоотдачи, а в сельском хозяйстве и строительстве она даже немного возросла. Впервые за многие годы в аграрном секторе достигнуто снижение себестоимости продукции. Начавшееся оздоровление экономики позволило приступить к реализации крупных мер в социальной сфере, об этом я подробно говорил недавно в Мурманске.

Все это — реальные, хотя и самые первые, лишь начальные результаты перестройки. Они есть, их нельзя не видеть.

Несмотря на некоторые положительные результаты, общая ситуация в экономике остается напряженной. Мы не вышли на намеченные пятилеткой плановые рубежи по таким важнейшим показателям, как

национальный доход, продукция сельского хозяйства, розничный товарооборот, реальные доходы на душу населения. Не достигнут необходимый перелом на решающих участках перестройки: в ускорении научно-технического прогресса, интенсификации производства. Серьезный срыв допущен в легкой промышленности. Особенно нетерпимо положение, сложившееся в машиностроении.

План 9 месяцев по вводу в действие основных фондов за счет государственных капитальных вложений выполнен лишь на 82 процента. Неэффективно используется производственная база строительства, не уменьшается объем приписок. Наряду с Госстроем ответственность за это несут и руководители союзных республик. Зачастую они по старой привычке продолжают обращаться в центральные органы с просьбами о выделении строительных материалов и по другим вопросам, которые должны теперь решаться на месте.

Неудовлетворительно выполняются договорные обязательства. Общая задолженность промышленных предприятий по поставкам продукции по договорам на этот год к концу сентября составила десять с половиной миллиардов рублей, причем за один месяц она увеличилась на три миллиарда рублей — на целых три миллиарда! Что значительно больше, чем за такой же период прошлого года. Более половины задолженности приходится на машиностроение, химико-лесной комплекс, легкую промышленность. Особенно большое отставание в выполнении договорных обязательств допустили предприятия Минлегпищемаша, Минтяжмаша, Минхиммаша, Минэлектротехпрома, Минлесбумпрома и Минхимпрома.

Сельское хозяйство в текущем году попало в тяжелые погодные условия. Тем сильнее бросается в глаза контрастность его результатов в разных регионах. Возьмите Белоруссию, где земледелие ведется далеко не в лучших природных условиях. Только за последние несколько лет здесь сумели поднять урожайность зерновых более чем на 10 центнеров с гектара и вышли, прямо скажем, на кубанские урожаи. В нынешнем году не район, не область, а целая республика получила с каждого гектара посева свыше 34 центнеров зерна, почти по 200 центнеров картофеля. Ускоренно наращивается производство мяса и молока.

Но есть, к сожалению, и другие примеры. Недопустимо медленно увеличивается производство сельскохозяйственной продукции в Таджикистане, Армении, Новгородской, Челябинской, Амурской и некоторых других областях. В Узбекистане, например, темпы роста производства мяса и молока в текущей пятилетке значительно ниже тех, что намечены Продовольственной программой.

Нет еще заметных перемен к лучшему на рынке товаров народного потребления и услуг. И хотя товарооборот за последние два года вырос, удовлетворить возросший спрос населения, особенно с учетом сокращения продажи алкогольных напитков, не удалось. И здесь мы вновь должны предъявить серьезные претензии к предприятиям Министерства легкой промышленности, которые за 9 месяцев этого года задолжали потребителям по заключенным договорам продукции почти на миллиард рублей. Но это и сигнал к тому, что мы все должны уделить внимание этим отраслям, формирующим товарооборот страны. Не выполняются задания по выпуску многих товаров культурно-бытового назначения предприятиями Минпромсвязи, Минрадиопрома, Минлегпищемаша.

Огромный вклад в удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, других товарах и услугах, в улучшение жилищных условий могут и должны внести местные органы, привлекая к этому предприятия своего региона, максимально используя местные сырье и материалы.

Обычно называют много конкретных причин, чтобы оправдать отставание и даже провалы в тех или иных отраслях и регионах. Но за обилием таких причин стоит нечто общее, что характерно для сегодняшнего момента.

Не в том ли дело, что в результате принятых мер ситуация в народном хозяйстве начинает меняться, предъявляет новые требования, выдвигает новые задачи и цели, а решать их пытаются в Советах, министерствах и ведомствах, в объединениях, на предприятиях старыми методами, теми же, что сложились, укоренились в период экстенсивного развития экономики? Привыкли заполнять объемные показатели плана любой продукцией, в том числе устаревшей и малоэффективной. Сейчас же выполнять план таким путем стало труднее, а дальше будет вообще невозможно.

Наши хозяйственники, по-видимому, оказались неподготовленными к такому повороту. Возьмите качество продукции. Госприемка поставила заслон выпуску недоброкачественной продукции, и это дает свой эффект. Мы заблаговременно стали говорить о введении госприемки, но, по-видимому, хозяйственники понадеялись на то, что в единоборстве с «валом» госприемка не выдержит и можно будет подогнать ее «под себя», работать неряшливо, по старинке. Такие настроения дорого обходятся народному хозяйству да и трудовым коллективам, товарищи.

Существенно меняется ситуация в народном хозяйстве и в смысле требований ресурсосбережения, рачительности. Ускорение развития, как мы понимаем, не в том, чтобы гнать объемы. Критерии ускорения другие — это рост производительности труда, экономия материальных ресурсов, обновление производственных фондов, выпускаемой продукции, повышение качества — и все это, конечно, на основе строгого выполнения договоров на поставки продукции. У нас же бывает нередко по-старому: объемы работ громадны, а эффект ничтожный, если даже не отрицательный.

Возьмите капиталовложения, осуществляемые через Минводхоз. Их довели чуть ли не до девяти миллиардов рублей в год, а за последние 12 лет затрачено на эти цели почти сто миллиардов рублей. А отдача? Две трети орошаемых площадей не дают проектных урожаев, есть такие, где урожайность ниже, чем на богаре, а есть и такие, где плодородие почвы вообще уничтожено.

Мы недавно встречались с первыми секретарями обкомов партии Нечерноземной зоны. Товарищи высказали такое мнение — обратите внимание на это, Всеволод Серафимович¹, Виктор Петрович² и Николай Владимирович³, — сейчас многое практически уперлось в развитие дорог. Если мы не решим эту проблему, никакой отдачи не будет. Товарищ Татарчук⁴ приводил пример: в Калининской области есть отстроенная деревня — с магазином, с медпунктом, с другими хорошими условиями, а туда никто не едет жить, потому что нет дороги. Деревня полгода оторвана от жизни, от мира. И рядом со столицей, в Подмосковье, прямо начиная от Рузы и даже ближе, — такая же история. Товарищи говорят: так надо же пересмотреть структуру капвложений, в том числе и по Минводхозу, чтобы подтянуть положение с дорогами. И, может быть, сделать это, не дожидаясь новой пятилетки.

Нам настойчиво говорят о необходимости орошения и осушения новых площадей, о переброске все новых масс воды. В то же время очень невнятно, неохотно и невразумительно говорят о «доведении до ума» мелиорированных земель, которые не дают обещанных урожаев. Положение здесь требует принятия действенных мер и лучшего контроля за уже принятыми решениями, которые зачастую просто срываются.

А ведь эти вопросы давно дебатуются, давно уже нас волнует проблема отдачи капитальных вложений в Нечерноземную зону, давно уже спорят о том, куда их направлять: на культуртехнические работы или по другим каналам. Я вспоминаю — да и в этом зале найдется не менее 20 свидетелей тому, — когда-то мы проводили совещание в Министерстве сельского хозяйства по этим вопросам (тогда я еще вел в ЦК вопросы аграрной политики) и подвергали жесточайшей критике Нико-

лая Федоровича⁵ Есть тут Николай Федорович? Помнишь этот разговор?.. Это сколько же времени с тех пор прошло! Надо поворачивать от разговоров, от слов к делу, чтобы наши заседания, в том числе и выступления с этой трибуны Пленума Центрального Комитета, решения правительства не превратились в простую болтовню и надувательство народа. Это политически недопустимо. Раз сказано — надо разбираться и делать!

Пора научиться всем считать народные деньги. Не просто смотреть, что бы еще такое приобрести, а рассчитывать варианты капиталовложений, варианты решений хозяйственных задач, выяснять, что дешевле, что эффективнее.

Мы должны думать об ускорении оборачиваемости средств гораздо больше, чем о наращивании затрат. Один рубль, обернувшийся 20 раз в году, дает больше пользы, чем 10 рублей, обернувшиеся один раз. А среди наших хозяйственников много ли таких, которые заботятся о скорости этого оборота? Даже слов об этом в последние годы не стало слышно.

Нельзя согласиться с настроениями, что, дескать, за перестройку надо платить снижением показателей, экономическими и социальными сбоями. Нет, товарищи! Я должен сказать, что планы этой пятилетки мы можем выдержать и выполнить только за счет дисциплины и порядка. Нельзя ссылаться на возведение новых мощностей и ожидать того, что даст перестройка, хотя она действительно многое откроет и многое даст. Так что настроение: надо платить отставанием — это несерьезное, безответственное настроение. А говоря на партийном языке, это оппортунизм, пока практический оппортунизм — будем так считать, ибо есть политический оппортунизм, а это практический.

Смириться с этим — значит заранее, товарищи, — еще раз хочу об этом сказать — оправдать, благословить любые неудачи, породить новый разрыв между словом и делом. Конечно, никто не гарантирован от ошибок, это верно. Но, ставя вопрос в крупном плане, мы должны добиваться и добиваться обязательно, чтобы перестройка сопровождалась не ухудшением, а улучшением текущей экономической конъюнктуры и социальной ситуации.

У отдельных работников возникает такое настроение: а не отступить ли, не ослабить ли требования и тем самым улучшить показатели выполнения плана, внешне смягчить ситуацию, приглушить противоречия. Надо сказать, что эти настроения в сфере экономики имеются: а не отступить ли в борьбе с алкоголизмом? А не отступить ли в разрывании демократии? А не отступить ли в гласности? А не отступить ли в том — другом... Это поражение будет. Это уже не отступление. Это будет поражение, товарищи. Об этом так надо и сказать сегодня на Пленуме ЦК.

Многие были бы не прочь скорректировать план, амнистировать предприятия, не выполняющие задания по техническому прогрессу, выпускающие некачественную продукцию, вновь прибегнуть к испытанному алкогольному источнику для сбалансирования товарооборота, подкрепления финансового и кассового плана. И, кстати, кое-где и делают это.

Политбюро считает, что такой путь означал бы дискредитацию перестройки и поражение. Не отступать, а двигаться вперед по пути реально-го, а не показного улучшения дел. Думаю, в этом нас поддержат и партия, и народ — именно народ.

Я вспоминаю разговор на Балтийском заводе. Рабочие слышали мое выступление в Мурманске и сказали мне: согласны, что нужен был первый этап, его надо было пройти — и новую атмосферу создать, и новую политику, подходы к ней обсудить, и решения необходимые принять — все это нужно было. Но теперь давайте переходить к делу, браться за дело.

Это, товарищи, в наш адрес говорится — в адрес ЦК, правительства. Поэтому я и думаю, что такой деловой подход партия и народ поддерживают.

Задачи, которые предстоит решать в ближайшие три-четыре года, весьма сложны, очень сконцентрированы во времени. Трудностей и неожиданностей нас ждет немало.

Надо настойчиво вести работу по внедрению нового хозяйственного механизма, экономических методов управления. Мы сделали тут первый шаг: устранили формальные рогатки с пути развертывания самостоятельности непосредственного производителя. Закон о государственном предприятии создает принципиальную возможность для проявления инициативы, самостоятельности трудовых коллективов.

Но захотят ли коллективы, работники проявить такую самостоятельность? Вопрос не праздный. Задача пробудить стремление жить и работать по-новому — многослойная, одними апелляциями к совести эту задачу не решить. Необходимо активное включение интересов. Без этого новая система хозяйствования не срабатывает.

Почему нас так поражают имеющиеся единичные примеры — всплески производительности труда и высоких конечных результатов на семейных фермах, при подряде, в коллективах интенсивного труда? Потому что там удачно, органично сочетаются интересы конечные, общенародные с личными интересами. Там, где нет этого сочетания, результат будет другой.

Надо сказать, что сейчас уже начинает ощущаться воздействие новой системы управления, в частности перевод предприятий на полный хозяйственный расчет, самофинансирование и самоокупаемость.

На меня очень большое впечатление произвела беседа в Мончегорске с хозяйственниками — руководителями горнорудных предприятий Мурманской области. Это был уже другой разговор, были другие руководители, другие размышления, кардинально отличающиеся от тех, какие были еще год-два назад.

Растет интерес к финансово-экономическим результатам хозяйственной деятельности, начинают по-настоящему прикидывать свои возможности и выгоды. С будущего года система полного хозрасчета будет уже не экспериментом, а правилом жизни для большинства работников промышленности.

Но проявились и свои тормозящие моменты. Центральные органы недопустимо медленно раскачиваются, с опозданием определяют экономические нормативы и другие исходные данные, необходимые для заключения хозяйственных договоров.

Кстати, о нормативах, товарищи. Об этом много идет споров. Ученые говорят, что нужны нормативы единые для отрасли. Но это — пример догматизма, между прочим. Мы вводим нормативы в условиях действующей пятилетки. Эту пятилетку мы приняли и подтвердили ее неизменность. Предприятия работают в разных условиях: одни имеют новые производственные фонды, другие находятся в стадии модернизации, третьим еще что-то надо сделать. У одних — одно финансовое состояние, у других — другое. Примените сейчас одинаковый норматив — и это будет худший вид догматизма.

Есть вторая сторона у этой проблемы — нельзя пойти на такие нормативы, которые бы оправдывали бесхозяйственность и бездеятельность, консервировали бы отсталое мышление, — это не меньшая опасность, товарищи. Это как раз то, что у нас сейчас и есть. Норматив должен стимулировать новые подходы. Надо бороться как с одной крайностью, так и с другой.

Как, Вадим Андреевич⁶, правильно записал? Это я хочу наконец здесь публично, при всех завершить нашу с тобой дискуссию.

Мы, товарищи, находимся с вами на переходном этапе. Переходный

период, как его Ильич характеризовал, отличался наличием многоукладности. Так и у нас в эти 2—3 года, пока мы не перейдем на все намеченное, тоже будут сосуществовать старое и новое. Должно пройти какое-то время, мы будем иметь полный хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование, так сказать, в чистом виде.

Но сейчас мы имеем лишь отдельные элементы полного хозрасчета, делаем лишь первые шаги на этом пути, и нам придется учитывать это положение. И в этом — трудность. Это мы должны понять. И все-таки двигать, двигать, двигать дело вперед. Эти противоречия надо иметь в виду.

Я недавно слушал по радио дискуссию ученых и представителей предприятий, на которой, по-моему, присутствовал и заместитель директора ВАЗа по экономической работе. Так вот я почувствовал, Борис Иванович⁷, — это в порядке отступления, — что там перья летели от Минфина. Я не знаю, насколько это было объективно, тем более что я не смог все послушать, — это было, так сказать, накоротке, не было возможности полностью прослушать, хотя, может быть, стоит запросить и прослушать эту передачу в целом.

Вы знаете, какой у нас парадокс был? Да он и сейчас есть. Все мы порядочное время являемся депутатами Верховного Совета, но когда-нибудь мы с вами слышали о невыполнении бюджета? Кто-нибудь это слышал? Может, товарищ Ломако слышал когда-нибудь? Думаю, вряд ли. В те времена тем более не допускали разговоров о невыполнении. На словах бюджет всегда выполняли. Но как же это могло быть при невыполнении плана, при провалах пятилетки? Провалена пятилетка, а Минфин докладывает, что госбюджет выполнен... Значит, раздвали хозяйства, все забирали у них, оказывается, и хозяйства ставили в трудное положение. Разве это нормальная база для выполнения бюджета?

Я не за то, товарищи, чтобы бюджет не выполнять. Нужно содержать армию, людей лечить надо, образовывать людей надо, все надо делать, что по схеме Маркса предусмотрено — не буду сейчас, так сказать, вести занятие по политэкономии. Это все нужно. И задания бюджета должны быть законом жизни страны, деятельности всего народного хозяйства и всех трудовых коллективов. Но надо же находить такие механизмы, которые бы обеспечили и то, и другое.

Так вот с этой точки зрения, Борис Иванович, надо посмотреть, все ли у вас так настроены, как закон требует. Что-то в этой передаче очень остро критиковался Минфин. Говорили, что у работников старой заковки — а они там вас окружают — перемен пока никаких не видно. Надо сказать, что в какой-то мере и со стороны отраслевых министерств проявляется стремление запеленать работу объединений и предприятий, чтобы от их самостоятельности, как говорится в детской сказке, остались «рожки да ножки».

Комиссия товарища Талызина⁸, Экономический отдел ЦК и товарищ Слюньков — все, кому положено, должны этими делами заняться. И все зампреды Совмина, возглавляющие бюро по руководству межотраслевыми комплексами.

Сейчас нет времени на раскачку. А то как делают? Давайте, говорят, подготовьте бумажку — через две недели рассмотрим. Это отрывки старой работы. Сейчас надо работать так, как мы в Чернобыле работали. Есть проблема — садись, решай. Не хватает дня — сиди ночью. Революция, она не бумагами и записками пишется, она не понимает тех, кто хочет все расписывать от сих до сих. Если у нас революция и мы ее возглавляем, то надо и действовать по-революционному, и трудиться так.

Я уже не раз это говорил: такова ответственность наша с вами — всех, сидящих в этом зале. И на этот счет дискуссий в ЦК КПСС не может быть. Дискуссия может быть только о том, как и кто лучше

сделает. Все, что надо делать, съезд решил, есть на то решения Пленумов. Как лучше делать, об этом теперь надо дискутировать.

Размагничивание — опасное дело. И Секретариат ЦК, и Политбюро будут строго спрашивать. На этом этапе строгость, требовательность к кадрам будет усиливаться. Это не противоречит демократии, а отличает две стороны демократии — права и ответственность.

Еще один парадокс: стремление к увеличению доли государственного заказа сегодня исходит не только из центра, и оказывается теперь не столько из центра, сколько от самих предприятий. Что за этим стоит? Ведь нам важно всегда видеть, что за этим стоит. Наш хозяйственник не умеет, не знает, как ему работать с выходом на прямые связи. Он хочет, чтобы ему Воронин обеспечивал связи, нашел их, прикрепил его и так далее. Будет плохо, если мы станем соглашаться с этим и станем, не разобравшись в сути дела, как это часто бывает, писать бумаги об увеличении госзаказа и так далее, вместо того чтобы заняться кадрами, их воспитанием, подталкивать их.

Сейчас нужно помочь кадрам освоить новые методы хозяйствования. В этом задача партии, всех партийных комитетов. И вообще сейчас проблем будет возникать много. Прежде чем что-то решать или выдвигать какие-то вопросы, надо разобраться в природе этих явлений. Тогда станет ясно, что нужно делать. А анализ природы этих явлений будет приводить к главному вопросу — к кадрам, к их работе, компетентности, к умению действовать в новых условиях. Вот куда сейчас перемещается центр нашей работы — в трудовые коллективы. Об этом еще будет речь.

Самостоятельность предприятий, экономическая ответственность ведомств и местных органов за принимаемые решения, развитие кооперативных форм по-новому поставят и вопрос о взаимоотношениях в «треугольнике»: партия — Советы — хозяйственные органы. В этом, собственно, и состоит суть перехода к новым, экономическим методам управления.

Вокруг этого вопроса сталкиваются интересы и мнения уже сейчас. Я попытался кое-что сказать на эту тему в последних поездках. Всем нам надо видеть эту реальную ситуацию, готовиться к ней заранее, прорабатывать вопросы, которые могут тут возникнуть, отрабатывать новые формы и стили взаимоотношений.

Нам предстоит, как вы знаете, осуществить меры по перестройке органов управления — союзных, республиканских и местных, улучшить их организационные структуры и на этой основе сократить численность занятых здесь работников. Когда я привел цифры о численности аппарата управления — это я в Мурманске сказал... — Николай Ефимович, что там женщина воскликнула?

Кручина. «С ума сойти можно!»

Горбачев. Да, с ума сойти можно! Вы, наверное, слышали это по телевидению? На весь зал говорит: с ума сойти! Это когда я сказал, что сорок миллиардов рублей затрачиваем в год на содержание аппарата управления и пятнадцать миллионов управляющих имеется в стране: на каждые шесть-семь человек — управляющий. Да, с ума сойти можно.

Такой подход, товарищи, органически связан с изменением функций органов управления в условиях расширения прав и самостоятельности предприятий. Все это надо провести по-разумному, организованно, проявив максимум заботы о высвобождаемых работниках, их трудоустройстве. Хорошо, что журнал «Советский Союз» — Николай Матвеевич⁹ где-то тут должен быть — дал в последнем или в одном из последних номеров статью о том, как шла ликвидация одного научного учреждения в ведомстве Юрия Петровича¹⁰. Хорошо! Надо и это осваивать там, где это

нужно. Мы же ввели хозрасчет для научных учреждений с первого числа будущего года!

В Ленинграде мне рассказали: когда они пришли к выводу о ликвидации двух научных учреждений, то как тут все забеспокоились наконец. А то они два миллиона в год расходовали и ни на копейку ничего не давали. А два миллиона расходовали! Но когда подняли эти вопросы, как забеспокоилась Москва, не только на месте, но и Москва, в том числе и товарищ Никонов — президент ВАСХНИЛ. А ленинградцы проявили — за ними это не водилось раньше, — а тут проявили либерализм, год отсрочки дали: вот вам год дается — покажите, что можете работать...

Может быть, и такой шаг правилен, я не ставлю его полностью под сомнение. Но с «кормушками» надо кончать, товарищи. Это проедаются национальный доход и огромные интеллектуальные ресурсы. Сидят люди по конторам вместо того, чтобы непосредственно участвовать в наращивании национального дохода. Поэтому линия на упорядочение, на ликвидацию громоздкости нашего управленческого аппарата надо вести последовательно. Но при этом проявлять заботу о людях. Это — социализм, и при социализме любая задача, особенно такая, должна решаться по социалистически.

Мы обязаны сделать все, чтобы реформа управления становилась все более мощным рычагом ускорения социально-экономического развития страны.

Специфическая группа трудностей будет связана в ближайшие годы с решением вопросов правотворчества. Мы вообще отстали в разработке многих законов, без которых не может нормально функционировать современное социалистическое общество. Их в любом случае надо было бы создать. Сейчас же предстоит это сделать с прицелом на новые формы нашей жизни, которые еще только складываются. В этом и трудность, но этим же определяются важность, необходимость и даже, я бы сказал, срочность этой работы.

Особенно важно покончить с засильем подзаконных актов, с ненормальным положением, когда масса инструкций и положений калечит законы, практику исполнения, а иногда и прямо противоречит им. Наша хозяйственная и социальная практика должна твердо стоять на фундаменте Закона.

Скромные пока успехи перестройки, равно как и нерешенные проблемы, говорят еще и о дефиците дисциплины и ответственности, который активно тормозит перестройку. Это касается прежде всего выполнения решений на всех уровнях. Партийное и государственное решение — закон, а не благое пожелание. Решения, остающиеся на бумаге, дают лишь один эффект — отрицательный. Они размывают авторитет руководящих органов, приучают людей и коллективы к безответственности, множат психологию разгильдяйства.

Нам надо ответственнее подходить и к принятию решений, потому что часто бывает так: заинтересованные лица, или группа лиц, или группа ведомств стараются любой ценой протолкнуть решение, в котором они заинтересованы. А оказывается, оно не продумано и с самого начала было нереальным, но оно уже принято и начинает реализовываться. Это оборачивается политическими и нравственными потерями, вызывает определенную реакцию в обществе.

Вообще строже надо принимать решения и только те, которые сейчас необходимы. Не плодить решения, не плодить. Авторитет плана надо поднимать. Новые решения должны приниматься в рамках плана: есть целевые, региональные программы, которые должны давать ориентацию принимаемым решениям. Необходимо, особенно для центральных органов управления, формировать правильные пропорции, видеть перспективу. Это все вроде бы ясно. Однако у нас сейчас принимается очень много и таких решений, без которых можно было бы обойтись. Был период,

когда нам надо было принимать много новых решений, на которых должны базироваться и демократия, и новые хозяйственные подходы. Этот этап в основном завершен. Поэтому надо на эту сторону обратить внимание в том числе и в ЦК.

Особо надо сказать о таком специфическом проявлении недисциплинированности, как бесхозяйственность. Ее масштабы продолжают оставаться, без преувеличения, преступными. Членам ЦК известно, что по некоторым видам продукции потери измеряются четвертью, третью, чуть ли не половиной производимого, добываемого, выращиваемого. Многие хозяйственники по-прежнему находятся во власти психологии неумеренного расточительства. По имеющимся оценкам, экономия материальных затрат в текущем году составит около одного миллиарда рублей вместо шести миллиардов рублей по плану. И вообще пока мы живем в нашей стране лихо. Не экономим ресурсы — ни денежные, ни материальные, ни трудовые, ни кадровые.

Мы, товарищи, разучились беречь, экономить, свыклись с бесхозяйственностью. Хозрасчет многое тут поправит, но полного и, главное, быстрого исцеления он нам не гарантирует. Нам надо прямо поставить вопрос так: реформа не достигнет цели, если не будет подкреплена новым — я это подчеркиваю — новым, ответственным отношением к народному достоянию, общественному богатству, природным и материальным ресурсам.

ЦК видит два параллельных пути выправления положения дел. Первый путь — экономический. Нужно поставить дело таким образом, чтобы любая бесхозяйственность наказывалась прежде всего рублем, причем из кармана конкретного виновника. Нужно положить конец разлагающей, безнравственной практике словесных выговоров за реальный ущерб. То есть надо, конечно, и выговор объявить, и с работы снять в каких-то случаях. Но прежде всего надо ударить рублем и гласностью. Вот главное, решающее средство.

Второй путь — требовательность и еще раз требовательность. У любого проявления бесхозяйственности, расточительности всегда есть конкретные виновники. И с них должен быть максимально суровый спрос по всем линиям — и по закону, и по партийной линии, и через максимальную гласность.

Давайте, товарищи, 1988 год проживем поэкономнее, побережливее. Если надо ужесточить законодательство, давайте ужесточим. Если требуются соответствующие административные меры, давайте применять их, не стесняясь. Давайте поставим все под гласный строжайший надзор трудящихся. Печать, телевидение, народные контролеры, профсоюзы, комсомол, словом, вся общественность страны должна встать прочной заставой на пути бесхозяйственности.

Медленно перестраивается работа в центре и на местах по преодолению остаточного принципа развития социальной сферы. В нее в централизованном порядке направлены крупные дополнительные финансовые и материальные ресурсы. Прежде всего на жилищное строительство. Здесь тоже резко расширены права и возможности трудовых коллективов, республиканских и местных органов. Некоторые регионы ищут новые, нетрадиционные подходы, развернули работу по расширению участия населения в строительстве жилья. Это относится к Московской, Ростовской, Гродненской областям, Татарии и ряду областей Казахстана.

Но картина очень пестрая. Отстают с выполнением плана ввода жилья в Молдавии и Эстонии, Волгоградской, Оренбургской и Омской областях, Краснодарском крае, Удмуртии, в Бурятии.

В общем, товарищи, если суммировать, то нельзя не признать, что еще на многих направлениях, во всех сферах жизни, особенно в экономике, у нас сильно сказывается многолетняя привычка жить и работать по

указанию сверху, неумение, подчас и нежелание инициативно вести дело в условиях полного хозяйственного расчета.

Я не ставлю себе задачу — и вам не советую, товарищи, — обличать людей в том, что они не умеют работать. Одно дело, если человек выступает против нового, занимается какую-то политическую позицию — игнорирует или саботирует принятие решения. А неумение, товарищи, требует помощи с нашей стороны, в этом случае партия должна прежде всего помочь человеку найти эффективные формы для этого и морально укрепить его, дух поддержать, помочь овладеть ситуацией. Это очень важно, товарищи, очень важно. И здесь не надо всех валить в кучу. Того, кто стоит на нашем пути, надо убрать: это должно быть четко и ясно. Но основная масса наших кадров — это хорошие коммунисты, многие из них работе жизнь отдали, не зная отдыха ни днем, ни ночью, так сказать. А сейчас им трудно. Вот к ним-то и надо прийти: не умеют они — надо помочь. Если некоторые из них попросятся перевести на другую работу — это другое дело, в этом тоже надо помогать. Но все-таки основной массе наших работников надо помочь учиться работать — и дух их поддержать, и помочь освоить новое дело и новые методы работы.

Разносы, накачки, когда аж перья летят, — это мы умеем делать, это мы знаем. Но это годилось для периода командных и административных методов. Сейчас надо людей поддержать — тех, кто способен работать и берется за дело. И им помочь, и выдвигать новые, свежие силы.

Товарищи! Я подхожу к главному вопросу. Успех перестройки в решающей степени зависит от энергии, целеустремленности, силы примера партии. В последнее время здесь резче обозначились признаки отставания. Как вы помните, я говорил на июньском Пленуме ЦК, что, по мнению Политбюро, наметилась тенденция отставания ряда партийных организаций от динамизма процессов, происходящих в обществе. Эта тенденция еще не преодолена. Больше того, кое-где она даже и разрослась, углубилась. Признаки отставания ряда партийных организаций от процессов перестройки явно обозначились, и это не может не вызывать чувства тревоги. Ибо партия — это мотор перестройки и гарантия перестройки.

Политбюро считает необходимым поставить вопрос так: коренное улучшение деятельности партийных организаций, партийных органов и кадров на основных направлениях перестройки — наша главная задача сегодня. Если мы не добьемся решительного перелома в работе партийных организаций, все зависнет, превратится в маниловщину, породит неверие и недоверие народа. И, кстати, у народа эта тревога чувствуется. Встречи на местах показывают, что народ сейчас обеспокоен: уже прошло два с половиной года после апрельского Пленума, а кое-где — в некоторых районах, на некоторых предприятиях — палец о палец не ударили, ничего не сделали, чтобы пойти навстречу времени, навстречу инициативе народа. Если это люди видят, то почему мы не видим? Значит, кое-кто не хочет видеть, что ли? Давайте уж до конца будем договаривать, до конца будем откровенно говорить об этом в своем кругу.

Там, где партийные руководители пошли к людям, завоевали их доверие, разбудили инициативу, самодеятельность, — а таких теперь много, уже тысячи примеров имеются, — там, где смело встали на путь демократизации и гласности, внедрения хозрасчета, коллективного подряда, дали простор гибким формам удовлетворения потребностей людей, — там дело быстро пошло вперед, положение начало меняться. И прежде всего там другая атмосфера.

К сожалению, немало у нас городов и районов, даже областей и республик, где активное и глубокое движение по-настоящему еще не началось. Недавно Секретариат ЦК рассмотрел работу ряда обкомов партии,

в том числе Калининградского и Брянского. Надо прямо сказать, что каких-либо существенных сдвигов в развитии этих областей за последние годы не произошло.

Я должен сказать, что многие секретари ЦК делились со мной своими переживаниями, впечатлениями после этого заседания Секретариата. Они просто были поражены инертностью этих партийных комитетов и какой-то вялостью позиций их первых секретарей. Во время встречи с первыми секретарями обкомов партии Нечерноземной зоны я задал вопрос секретарю Калининградского обкома¹¹: как они думают исправлять положение? Он мне сказал, что выводы им и всей парторганизацией будут сделаны и к конференции они решительно поправят дело к лучшему на всех направлениях. Ну что же, я думаю, это — слово серьезное. Мы прежде всего будем доверять людям, но, товарищи, мы будем и контролировать работу — и свою собственную, и всех наших кадров, контролировать в духе высокой ответственности и самокритики. Только так нам надо и действовать.

Все нити перестройки в конечном счете сходятся в первичной парторганизации. Работники Центрального Комитета партии ознакомились с положением дел в первичных парторганизациях и обнаружили, что многие из них, прямо скажем, плетутся в обозе перестройки. Причем в первичных парторганизациях еще довольно широко распространено мнение, что причины медленной перестройки находятся за пределами их коллективов, что недостатки исчезнут сами по себе, если в центре будут приняты какие-то решения. Это позиция посторонних. Это очень опасная позиция, ее надо развенчать. А там, где живут традиции большевистской открытости, убежденности, принципиальности, — там совсем другая обстановка, совсем иначе решаются все дела.

Когда мы проводили встречу с первыми секретарями обкомов партии зоны Нечерноземья, я, открывая эту встречу кратким словом, сказал: хочу сначала послушать вас, а уж потом скажу несколько слов я. Первым взял слово Юрий Владимирович¹². Где ты, Юрий Владимирович? Он выступил, рассказал, что делают, что меняется, и, кстати, именно он очень остро поставил вопрос о дорогах, и его все поддержали. Он тоже констатировал, что в парторганизациях пока медленно идут процессы их активизации, повышения боевитости. Я ему задал вопрос: а в чем дело, в чем корни? Одной констатации мало: ты знаешь, и мы знаем это... А в чем дело? Вы же должны докапываться до корней явления и в ЦК должны «нестись» после докапывания. Докапываться до корней явления — это же очень важно! Если мы во всем не разберемся, не преодолеем эту тенденцию, как же партия будет работать? Это же главный механизм! Не услышал я от него ответа. Я ему сказал: даю тебе домашнее задание и в порядке помощи даю такой совет: возьми «треугольник» — райком, хозяйственные кадры и парторганизации и вот в этом «треугольнике» поразмышляй, кто тут кого держит, кто кому помогает и кто, так сказать, что должен делать.

Ну а подытожить эту тему хочу вот чем: правильно говорят: какова позиция обкома партии, как он ставит вопрос о райкомах и горкомах, о парторганизациях, таково и положение дел, если уж говорить начистоту. Поэтому нечего кивать на коммунистов, товарищи, если мы их пеленаем по-прежнему своими регламентами так, что коммунист слово не может сказать.

Вот «Комсомольская правда» детектив опубликовала о том, как один директор в Казахстане объявил голодовку. Наверное, прочитали вы? Кто не прочитал — прочитайте, это интересно прочитать. Что же там произошло? На партсобрании коммунист выступил с критикой. А этот директор и говорит: хватит критиковать, вносите предложения. Хорошо. Коммунист воспользовался его советом и внес предложение: директора заменить, поскольку он неспособный. И все проголосовали за то, что надо

директора освободить. Все партсобрание высказалось за это предложение. И тут пошла вся «номенклатура» — сверху донизу — защищать этого номенклатурщика! Тогда он и телеграммы направил, голодовку объявил... Это ведь как интересно, как активно действует он! Самое интересное будет, Геннадий Васильевич¹³, если вы примете решение еще и оправдать его, защитить, понимаете ли, и орден выдать ему или похвальный лист! Вот до чего доходит дело!

Поэтому наша позиция, товарищи, такова: мы должны помочь парт-организациям. Там у людей накопилось многое, что сказать, и они знают, что надо сделать, знают все реальные недостатки. Они пока еще не могут воспользоваться настоящей, изменившейся ситуацией в самой атмосфере парторганизации, ее нет еще. Вот ключи где! Эту ситуацию мы с вами, мы с горкомами и райкомами партии должны создавать!

Исходя из этого, мы посоветовались в Политбюро и думаем, что прежде всего нам надо осуществить то, о чем мы договорились в июне. Мы приняли решение о принципах проведения отчетов о ходе перестройки на пленумах партийных комитетов и в первичных организациях. Это первое.

Второе. Я думаю, что все-таки нам нужно найти время, при всех трудностях выбрать пару дней в январе или в феврале, может, в январе сразу не удастся это сделать: год только еще завершится, еще не будем иметь его итогов, может быть, в начале февраля собрать в ЦК КПСС совещание секретарей горкомов и райкомов партии — всех их пригласить сюда, с участием первых секретарей обкомов партии. Как вы на это смотрите?

Голоса. Правильно.

Горбачев. Нужен такой разговор. Это же передний край нашей борьбы! Причем основная масса секретарей (я заранее могу об этом сказать, поскольку знаю по опыту) — это хорошие коммунисты, но одни нашли себя в работе, а другие пока не нашли. И только часть среди них таких, которые, так сказать, создали вокруг себя какую-то вотчину и живут — ждут, сколько удастся продержаться. Такие есть, но это — единицы. Значит, нужен разговор, нужна помощь, нужна поддержка.

Товарищи!

Если выделить то главное, с чем мы подошли к 70-летию Великого Октября, с чем пойдём дальше, то это — поворот к человеку. Это глубокое сознание той истины, что человек — самая высокая ценность, что в конечном счете вся наша деятельность имеет смысл постольку, поскольку она нужна конкретным живым людям, поскольку она делает их, а с ними и наше общество выше, чище, лучше.

Именно такие гуманистические цели были провозглашены революцией и социализмом. Сейчас мы вышли на такой уровень возможностей, который позволяет ставить эти цели качественно по-новому, на деле подчинять интересам человека экономику, социальную сферу, перестраивать нашу жизнь. И мы с вами начали такую работу.

Трудно ли нам сейчас? Да, очень трудно. И в ближайшие 2—3 года, по-видимому, легче не станет. Но это хорошие трудности, идущие от понимания и нужности начатого, от сознания масштабности того, что предстоит сделать.

Мы рассчитываем, что итогом коллективных, всенародных усилий станет новое, более динамичное, справедливое, более нравственное общество, шаг за шагом раскрывающее социальный потенциал социализма, его гуманистическую и революционную преобразующую силу.

70-летие Октября дает нам возможность еще раз и по-новому, в остром идейно-политическом ключе поставить многие актуальные проблемы обновления социализма, теории и практики перестройки. Думаю,

вы согласитесь с такой постановкой вопросов, решение которых — наша общая коллективная задача и ответственность! (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Лигачев**. Товарищи! Таким образом, доклад окончен. Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Пожалуйста. Нет вопросов? Если вопросов нет, то нам надо посоветоваться.

Горбачев. У товарища Ельцина есть вопрос.

Председательствующий т. **Лигачев**. Тогда давайте посоветуемся. Есть нам необходимость открывать прения?

Голоса. Нет.

Председательствующий т. **Лигачев**. Нет.

Горбачев. У товарища Ельцина есть какое-то заявление.

Председательствующий т. **Лигачев**. Слово предоставляется т. Ельцину Борису Николаевичу — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Ельцин. Доклады, и сегодняшний, и на 70-летие, проекты докладов обсуждались на Политбюро, и с учетом того, что я тоже вносил свои предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за это некоторое время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашаюсь с тем, что сейчас очень трудности большие в перестройке и на каждого из нас ложится большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском Пленуме Центрального Комитета партии.

Я должен сказать, что после этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного духа, такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, надо прежде всего делать нам выводы на сегодняшний день. Надо прежде всего делать выводы в завтрашнее. Что же нам делать? Как исправлять, как не допускать то, что было? А ведь тогда просто дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это и привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2—3 года — 2 года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять 2—3 года,— это очень дезориентирует

людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем. И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский Пленум Центрального Комитета партии. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит. Конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном этих всех документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально ничего за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже если сейчас очень сильно — а это необходимо — революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. И мы через два года перед людьми можем оказаться, ну я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше — он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшать ли институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того, как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. За это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит и линии партии, и решениям съезда, и тем призывам, которые у нас друг к другу есть.

Я думаю, что еще один вопрос. Он непростой, но здесь Пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, то, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, — тяжелые уроки. Были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит — у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза, это — да, это нужно. А не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой». Мы этого допустить просто не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то определенным уже, недопустимым, так сказать, перекосам, но тем не менее первые какие-то штришки вот такого отношения есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее. (Пауза.)

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие

некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии.

Горбачев. Наверное, далее мне удобнее вести заседание.

Лигачев. Да, пожалуйста, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Товарищи, я думаю, серьезное у товарища Ельцина выступление. Не хотелось бы начинать прения, но придется сказанное обсудить.

Хочу повторить основные моменты заявления. Первое. Товарищ Ельцин сказал, что надо серьезно активизировать деятельность партии и начинать это следует с Центрального Комитета КПСС, конкретно с Секретариата ЦК. Замечания в этой связи были высказаны Егору Кузьмичу Лигачеву.

Второе. Ставится вопрос о темпах перестройки. Утверждается, что назывались сроки перестройки два-три года. Отмечается, что такие сроки ошибочны, это дезориентирует людей, ведет еще больше к сумятице в обществе, в партии. Положение чревато такими последствиями, которые могут погубить дело.

Третье. Уроки мы извлекаем из прошлого, но, видимо, с точки зрения товарища Ельцина, не до конца, поскольку не созданы механизмы в партии, на уровне ЦК и Политбюро, которые бы исключали повторение серьезных ошибок.

И, наконец, о возможности продолжить свою работу в прежнем качестве. Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарем горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет.

Что-то тут у нас получается новое. Может, речь идет об отделении Московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на Пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю.

Садись, садись, Борис Николаевич. Вопрос об уходе с должности первого секретаря горкома ты не поставил: сказал — это дело горкома партии.

Вот, собственно, все, кроме твоего возражения, будто я неправильно тебя понял, что ты ставишь вопрос и перед ЦК о своей работе в качестве секретаря горкома партии.

Правильно я интерпретировал в сумме твои высказывания, товарищ Ельцин?

Давайте обменяемся мнениями, товарищи. Вопросы, думается, поставлены принципиальные.

Это как раз тот случай, когда, идя к 70-летию Великого Октября, и этот урок надо извлекать для себя, для ЦК и для товарища Ельцина. В общем, для всех нас.

В этом вопросе надо разобраться.

Пожалуйста, товарищи. Кто хочет взять слово?

Члены ЦК знают о деятельности Политбюро, политику оценивают, вам видней, как тут быть. Я приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю. Если из членов Политбюро кто-то хочет взять слово, то я, естественно, предоставлю. Пожалуйста.

Товарищи, кто хочет выступить, поднимите руку.

Лигачев. Я хотел бы просто высказать несколько соображений в связи с выступлением Бориса Николаевича Ельцина. Прежде всего со всей ответственностью хочу подтвердить, о чем неоднократно заявлял в кругу своих товарищей и на Политбюро, и на Секретариате, что в моей работе и в работе Секретариата действительно есть над чем подумать и что надо улучшать. Это я говорю не потому, что поставлен сейчас в такое положение неожиданно, а потому, что это просто соответствует моему характеру работы и моему умонастроению. Все мы действительно учимся в очень сложных условиях, в условиях, которые требуют колоссального напряжения физических и интеллектуальных сил. И так же, как и вы, так и все мы, я могу сказать о своих товарищах по работе, отдаем себя без остатка. Меня так воспитала партия. Она меня сформировала, и я строго слеую этому правилу.

Чувствую, и для меня, и, думаю, что не ошибусь, для моих товарищей требуется немало для того, чтобы лучше исполнять вашу волю, волю Центрального Комитета партии, волю партии.

Все мы очень напряженно работаем, учимся и постоянно связаны с местными партийными организациями и вместе с ними работаем. Но вместе с тем я категорически отрицаю заявление товарища Ельцина, которое он сделал еще тогда, на предыдущем Пленуме, о том, что Секретариат, буквально цитирую: посылает людей, для того чтобы собирать негативные материалы в партийных организациях. Вот вы здесь находитесь, скажите, где, когда, по какому поручению Секретариат посылал работников ЦК в ту или иную партийную организацию для того, чтобы найти какие-либо негативные факты, и чтобы потом, искусственно созданное, принять какое-то решение. Это супротив моих взглядов. Я работал не столько в Москве, сколько там, где вы сейчас работаете, и никогда, никогда не применял такие методы, хотя была ситуация сложная, тяжелая и непростая.

Считаю это просто чистойшей клеветой, причем второе заявление, без всякого абсолютно доказательства. У меня каких-либо личных стычек с Борисом Николаевичем не было никогда, были самые нормальные отношения. Когда он работал на Урале, я работал в Сибири, хотя отношения были такие обычные, я бы сказал. Если уж говорить правду, вот сидящие за мной могут подтвердить, хотя, наверное, это мне надо сейчас многое пересмотреть, это один из тех товарищей, который стоит перед вами, который вносил предложения о выдвижении товарища Ельцина. Это может подтвердить Михаил Сергеевич, это многих предложение. И мне это ставят сейчас не без основания в укор.

Я никогда, если я в этом виноват, я готов признаться, никогда неуважительно не относился к партийным работникам. Сам такой. Первым секретарем работал 17 лет. Но требовательность есть, была и будет. Думаю, что это не только ко мне относится, но и относится к нам всем. Вот это первое, что я хотел сказать.

Второе. Я думаю, что ни на гран не преувеличу, если скажу: товарищ Ельцин фактически не принимает участия в работе Политбюро. Можете проверить по протоколам: десятки заседаний, когда товарищ Ельцин ни одного слова не произнесет. Это единственный член, кандидат в члены Политбюро, который не принимает участия, и особенно при обсуждении острейших, принципиальных вопросов политики партии. Когда был Михаил Сергеевич в отпуске, мне поручило Политбюро вести заседания. И тогда, когда даже вопросы Москвы обсуждаются, только лишь после того, когда его попросишь, он что-то может по тому или иному вопросу сказать. Видимо, накапывал для того, чтобы сказать здесь. Ну, дело в конце концов, как говорят, хозяйское. Хотя мы очень много обсуждаем, иногда по несколько раз выступаем.

По поводу всякого рода славословия в Политбюро. Я к этому не принадлежу и не занимался никогда славословием. У меня с товарищем

Горбачевым такие же, как и у вас, партийные и честные, откровенные отношения. Если кто-то занимается славословием, Вы скажите, пожалуйста, товарищ Ельцин.

Далее. О том, что был сильнейший подъем в народе, а теперь стала падать вера у людей, я считаю, это принципиально неправильно. Принципиально неправильное политическое заявление. Это ставит вообще под сомнение всю нашу политику. Слов нет, не все еще так работают, как нам хотелось бы. Это естественно и понятно в силу целого ряда обстоятельств, о чем здесь было уже сказано в докладе Михаила Сергеевича Горбачева, но я всей душой чувствую как член ЦК, что нас народ поддерживает, и это вселяет уверенность, что то дело, которому мы себя посвящаем, будет реализовано, воплощено в жизнь.

Я хотел бы уже завершить свое выступление. Главное, отмечаю, партия разработала курс, она получила мощную поддержку, и у нас есть все возможности для того, чтобы одержать успех. У нас есть четко два направления: это радикальные реформы и демократизация страны, у нас есть такое сильнейшее средство, каким является, которое удешевляет наши силы,— гласность, открытость, и критика, и самокритика. Если мы, конечно, не заговорим нашу перестройку, тогда мы не закопаем ее, а мы с вами не гробовщики, а первопроходцы. И я глубоко уверен, что партия одержит, несомненно, победу. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Может, все-таки кто-то из членов ЦК возьмет слово?

Пожалуйста, Сергей Иосифович. А то вроде получится, что мы сами защищаемся — «командой». Вам со стороны виднее. Это принципиальные вопросы, так уж давайте говорить откровенно. Членам ЦК виднее, и мы будем знать их точку зрения.

Слово предоставляется т. Манякину Сергею Иосифовичу — члену Центрального Комитета КПСС, председателю Комитета народного контроля СССР.

Манякин. Товарищи! Мне думается, что на этот вопрос следует посмотреть таким образом. Товарищ Ельцин в Москве, в городской партийной организации, себя не нашел. В Комитете я работаю недавно. Естественно, начал интересоваться, как идут дела в столице: вопросы снабжения, торговли, хозяйственного строительства.

Товарища Ельцина я знал, когда он еще работал в Свердловской парторганизации, а Омск сравнительно недалеко. Мы интересовались, как идут дела в областях. И смотрел здесь, в Москве: вначале импонировало, старается, ищет человек, все же столичная организация непростая. Вскоре стало ясно, что он пошел не туда. Легко давались обещания, много стало показного в работе, идет заигрывание с людьми. Дела же в Москве стали заметно ухудшаться. В частности, проверки Комитета показали, что обстановка в госторговле овощами и фруктами в столице приобрела острый, нетерпимый характер. Выявлены факты вопиющей бесхозяйственности и безответственности. Все так запущено, что потребуется немало времени и усилий, чтобы поправить положение. Это во-первых.

И во-вторых. Почему так произошло? Я в составе ЦК 26-й год. Такого выступления и заявления еще не было. Это произошло из-за политической незрелости т. Ельцина. Он и в партию вступил поздно, не получил и должной закалки, особенно партийной, да мало поработал и в должности первого секретаря обкома партии. Видимо, такой быстрый взлет, скорое продвижение по работе на фоне политической незрелости и породили сегодняшнее его выступление. Сказались и личные плохие черты характера. Поэтому, я думаю, не надо здесь драматизировать ситуацию, а смотреть реально,— это естественный процесс и закономерный финал, к которому пришел товарищ Ельцин.

Нельзя не сказать и о том, что его выступление было бездоказательным и неубедительным. Это общие слова. А на Пленуме общими словами бросаться не положено. И вообще в выступлении товарища Ельцина лежит тень, в частности на работу Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Я участвовал в обсуждении вопросов в Политбюро, в Секретариате. Это было всестороннее, деловое и очень демократичное обсуждение. Как же можно говорить, что нельзя свободно выражать свое мнение?

Центральный Комитет партии неоднократно занимался вопросами снабжения Москвы плодоовощной продукцией. По ним в августе 1986 г. и июле 1987 г. состоялись решения Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Но у товарища Ельцина не хватило умения организовать работу по их выполнению.

На Секретариате ЦК, когда обсуждался этот вопрос, на мой взгляд, не было должной остроты. После заседания я сказал товарищу Лигачеву: почему Вы так вели Секретариат? Надо же было ударить по столу кулаком за то, как в Москве плохо организована торговля, как необоснованно повышаются цены. И вообще делается немало такого, чтобы возмущались москвичи. Почему такое снисходительное отношение, Егор Кузьмич? Неужели причина этому — выступление товарища Ельцина на Пленуме ЦК? Подтвердите, товарищ Лигачев. Был такой разговор?

Лигачев. Был.

Манякин. Если товарищ Ельцин считает, что материал собирал товарищ Лигачев, то он ошибается. Это Комитет их дал о безобразиях, которые не пресекаются в Москве. Настроили всяких павильончиков дурацких. Стоят они пустые, никому не нужные, нервируют людей. Показуха это! Теперь, видите ли, виноваты Политбюро, Секретариат ЦК КПСС.

Мне думается, что товарищ Лигачев провел рассмотрение этого вопроса на Секретариате либерально. Конечно, я понимаю, что гайки не надо резко закручивать, так как они кое-где заржавели и резьбу не сорвать бы. Но надо и наводить порядок. Рабочий орган Политбюро — Секретариат ЦК должен действовать всегда принципиально. Я думаю, это — дело поправимое.

Я, товарищи, хочу особо подчеркнуть, что обстановка в Политбюро, Секретариате ЦК КПСС сейчас такая, какой не было во времена товарищей Хрущева и Брежнева.

Безусловно, товарищ Ельцин в любое время мог зайти к товарищу Лигачеву поговорить, объяснить. Но он этого не сделал. Затаился, стал накапливать материал, чтобы выплеснуть на Пленуме ЦК. Причем сделано это в период важнейших решений, период сложнейшей работы, когда вопросов больше, чем ответов. Своим выступлением, требованием отставки товарищ Ельцин породил сомнения в деле перестройки, в происходящих в стране переменах. Он высказал, по существу, свое несогласие с Политбюро, с генеральной линией партии. Я считаю, что причина этого — политическая незрелость товарища Ельцина. Вопрос ясен, надо укреплять руководство. А члены горкома и коммунисты Москвы скажут свое слово.

Председательствующий т. **Горбачев.** Слово предоставляется т. Бородину Леониду Александровичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю Астраханского обкома партии. Подготовиться т. Шалаеву.

Бородин. Товарищи! Я, пожалуй, из теперешних секретарей первых обкома, самый старей. Не по возрасту, а по времени. Но прошел всю жизнь. Вот от Сталина и до сегодняшнего времени. Но и чувствовал,

и работал все это время. И если сравнить, то сейчас работать намного труднее во всех отношениях. Но как-то легче на душе, на сердце, как-то видишь результаты и оценку, справедливую оценку своей работы.

Мне от Егора Кузьмича, наверное, больше чем кому-либо доставалось и на Секретариате, и при личной беседе. Ну, характер у него настоящий, но я благодарен ему за ту науку, которую преподавал, и Михаил Сергеевич тоже. Из всего этого сделал вывод, постарался работать получше.

Критика — она, конечно, не сладкая. Но она должна быть. Я Бориса Николаевича знаю давно. Но был удивлен, когда его избрали первым секретарем Московского городского комитета партии. Удивлен самым настоящим образом.

Поэтому, видимо, объективность так сработала, что так вот вышло и он вот это заявил, заявил, конечно, не совсем политически грамотно. Перестройка-то у нас идет, народ-то у нас не отхлынул куда-нибудь, а как раз прилив, и такое заявление делать: волнообразно и отлив, это совершенно неправильно.

Что касается славословия в адрес Михаила Сергеевича со стороны членов Политбюро, но я вот от всей души уважаю Михаила Сергеевича и как человека, и как партийного деятеля. Почему я не могу сказать хорошее в его адрес. Это же не славословие, видимо, и товарищи члены Политбюро тоже...

Горбачев. На Пленуме ЦК я не буду перебивать никого. Вы же ЦК — выше нас всех. Что хотите, то и говорите.

Бородин. Но я скажу, что Михаил Сергеевич не такой человек, чтобы допустить перейти грани дозволенного, этого не будет. Секретариат Центрального Комитета партии — настоящий Секретариат, боевой Секретариат, работоспособный Секретариат и, я скажу, строгий Секретариат, а Политбюро — мы все это знаем — хорошее, работоспособное. Заявление товарища Ельцина просто несерьезно. Ну, подай заявление и уйди.

Часто бывает до того трудно, лежишь и думаешь, а может быть, прийти и сказать. А скажешь — ага, в такое время да уходить. Ну, и просто чувствуешь себя дезертиром. Ну, а коммунист не должен быть таким человеком.

Сколько у нас еще впереди трудностей? Много. И бороться надо до конца, а не уходить в кусты, делая громкое заявление. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев.** Слово предоставляется т. Шалаеву Степану Алексеевичу — члену Центрального Комитета КПСС, председателю ВЦСПС. Подготовиться т. Богомякову.

Шалаев. Уважаемые товарищи! Из членов Центрального Комитета партии я, наверное, один из немногих, которые в течение последних лет постоянно принимают участие в работе Секретариата Центрального Комитета партии.

В свое время я об этом попросил руководство Центрального Комитета партии и сейчас еще раз хотел бы подтвердить, что сами заседания Секретариата — это огромная школа для каждого коммуниста, который принимает участие в их работе, огромная школа. И я бы еще раз хотел сказать — мне удалось быть на заседаниях Секретариата в разное время. И в то время, когда заседания Секретариата вели товарищи Суслов, затем Черненко, Лигачев. То есть я могу объективно сравнивать работу Секретариата. Хочу сказать, что Секретариат Центрального Комитета партии проводит свои заседания, с одной стороны, действительно очень по-деловому, требовательно, с партийной требовательностью, и в то же время очень коллегиально.

Мы, например, пытаемся этот стиль Секретариата Центрального Ко-

митета партии перенести в работу Президиума ВЦСПС, в работу наших профсоюзных органов. И как было бы хорошо, если бы это нам удалось сделать.

О товарище Лигачеве. Я знаю его уже тоже лет восемь близко, и как бывший министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, и как председатель ВЦСПС. Хочу сказать, что человек очень высоких нравственных, партийных качеств. И то, что он находится в руководстве Центрального Комитета партии, это очень хорошо. Это крупный политический деятель нашей партии. Заседания Секретариата ведет так, как и нужно вести: требовательно, по-партийному, и для меня, например, совершенно непонятны те замечания, которые были высказаны лично в адрес товарища Лигачева.

Решений Секретариат принимает, Михаил Сергеевич, наверное, много. Но об этом и Вы говорили сегодня, и я думаю, что и все члены Центрального Комитета партии выступают за то, чтобы решений было поменьше, чтобы эти решения принимались по принципиальным и самым главным вопросам. Но Секретариат — это такой орган, который должен обсуждать, проверять, контролировать выполнение решений Политбюро Центрального Комитета и Пленумов Центрального Комитета. Поэтому у Секретариата Центрального Комитета очень много вопросов, которые он должен рассматривать, контролировать, должен спрашивать за их выполнение.

Но я еще раз хочу подтвердить очень хороший, коллективный, деловой стиль Секретариата Центрального Комитета партии.

О Генеральном секретаре. Я знаю Михаила Сергеевича более 20 лет. Я его знал тогда, когда он еще не был первым секретарем Ставропольского крайкома партии, и поэтому могу только одно сказать, что мы все должны радоваться, что у руководства Центрального Комитета партии находится Михаил Сергеевич Горбачев. (Аплодисменты.)

У него не было никогда в стиле его работы и прежде, — и я хочу это подтвердить — и сейчас, чтобы позволить кому-нибудь допускать какое-то славословие в его адрес и т. д.

Хочу откровенно перед вами отчитаться, что и мне, как председателю ВЦСПС, от него уже попало, когда я однажды на сессии Верховного Совета выступил и сказал много добрых слов за его инициативы в Женеве на встрече с Рейганом. Я сказал это искренне. Искренне сказал то, что я думал, оценивая важность встречи Михаила Сергеевича Горбачева с Рейганом и ту линию, которую удалось ему провести в то время. И хочу вам сказать, что я получил такую взбучку от него за то, что говорил это в личный его адрес, что надо было высказать это в адрес Центрального Комитета партии.

Я не во всех заседаниях Политбюро принимаю участие, мне трудно давать какие-то здесь всеобщие оценки. Но хочу вам сказать, что бывал на заседаниях Политбюро, когда заседания вел Леонид Ильич Брежнев. Заседания проходили по времени примерно так: с 11 до 11.45 или до 12 часов, редко до 13.00. Все вопросы, любые крупнейшие вопросы деятельности нашего народного хозяйства или партии рассматривались за 10—15 минут. Принято? Принято. Все.

Сегодня заседания Политбюро идут практически целый день, до позднего вечера. Обсуждение самое широкое. В обсуждении принимают участие все члены Политбюро, все секретари ЦК. Хочу сказать, что я выношу с этих заседаний именно вот этот дух коллективности обсуждений, именно коллективности. Другое дело, что, может быть, те или иные замечания, высказанные теми или иными товарищами, не всегда могут быть приняты, могут быть и субъективные какие-то замечания. Но в целом дух заседаний Политбюро сейчас — это как раз тот дух, который мы, члены Центрального Комитета партии, приветствуем, поддерживаем и очень хотим, чтобы такой дух и продолжался в будущем.

Я тоже не могу согласиться с Борисом Николаевичем в той части, что сейчас снижается накал участия наших трудящихся в борьбе за перестройку или их вера в перестройку. Это совершенно неправильно. Я могу подтвердить это и на собственных примерах, от встреч в последнее время в трудовых коллективах Новосибирской, Свердловской областей. Наоборот, что радует сегодня, когда встречаешься с рабочими в трудовых коллективах? Радует активность. Сегодня такая активность трудящихся, которой никогда не было. И этому мы должны радоваться. Другое дело, что трудящиеся в результате этой активности требуют большей результативности в работе от всех органов, в том числе от профсоюзов, от ВЦСПС. Повышается требовательность ко всем нам, и это естественно, в этом суть перестройки, мы действительно должны поскорее перестраивать свою собственную работу, чтобы лучше отвечать всем тем задачам, тем требованиям, которые ставит партия.

Для меня непонятно выступление Бориса Николаевича Ельцина еще по одной причине. Я думаю, если у него бывают какие-то отдельные замечания по работе тех или иных товарищей, то у него как у кандидата в члены Политбюро было много возможностей встретиться, высказать эти замечания, обсудить по-товарищески эти замечания, а не выносить сразу на суд всего Центрального Комитета партии. Возможностей у Вас для этого, Борис Николаевич, было много.

И сейчас, в общем, нужны не амбиции, а от каждого из нас нужна очень и очень самоотверженная работа, о чем шла речь в докладе Михаила Сергеевича Горбачева, где он призывал всех нас, всю партию к решению самых неотложных, самых первоочередных задач, связанных с улучшением жизни нашего народа, с перестройкой во внутренней и внешней жизни.

Самое главное сейчас — это укрепление единства нашей партии, укрепление единства Центрального Комитета нашей партии, рядов ЦК во имя тех крупных и важных политических целей и задач, которые были поставлены XXVII съездом партии и последующими Пленумами ЦК. Я за то, чтобы вопрос о товарище Ельцине решить, и это, я думаю, поможет всей нашей партии.

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Богомякову Георгию Павловичу — члену Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, первому секретарю Тюменского обкома партии. Подготовиться т. Моргуну.

Богомяков. Товарищи, я счел необходимым и просто обязанным высказаться публично, в такой обстановке было бы неправильно отмолчаться. Это и потому, что, как вы знаете, не первый год мне уже доверяют Центральный Комитет и партийная организация возглавлять партийную организацию области, во-вторых, я уже довольно много времени вхожу в состав Центрального Комитета партии. Ну и самое главное — то, что, пожалуй, Тюменская область за последнее время больше всего была подвержена анализу со стороны Центрального Комитета партии. Что происходит, как происходит, как идет работа. Об этом мне удалось высказаться и на июньском Пленуме Центрального Комитета партии, за последние несколько лет и в Политбюро, и в Секретариате Центрального Комитета партии нам пришлось отчитываться, докладывать, давать предложения об улучшении работы.

Прежде всего должен сказать, что каждое посещение руководителей партии и правительства нашей области, а их было немало, вы знаете, мы удостоились того, что и Генеральный секретарь нашел возможным побывать в области, лично ознакомиться с проблемами этого края. Секретари неоднократно бывали, руководители партии и правительства. Я уже говорил на июньском Пленуме Центрального Комитета партии и сейчас

хочу повторить, товарищи: партийной организации это дало огромнейшую помощь. Каждое из таких рассмотрений, конечно, каждому из нас и седины, и морщины, и волнений добавляет. Это проходит не бесследно. Но в том жизнь. В том жизнь. Ведь для этого, так сказать, мы живем, для этого действуем, чтоб дело шло, чтоб лучше было.

Что касается самого характера рассмотрения вопросов на Секретариате, ну, конечно же, товарищи, нередко говорят горькие для нас слова, но по-партийному принципиально, прямо, чего же еще нам друг перед другом выискивать какие-то сверхважливые выражения.

Я должен сказать, что полностью не согласен с теми замечаниями товарища Ельцина, что на Секретариате идут какие-то разносы. Отчитываясь неоднократно за последнее время, я знаю, что это были предельно и даже, может быть, более, чем мы порой того заслуживаем, спокойные, солидные разборы дел.

Второе. Должен подчеркнуть, я полностью согласен со всеми положениями доклада. И даже, если хотите, там и о количестве постановлений, Борис Николаевич, нашлись очень мудрые оценки, что, видимо, прошел тот этап, когда новое руководство ЦК должно было, ведь действительно должно, обновить руководящие документы по всем аспектам нашей жизни, хоть по нефти, хоть по строительству, хоть по школам, хоть по образованию, хоть по здравоохранению. И в партийных организациях, Михаил Сергеевич и Егор Кузьмич, есть полное понимание того, что это обязанность нового руководства ЦК — сформулировать концепцию, мы так воспринимаем это дело.

Я знаю Егора Кузьмича Лигачева, раз коснулся вопрос его личности, лет 20 по крайней мере или больше. Мы долгие годы работали в соседних областях... и я должен заявить товарищам, кто, может быть, его меньше знает, об очень высоких его качествах и человека, и партийца. Очень высоких качествах! И это не только мое мнение, смею вас заверить. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Моргуну Федору Трофимовичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю Полтавского обкома Компартии Украины. Подготовить — т. Месяцу.

Моргун. Заявление, высказывания, мотивы товарища Ельцина — я на это смотрю как на явление не просто нормальное, а особо нормальное. И оно есть результат той перестройки и демократизации, которая идет в партии по инициативе Политбюро. И это стало возможным, потому что каждый не только волен, а и может сказать то, что думает. Это по форме.

Что касается сути, то это другой вопрос. Перестройка — дело необыкновенно крупное, и если мы будем на местах уходить от требований Политбюро, от дисциплины и порядка, а прикрываться дома только хорошими речами, то мы перестройку подорвем.

Мы постоянно читаем документы ЦК КПСС, Политбюро и, конечно, Московской городской партийной организации, Ваши доклады и Ваши речи, товарищ Ельцин, и мы постоянно следим и учимся у москвичей давно и сейчас тоже, как работать, как вести дело, и для нас, периферии, кажется странным ослабление некоторых позиций в городе Москве, в столице нашей любимой, особенно в торговле. Мы видим, что стало хуже, и с болью это на местах отмечаем. Мы слышим, что и москвичи сетуют на это дело.

Полтавская область продает государству 230 тысяч тонн мяса. Полтавчане для себя имеют 25 тысяч тонн. 70 процентов — это союзный и республиканский фонды. Наше мясо и основные продукты идут в армию, в Москву и в индустриальные центры нашей Родины, и мы хотим это

больше делать. У нас гибнут овощи, у нас гибнут фрукты, в Москве в магазинах нет овощей и фруктов. Мы хотим везти, мы снаряжаем сотни автомобилей, держим тут машины и на этих автомобилях направляем в Москву продавцов торговать, для которых часто не только не найдут место, где продавать, а и в гостиницу не определят. Вот это связь между речами и конкретными делами. Я об этом говорю с болью, потому что это имеет место, и мы об этом говорим, хочу, чтобы не только закулисно. ЦК КПСС, Политбюро и Секретариат очень правильно предъявляют претензии всем нам, и это мы на местах чувствуем, дисциплину, ответственность и порядок, желание Политбюро мобилизовать всех нас. Это, конечно, в какой-то мере достается и Московской городской партийной организации и, наверное, лично товарищу Ельцину. Вместо того, чтобы принять это как следует и в перестройку включаться на всю мощь, вот по сути Ваше заявление, товарищ Ельцин,— это заявление слабака, на которого в руководящих органах партии на одного станет меньше. Я так на это дело смотрю. Что касается линии Политбюро, позиции, которую занимает Политбюро, Секретариат — боевой орган, у которого нам надо учиться. Ошибки есть? Есть. И мы ошибки допускаем. Там с кадрами что-то не так угадал, там что-то не так угадал. И если в чем-то товарищ Лигачев виноват, так, наверное, тогда, когда рождалась кандидатура товарища Ельцина на Московскую городскую партийную организацию. А что касается во всем остальном, то за Генерального секретаря народ говорит, мир говорит, история скажет. Нечего тут добавит. Впереди у нас еще так много, и под теми знаменами, которые развернула партия, мы знаем, куда мы придем. Что касается Егора Кузьмича, на которого основные стрелы были направлены, мы на местах знаем — деловой, требовательный, авторитетный. Егор Кузьмич, еще, пожалуйста, прибавляйте этой требовательности и силы в руководстве. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Месяцу Валентину Карповичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю Московского обкома партии. Подготовиться т. Коноплеву.

Месяц. Товарищи, я тоже в составе Центрального Комитета партии уже давно. Но, откровенно говоря, такое заявление, которое сделал товарищ Ельцин после содержательных, это, наверное, поддержат и с этим согласятся все члены Центрального Комитета партии, тезисов того доклада, который должен будет прозвучать на 70-летию нашего Великого Октября, коммунисту непростительно и недопустимо.

Во-первых, вопреки заявлениям товарища Ельцина мы одобряем целиком и полностью и поддерживаем те положения, о которых доложил Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении, и считаем, что итоги перестройки обоснованы во всех отношениях, задачи в докладе поставлены правильно.

Заявление Бориса Николаевича Ельцина сегодня прозвучало, по моему, товарищи,— и это, наверное, главное, и основное, и об этом никто не сказал,— как обида, а не как принципиальная, партийная, политическая убежденность. И ничем другим объяснить это нельзя. Потому что он ничего вразумительного в адрес работы Политбюро и Секретариата Центрального Комитета партии не привел. Такое заявление является, мы считаем, выражением политической незрелости. Другим это объяснить нельзя.

Что говорить о работе Секретариата? Дважды наша областная партийная организация слушалась Секретариатом. И я скажу — не по хорошим вопросам. Один раз по отставанию, когда не шли дела в области с заготовкой кормов. Да, неприятно было находиться на Секретариате Центрального Комитета партии, неприятно, я скажу прямо, было и выслушивать те справедливые, объективные критические замечания, кото-

рые были высказаны и членами Политбюро, и секретарями, и лично Егором Кузьмичом. Но, откровенно говоря, ведь мы после этого не с обидой восприняли это обсуждение, а восприняли как руководство к действию. Мы собрали актив, доложили активу, расценили это как огромную помощь со стороны Центрального Комитета партии.

Были другие моменты, когда я присутствовал на Секретариате, и считаю, Борис Николаевич, по-моему, совершенно неправильно и опять же по мотивам обиды прозвучали у Вас сегодня, на Пленуме Центрального Комитета партии, обвинения в адрес товарища Лигачева. Это не по-партийному! Так коммунист, который возглавляет одну из самых ведущих городских партийных организаций, поступать не должен.

И последнее. В чем причина именно такого его выступления? Я, откровенно говоря, считал просто своим, товарищи члены ЦК, долгом выступить и сказать об этом. Работаем мы вместе, находимся в одном здании, встречаемся редко.

Мне кажется, Борис Николаевич рассчитывает в своей деятельности на какую-то оригинальность. Вот в этом его главная ошибка. В работе он стремится что-то такое сделать, чтобы это бросилось в глаза всем. Вот конкретные примеры. Проходит сессия Моссовета. В президиуме при открытии сессии находятся избранный председатель и секретарь. Борис Николаевич Ельцин сидит в зале вместе с членами бюро городского комитета партии. Мне говорят: как же, Валентин Карпович, теперь мы будем проводить сессию? Ведь горожане-то, видите, как ее провели, я ответил: будем проводить, как проводили всегда, копировать не будем.

Если это пример не убедительный, то вот второй. Не знаю, успели вы ознакомиться в «Московских новостях» с интервью, которое дал Борис Николаевич иностранным дипломатам. Но, вы знаете, я, честное слово, был поражен, когда его прочитал. На вопрос, как понимать демократизацию, когда идет перестройка в стране, он отвечает: это можно проследить на примере судебных органов, которые действовали жестко, и поэтому сегодня в нашей стране сидит в тюрьмах людей больше, чем в какой-либо другой стране мира. Это что за заявление кандидата в члены Политбюро? Неужели нельзя было найти другой пример демократизации, той, которой полна сегодня наша кипучая, повседневная жизнь?

Или разве в этом гласность, когда дается ответ, что в Москве, пусть женщины меня извинят, у нас 1 100 проституток и 2 000 наркоманов. Такие ответы на меня произвели тяжелое впечатление.

И далее, отвечая на вопросы, товарищ Ельцин говорит: «Сейчас, когда идет перестройка, некоторые товарищи все недостатки, которые были, пытаются свалить на Гришина и на Промыслова. Но дальше движения в перестройке нет».

Надо быть объективным, Борис Николаевич, ведь с Вашим приходом никто, кроме Вас, так остро не критиковал ни Гришина, ни Промыслова. И, наверное, тогда Вы критиковали их, будучи убежденным в тех недостатках, которых было в Москве немало. Непонятно, почему же сейчас спал накал борьбы за перестройку в Московской городской партийной организации.

В общем, думаю, что правильно поступит Пленум Центрального Комитета партии, если осудит выступление товарища Ельцина, потому что, еще раз повторяю, это выступление было не по убеждению. Нельзя согласиться также с заявлением товарища Ельцина, что Генеральный секретарь не прав, когда говорит, что мы живем сейчас в самое тяжелое время. И чтобы изменить обстановку в стране, для этого требуется два-три года самоотверженной, напряженной работы. Товарищ Ельцин с такими сроками не согласен. Но ведь эти сроки Михаил Сергеевич называл не первый раз. Он неоднократно, ничего не скрывая от народа, от партии, говорил нам, секретарям обкомов, при встречах, что в эти два-три года потребуется огромное напряжение сил, энергии, знаний, умения

от каждого из нас. Самое главное — не тормозить и не стоять на пути перестройки, если не можешь это сделать, то не мешай, уйди с дороги. То, что перестройка набирает силу, то, что за это время Политбюро и Генеральный секретарь отдали ей много сил и энергии, видит весь наш советский народ, все члены Центрального Комитета партии. Так и действуйте. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Коноплеву Борису Всеволодовичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю Пермского обкома партии. Подготовиться т. Арбатову.

Коноплев. Товарищи! Обсуждается действительно принципиальный вопрос. Товарищ Ельцин в своем выступлении затронул принципиально важный вопрос, затрагивающий, по-моему, каждого коммуниста. Вопрос отношения народа к линии, которую проводит Центральный Комитет партии, которую практически претворяет в жизнь Политбюро Центрального Комитета. Я думаю, что нет необходимости этот вопрос подробно и обсуждать, ибо есть единодушная поддержка народом линии Центрального Комитета, линии на перестройку, перестройка все больше набирает силу. Заявление товарища Ельцина — это или незнание жизни, или попытка просто увести нас в сторону, исказить положение. Правильно ли, что 2—3 года требуется для практических дел с тем, чтобы мы решили принципиальные вопросы перестройки? Думаю, что такая постановка вопроса правильная, правомерная и мы обязаны этого добиться, как бы это ни было трудно, чтобы народ в течение ближайших 2—3 лет почувствовал первые плоды той линии, которую проводят Центральный Комитет и Политбюро Центрального Комитета.

Второй вопрос. Я думаю, товарищи, я имею право сказать об этом, ибо Пермский областной комитет партии, единственный из областных комитетов, имел и был удостоен такой чести — отчета на Политбюро Центрального Комитета партии. Я скажу вам, что подготовка к отчету на Политбюро была более полугода — 8 месяцев готовился вопрос. Проверено было более 100 первичных партийных комитетов, партийных организаций, 35 партийных комитетов районных, городских комитетов области. Была самая, так сказать, тщательная проверка состояния дел в областной партийной организации. Отчет и весь период этот был непростой для областного комитета партии, в том числе и для первого секретаря обкома. Отчет на Политбюро действительно был строгий, шел взыскательный разговор. Требования были предъявлены совершенно правильно, даны правильные оценки положения дел в областной партийной организации. Я более того скажу, это мы сейчас все более и более чувствуем, какая это была действительно огромная помощь областной партийной организации в претворении в жизнь решений XXVII съезда партии. И ни о каком неоправданно строгом разговоре даже речи не было, было по достоинству оценено место и положение дел в партийной организации.

Вопрос, который здесь был поднят, что сегодня часто практикуется проверка партийных организаций и партийных комитетов с целью что-то выискать, что-то найти, создать нервную обстановку, я думаю, неправильный и не имеет ничего общего с действительностью, хотя требовательность поднялась. И правильно, ибо мы решаем слишком большие задачи, а раз мы решаем большие задачи, должна быть и большая ответственность и повышенная взаимная требовательность, что и имеет место со стороны Центрального Комитета и со стороны Секретариата Центрального Комитета партии.

Что касается товарища Лигачева, то я тоже знаю довольно давно Егора Кузьмича, и я могу сказать одно: да, он может быть жестким

человеком, но человеком справедливым, который всегда может выслушать и решить вопросы, которые поставлены, если ты пришел с вопросом, а не так просто.

Я не буду говорить о Михаиле Сергеевиче, я только хочу сказать от уральской, одной из уральских партийных организаций, что Михаилу Сергеевичу надо пожелать и дальше так вести дело, что пользуется он большим уважением и большие надежды связаны с его деятельностью на этом высоком посту. (Аплодисменты.)

Что касается решения по этому вопросу и его истоков, то я согласен с тем, что было здесь сказано, что товарищ Ельцин показал свою партийную и политическую незрелость. И я думаю, что это результат ошибки при выдвижении, рано было это сделано, он еще не созрел для руководства крупнейшей в стране и в партии партийной организацией.

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Арбатову Георгию Аркадьевичу — члену Центрального Комитета КПСС, директору Института США и Канады Академии наук СССР. Подготовиться т. Рябову.

Арбатов. Товарищи! Я согласен с товарищем Моргуном в том, что сам факт выступления Бориса Николаевича Ельцина с этой трибуны — это уже свидетельство перестройки, тех больших перемен, которые произошли, в частности, и того, что сделали и Михаил Сергеевич, и Егор Кузьмич, и все остальные члены Политбюро.

Я не представляю себе такого выступления раньше на протяжении всего периода, который помню. Такого просто не было. И я думаю, здесь нам надо здраво на это смотреть. Я думаю, что в принципе в том, что выступает член ЦК и даже один из руководителей и говорит что-то нелицеприятное о работе другого, это не то, что запрещено в партии, это, наверное, в какой-то мере есть результат перестройки и делового подхода к работе.

Другой вопрос — о содержании. Об этом я скажу ниже. Что касается конкретных фактов о работе Секретариата, на которые ссылался товарищ Ельцин, то мне их оценивать трудно. Я ни разу не был за два с половиной года на заседании Секретариата. Я это не в порядке претензии, Егор Кузьмич, просто, видимо, дел не было таких, по которым меня надо было приглашать.

Горбачев. Мы договорились запланировать Ваш отчет. (Смех.)

Арбатов. Хорошо. А по рассказам других — мало ли что рассказывают! Я суждений выносить не хочу.

Не хочу становиться и на такой путь, чтобы каждое лыко ставить в строку, что вот всегда, оказывается, был товарищ Ельцин плохим — и там он неправильно сказал, и то он неправильно сделал. Нам еще привычен этот стиль, мы помним, как ему следовали. И не надо к нему возвращаться. Кстати, в мужестве ему все-таки не откажешь. Это тоже не такой простой шаг.

Я главное хотел сказать, что главная претензия, которую, по-моему, следует предъявить товарищу Ельцину, — что он не проявил чувства ответственности, политической зрелости, которых требуют наше время, сложность задач, которые стоят перед партией, революционный характер перемен, которые мы переживаем.

Первое, что в такие моменты особенно нужно, — это единство. Единство партии и единство в руководстве.

Вот, я думаю, сегодня товарищ Ельцин нанес большой ущерб делу. Уже, видимо, это исправить нельзя, потому что круги от его выступления пойдут. И это уже ущерб, товарищи. Я представляю себе реакцию,

которая будет и внутри страны, и за рубежом. Конечно, переживет партия это, и пойдём мы по своему пути. Но лучше этого бы не было.

Второе, я считаю, товарищи, что, будучи принципиальными противниками культа личности и славословия, мы должны понимать, какое решающее значение имеет авторитет руководителя.

Это огромный фактор в нашей деятельности. История последних лет, по-моему, если нужны были какие-то доказательства на сей счет, нас должна была убедить в том, какое огромное значение имеет авторитет руководителя. И авторитет — это огромный капитал наш, достояние, которое ни в коем случае нельзя транжирить, а надо очень тщательно оберегать и всемерно укреплять. Настолько бережно относиться, чтобы не славословить где не надо, очень тактичным быть, и, по-моему, стараются товарищи это делать, а сам Михаил Сергеевич за этим, так сказать, следит.

Мне кажется, что, конечно, очень неприятно, что это случилось, тем более перед такой датой. Но выводы надо делать даже из неприятного, а то, что случилось на этом Пленуме, для меня, во всяком случае, да, думаю, и для других товарищей было неприятным. Отсюда вывод: нам нужно быть политически предельно ответственными, зрелыми, особенно в таких решающих вопросах, как единство партии, единство руководства, единство Политбюро, Центрального Комитета и авторитета нашего руководства, авторитета руководителя. Спасибо за внимание.

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Рябову Якову Петровичу — члену Центрального Комитета КПСС, Чрезвычайному и Полномочному Послу СССР во Французской Республике. Подготовиться т. Рыжкову.

Рябов. Товарищи! Я молодой дипломат, но в когорте коммунистов уже давно, 17 лет член Центрального Комитета партии, и мне посчастливилось — я два с половиной года работал в Секретариате Центрального Комитета партии и в его заседаниях, участвовал в заседаниях Политбюро Центрального Комитета партии. Последнее время, работая на других должностях: в Госплане, Совете Министров СССР, ГКЭС и уже послом во Франции, мне приходилось бывать и на Секретариате, и на Политбюро Центрального Комитета партии.

Я не буду долго говорить по этому вопросу, но могу прямо сказать, что Секретариат, в котором я работал (1976—1979 гг.), и теперешние Политбюро и Секретариат — это день и ночь. В позитивном, в лучшем плане, по оценке к прошлому.

Второй вопрос — вопрос о перестройке. Как же мы можем говорить и сомневаться в ней и делить ее на какие-то годы, это непрерывный процесс. В общем-то перестройка уже набирает силу, и мы сами ощущаем позитивные ее первые итоги, не только результаты внутри нашей страны, но главным образом наша перестройка дает движение и импульсы Западу в направлении уважения к Советскому Союзу и роста его авторитета. А то, что сейчас определено в докладе Михаила Сергеевича, то за эти 2—3 года наша страна, ее экономика и социальные вопросы поднимутся значительно, и мы придем совершенно новыми к тринадцатой пятилетке и XXVIII съезду нашей партии.

Третий вопрос. О товарище Ельцине. Егор Кузьмич сказал, что он был одним из инициаторов выдвижения товарища Ельцина в Центральный Комитет партии. Ну, я могу сказать, что я первый, кто товарища Ельцина заметил на работе в домостроительном комбинате г. Свердловска в 1968 году, мы выдвинули его на работу заведующим строительным отделом областного комитета партии. Но мы тогда уже подметили, если так можно сказать, негативные явления в его характере, в его отношении к людям, к кадрам, ну это в областном комитете партии, в роли заведующего отделом, конечно, это как-то сходило, но мы его воспитыва-

ли, подсказывали ему. Шесть лет он был заведующим отделом. За это время, конечно, он проявил и свои положительные черты — напористый, инициативный, он может дела делать, которые ему поручают. В 1975 году его выдвинули секретарем областного комитета партии, а в 1976 году, учитывая все за и против, рекомендовали его на роль первого секретаря обкома КПСС, надеялись и думали, что за время его работы в аппарате областного комитета партии он изживет свои недостатки. Видимо, как показывает сегодняшнее обсуждение, этот рецидив периодически проявляется.

По товарищу Лигачеву. Я товарища Лигачева знаю более двадцати лет. Бывал и в Томской области, где он работал; посещая вместе с ним заводы и предприятия, можно было дать положительную оценку его инициативе и творчеству в работе. И вот сейчас, когда приезжаешь уже из Парижа, мы понимаем, что секретари, члены Политбюро заняты. Позволишь, при любой ситуации находит время для встречи и рассмотрения необходимых вопросов. Поэтому я в этой части даю позитивную оценку Егору Кузьмичу.

Заявление Бориса Николаевича, конечно, меня тоже очень поразило и удивило. Считаю, что в его выступлении не что иное, как партийная и политическая незрелость человека — коммуниста, руководителя. Здесь, видимо, и проявление его негативных факторов, которые были и остались в его характере, он не сделал выводы перебороть себя. Действительно, он амбициозный, иногда бывает недоброжелательный к друзьям, к товарищам, мания величия, видимо, его никогда не покидала.

И последнее. Вопрос о Политбюро Центрального Комитета партии. Работая за рубежом, мы гордимся тем, что сейчас происходит у нас, в нашей стране, и происходит, если можно так сказать, осознание и политических деятелей западного мира. Я буду говорить о Франции. Если прямо сказать, авторитет нашей страны резко поднялся после апрельского Пленума Центрального Комитета партии 1985 года, возрос авторитет и нашей партии, и нашего лидера. Михаил Сергеевич посетил Францию в октябре месяце 1985 года, это был его первый визит в западную страну, прошло уже 2 года, а этот резонанс позитивный, он до сих пор еще остается в хорошем плане.

К сожалению, французская позиция после Рейкьявика весьма неровная, более негативного направления, но надо иметь в виду, что свою линию на ядерное сдерживание, на ядерное устрашение они проводят уже более 20 лет.

Но главное, что в самом народе. Во Франции я был уже во многих городах, регионах. Встречаемся и с ветеранами, и с членами Сопротивления, и с коммунистами, с социалистами, радикалами, «левыми», правыми и др. Подавляющее большинство из них заявляет: что сейчас делается в СССР, находит у них поддержку. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Рыжкову Николаю Ивановичу — члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР. Подготовиться т. Сайкину.

Рыжков. Товарищи члены ЦК! Конечно, тяжело обсуждать этот вопрос сегодня, но я должен сказать, что товарищ Ельцин слишком большое обвинение бросил в адрес Политбюро, в адрес Секретариата Центрального Комитета партии, и я оцениваю, что слишком серьезное обвинение он бросил и в адрес общей линии нашей, линии партии. Поэтому, по-видимому, мы должны сегодня с этих позиций и расценивать. Не потому, что мы обсуждаем товарища Ельцина как личность, а потому, что это наш партийный долг. Мы обязаны подходить с партийных позиций к этим процессам.

Я понимаю, что товарищ Ельцин сегодня провел аналогию на фоне доклада, который сделал Генеральный секретарь, где в сжатом виде (но я не буду рассказывать, что там говорилось: мы все слышали) был сделан глубокий анализ. Кстати, это анализ не одного Михаила Сергеевича, а это анализ Политбюро. Все мы этот доклад читали, все мы этот доклад изучали, все мы давали поправки. Он во многом, как говорится, претерпел изменения за последние дни, поэтому на фоне этого доклада — доклада Политбюро делается аналогия. Раньше проводилась вот такая политика и «мы скатываемся на эту же политику сегодня». Раньше вот такие методы и формы управления были — партийные и так далее, «мы скатываемся сейчас на эти же формы». Я думаю, что это слишком серьезное обвинение в адрес и Политбюро, и Секретариата, да и в целом Центрального Комитета партии. Это слишком серьезно. Тут надо, по-видимому, по-партийному разобратся, кто прав, кто виноват.

Первое, на чем я хотел остановиться, — вопрос перестройки. Да, мы говорим все время о перестройке. Говорит Генеральный секретарь, говорим все мы — члены Политбюро, говорят все. Весь народ говорит о перестройке. Но говорим мы честно и открыто, что перестройка идет трудно, тяжело и не потому, что действительно есть у нас политическая оппозиция. Я не буду повторять, об этом много уже сказано. Какие процессы идут сегодня? Во многом это закономерные процессы, потому что, по сути дела, мы переворачиваем все, что было. Да как же сегодня можно давать такую оценку? Ведь, товарищи, прошло два с половиной года. Вы помните, в каком состоянии была страна, какая идеология была в стране, какая морально-политическая обстановка; да и у многих членов партии в то время такой же был облик. За два с половиной года, по сути дела, перевернули все. Да, народ вздохнул по-настоящему. Начали хоть дышать. Ведь, может быть, не каждому мы еще дали по десять ботинок, но дали возможность разговаривать народу, дали возможность думать, дали возможность работать, мыслить. Вот что самое главное. Поэтому с этих позиций вот такую оценку давать, я думаю, совершенно недопустимо. Что у нас и за двумя-тремя годами будут сложности, я абсолютно убежден. И сколько мы жить будем, сколько мы будем работать, мы будем всегда заниматься. И будет это не один этап, на мой взгляд.

Сегодня это первый; будут третий, четвертый этапы. Наша была беда в том, что мы остановились, что не было никаких этапов. Мы стояли, вот нас жизнь и наказала. И если мы думаем, что мы в два-три года сделаем и дальше можно полежать на боку, это недопустимо. Поэтому ставится задача, чтобы в два-три года появилась какая-то реальная отдача, чтобы народ реально почувствовал. И я, товарищи, как руководитель правительства совершенно четко говорю — ведь делается сейчас огромное в стране. Мы вчера с вами приняли план, вы посмотрите, какой поворот в социальную сферу сделан. Когда это было? Поэтому с этих позиций, я считаю, не мужество товарища Ельцина, что он здесь выступил, товарищ Арбатов говорит — мужество. Мужество тех людей, кто взял на свои плечи эту работу, вот в чем мужество. (Аплодисменты.)

Второй вопрос. Вопрос работы Политбюро. Товарищи, я тоже не такой старый член ЦК, как другие товарищи, кто выступал. Но мне приходилось и по долгу своей служебной обязанности бывать на заседаниях Политбюро до 1982 года. Последние пять лет, как вам известно, я непосредственно работаю; в работе Политбюро принимал участие и как секретарь Центрального Комитета, и как член Политбюро. Поэтому у меня есть основания сравнить и сделать выводы. И я хотел бы об этом сказать.

Я считаю, что вот такими заявлениями вбивается клин в Политбюро самым натуральным образом, что в Политбюро такая ситуация, что там нет единства, что там начинают словоблудием заниматься и т. д. Какое имеет основание товарищ Ельцин об этом говорить? Да, я ходил как

первый заместитель председателя Госплана на Политбюро, когда вел его товарищ Брежнев. Я выходил разбитый оттуда, потому что Политбюро шло 15 минут. Да, я помню, как товарищ Черненко вел Политбюро, когда по бумажке зачитывался какой-то вопрос, и на этом все кончалось. Разве так можно сегодня говорить о том, как идет Политбюро? Да, действительно, мы сегодня мокрые выходим из Политбюро. По семь-восемь часов идет Политбюро. Иногда один вопрос идет по 7 часов. Так что мы там 7 часов только говорим: «Товарищ Горбачев, какой ты хороший у нас!»? Да ничего подобного! Идет серьезный, принципиальный разговор, очень принципиальный. Нелицеприятный, тяжело выходить иногда оттуда, но это деловой разговор и это действительно школа. Действительно после этого, когда пройдет обсуждение вопроса, мы хоть понимаем: мы приняли правильное решение, потому что те вопросы, которые сегодня обсуждают на Политбюро, это вопросы жизни нашей страны.

Я скажу, перед июньским Пленумом в течение двух с половиной месяцев каждое Политбюро рассматривало вопросы экономической реформы, и мне приходилось каждую неделю практически стоять на трибуне. Я скажу, серьезные были разговоры. Серьезные. Но это разговоры были товарищеские, принципиальные разговоры. Мы искали истину, мы искали правду. И вот по этой даже реплике, которая сегодня была брошена в адрес Вадима Андреевича здесь, что «наконец ты понял, что... Это один из отголосков тех былых споров, которые были на Политбюро.

Поэтому, на мой взгляд, нынешняя работа Политбюро — это как раз тот стиль и те методы, которые надо и сегодня, и на будущее держать. Только так можно руководить политикой партии. Я думаю, что в этом отношении мы не имеем никакого права сегодня говорить о том, что неправильный стиль работы.

В отношении Генерального секретаря. Ну, не знаю. Мне кажется, вообще как повернулся язык товарища Ельцина говорить по этому вопросу? Да. Мы все его уважаем. И я, откровенно говорю, рад, что я вместе с ним работаю. Рад. И счастлив, что работаю. Но это не значит, можно вот такие формулировки давать. Попробуйте так поговорить, если кто-нибудь в этом отношении лишнее там слово скажет, — получит ведь сразу же. Получит, и притом здорово получит. Поэтому, я считаю, это совершенно необоснованные такие заявления, которые не помогают нам, а бросают тень.

В отношении Секретариата. Я работал в Секретариате, и в том числе работал какое-то время, правда, непродолжительное, когда товарищ Лигачев вел Секретариат, и считаю, что они правильно ведут линию. Секретариат огромнейшую работу проводит. Все мы учимся, да, товарищи, мы все учимся: и Политбюро учится, Секретариат учится, все. Все мы учимся в конце концов. Я думаю, если уж так говорить, Борис Николаевич, то главная ошибка Секретариата — то, что он слишком Вас поддерживал. Вас поддерживал. Вы еще бумажку не успеете подписать, а уже поручение идет: в Москве сделать то-то, в Москве сделать то-то и так далее. Вот главная ошибка Секретариата. А если персонально товарища Лигачева, то он сам сказал о своей главной ошибке.

И последнее. Почему же все-таки произошло это? Вот я сейчас сидел и думал, почему это произошло. Товарищ Ельцин и я — из одного города. Я знал его много лет, еще когда он не был секретарем обкома. Почему же это произошло сегодня? Думаю, что это не случайность. Да, это не случайность, это не какой-то надрыв или обида какая-то. Я не согласен с этим. Борис Николаевич, ты подходил постепенно к этому. На мой взгляд, как только перешел он в Московскую партийную организацию, у него начал развиваться политический нигилизм. Может быть, я не прав, но именно политический нигилизм. Стало нравиться, что его начали цитировать за границей всякие радиоголоса — что сказал Ельцин. Вся-

кие публикации — что там высказал Ельцин. Начали цитировать кругом. Ведь это факт, документы есть. По-видимому, понравилось вот такое какое-то обособленное положение, какая-то дистанция от всего Политбюро, от политического руководства. По-видимому, товарищу Ельцину очень сильно понравилось это.

На мой взгляд, вот это и привело к тому, что у него развились непомерные амбиции просто-напросто. А что касается его работы в Политбюро, я поддерживаю то, что Егор Кузьмич сказал. Борис Николаевич в последнее время перестал работать в Политбюро. У меня часто возникали вопросы: почему он молчит? Почему все поднимаются, говорят хорошо ли, плохо, но обсуждают вопрос. Почему он отмалчивается? Даже по тем вопросам, которые касаются города Москвы. И я часто задавал себе вопрос: почему это он делает, во имя чего? Теперь я понял — чтобы резервировать за собой мнение и где-то высказаться.

Вот он сегодня и высказал все на этой трибуне. Я убежден, что мнение его абсолютно неправильное. Сегодня товарищи дали этому оценку, совершенно правильную оценку. Думаю, что он, как коммунист, навсегда должен запомнить сегодняшний разговор. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Сайкину Валерию Тимофеевичу — члену Центрального Комитета КПСС, председателю исполкома Московского городского Совета народных депутатов. Подготовиться т. Воротникову.

Сайкин. Сегодня чрезвычайно сложный обсуждается вопрос для Московской партийной организации. И мы, конечно, не знали, что какие-то складываются ненормальные отношения среди руководителей и членов Политбюро, но я должен сказать, что мы полностью поддерживаем курс партии, Политбюро, Михаил Сергеевич, во всех делах. И, конечно, сегодня, в период перестройки, демократизации, прямо скажем, особенно в Москве нелегко работать. Еще, к сожалению, есть много демагогов, которые хотят иметь результаты завтра. А мы понимаем, что это процесс сложный и довольно-таки длительный, что нужно активно здесь работать. И мы не поддерживаем, конечно; сегодня мы и не знали об этом, кстати говоря, что Борис Николаевич сегодня выступит с таким заявлением здесь, на Пленуме Центрального Комитета партии. Мы с делегацией советской тут приехали из Китайской Народной Республики и активно рассказывали, что происходит у нас в Советском Союзе, в нашей стране, и получили полную поддержку тому курсу от китайских товарищей в экономике, в демократизации и так далее. Нами, кстати говоря, совместно составлен протокол о дальнейшем содружестве между нашими городами Москва — Пекин. Поэтому тяжело сегодня говорить о том, что происходит. Но, по-моему, что за два года есть результаты в Москве (а они существуют), и сказать, что это проходило без, так сказать, участия товарища Ельцина, — наверное, несправедливо. Он, как коммунист, знающий человек, активный, много трудился, день и ночь трудился в городе, и те результаты, которые есть (а они сегодня есть), о них можно говорить в Москве: это и выполнение плана по строительству, по промышленности, и улучшение все-таки вопросов торговли — этого не отнимешь. Но мы с таким заявлением сегодня Бориса Николаевича не согласны и должны заявить Пленуму, что мы, москвичи, полностью поддерживаем принятый курс партии и правительства. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Воротникову Виталию Ивановичу — члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров РСФСР. Подготовиться т. Колесникову.

Воротников. Я постараюсь, товарищи, не задержать долго ваше внимание. Действительно, трудно сейчас все осмыслить, вот это происходя-

щее, и чем, какими эмоциями, каким всплеском мыслей было обосновано такое выступление Бориса Николаевича. Но Москва — столица не только Советского Союза, но это и столица Российской Федерации, поэтому отмолчаться и просто согласиться или не согласиться с мнением товарищей, думаю, этого мало. Я должен высказать свою позицию по этому поводу.

Во-первых, чтобы была полная ясность, вот здесь, на Пленуме. Что никаких ни разговоров, ни мыслей и ни на практике, ни в идеях, ни в делах, каких-то разногласий, или каких-то групп, или еще чего-то подобного в Политбюро нет, в Секретариате нет. Чтобы все это знали ясно и четко, что у нас полнейшее единство. Это наша величайшая заслуга, этого состава Политбюро. (Аплодисменты.)

И мы должны действительно ценить, беречь, дорожить этим качеством. Это ленинское наследие, ленинская линия, и ее проводит наше Политбюро. Я хочу сказать следующее, что, может быть, товарищи знают или не знают, но я тоже не новичок в партии и в Центральном Комитете состою с 1971 года. Много раз бывал на Политбюро в прошлом составе и при одном Генеральном, и при втором, и при третьем, и вот сейчас, при Михаиле Сергеевиче Горбачеве. И такой обстановки, такой возможности свободно высказать свою точку зрения, правильную или неправильную, поспорить, подискутировать — такая обстановка у нас всегда, если не сказать на каждом Политбюро. И именно, ведя заседание, своими действиями Михаил Сергеевич создает эти условия свободного обмена мнениями. Более того, даже провоцирует иногда на то, чтобы все выступили, чтобы можно было определить, выработать какое-то, так сказать, единственно правильное решение, основываясь на коллективной точке зрения.

Конечно, товарищи, все мы вышли из периода прошлого, и все мы, как говорится, являемся детьми, так сказать, своего времени, и у каждого из нас где-то подспудно эти чувства и традиции прошлого еще живы.

Но здесь действительно правильно говорили товарищи — мы учимся работать, все учимся. И Генеральный секретарь учится, и члены Политбюро учатся, и члены ЦК, и все коммунисты, и не всегда у нас все получается. Мы преодолеваем, боремся сами с собой, внутри себя, находя пути реализации задач ускорения, перестройки. И она, перестройка, действительно получается, она живет, растет.

Политбюро, Центральный Комитет партии выработали не только идеи перестройки, но выработали и программу, выработали конструктивные предложения. Они осуществляются на практике, они находят всеобщую поддержку везде — и у нас, и во всем мире. И этого отрицать никто не может. И говорить о каких-то колебаниях, о каких-то волнах, приливах и отливах?! Нам нужно идти только вперед, только нажимать, только прибавлять. У каждого ли это получается? Нет, не у каждого. Иногда мы действительно сбиваемся на какой-то административный путь. А я вам скажу, что на первых порах перестройки без этого в определенной мере, может, пока и не обойтись. Нельзя сейчас уверовать только в один экономический механизм. Без организации дела он автоматически не работает.

Вот Сергей Иосифович¹⁴ призывает стучать кулаком по столу, так. Было дело, стучали. Иногда и сейчас себя сдерживаешь, чувствуешь, что идешь-то не в ту сторону, что время-то сейчас не то.

Поэтому, я думаю, что когда и на Секретариате, который, я должен сказать, ведет очень тонко, квалифицированно и очень активно Егор Кузьмич, если иногда и нервы не выдерживают у кого-то, и не только у председательствующего, а и у членов Секретариата, ну что же сделаешь с этим, потому что каждый стремится сделать как лучше, иногда, может быть, бывает, и срывается. Но понимают товарищи, чувствуют, что это не просто желание дать какие-то нравоучения, высказать нотацию и т. д. А это просто такое состояние, когда недостатки, ошибки, упущения

доходят до души, доходят до сердца. Поэтому и получается вот такое прямое выражение этих чувств.

Теперь я хотел бы несколько слов сказать о Борисе Николаевиче. Я знаю его давно и знал всегда с положительной стороны, как человека инициативного, активного, ответственного, трудолюбивого. И когда речь пошла о выдвижении его на секретаря Московского горкома, у меня, например, не было сомнений в том, что это будет правильное решение.

И на первых порах в своей работе у нас и сложились хорошие отношения — контакты, связи, обсуждали вместе вопросы, проблемы, потому что в Москве была масса недостатков. И совместно стремились как-то поработать над тем, чтобы их устранить. Но происходила на глазах какая-то трансформация. Мы беседовали иногда с ним на этот счет или около этого были разговоры. Какая-то появилась излишняя самоуверенность, излишняя амбициозность, появились левацкие фразы. Я не знаю, как вот выражение товарищей «политический нигилизм» подходит или не подходит точно к этому определению, но было явно видно, что Борис Николаевич постепенно начинает занимать особую позицию по многим вопросам. Причем позицию даже не по принципиальным вопросам, а по вопросам, казалось бы, простым, нормальным, по которым можно быстро договориться, принимать решения и действовать.

Иногда это была ссылка на коллегиальность — «мне надо посоветоваться с бюро». Правильно, надо и посоветоваться с бюро. Но часто бывают такие вопросы, которые надо просто решать совместно. Теперь так: сказать, чтобы ему не указывали на эти недостатки, указывали — и в товарищеском плане, и в беседах на Политбюро указывали. На целый ряд неправильных действий, неправильных публикаций, которые идут в московской печати, неправильного ведения борьбы с некоторыми негативными явлениями в Москве, которую должна возглавить городская партийная организация, в том числе на том же Арбате и в других местах. Это же все дело горкома.

Но надо сказать, что, видимо, он уже уверовал в свою единственно правильную позицию. Борис Николаевич относился к этим замечаниям без, мягко выражаясь, достаточного внимания. И я согласен с тем, что говорили здесь. И на заседаниях Политбюро, Борис Николаевич, ты в большей части действительно отмалчивался. Вот какая-то маска даже на лице все время у тебя. Какое-то постоянное неудовлетворение, какое-то отчуждение все время чувствуется. Ведь он же не был таким, когда работал в Свердловске. А здесь вот надел на себя маску. Всем недоволен, все какое-то чувство неудовлетворенности всем и вся.

Вот она сегодня выявилась, оказывается, эта неудовлетворенность. Но фактов-то в выступлении твоём мало, если не сказать совсем нет для того, чтобы можно было оправдать ее, эту неудовлетворенность.

Поэтому я не знаю, конечно, надо будет нам подумать, обсудить, как поступить, какой найти выход из этого положения. Но я полностью солидарен с товарищами и поддерживаю то мнение, что, конечно, такое заявление, если его делать, если выходить с таким апломбом, то надо иметь для этого основания. А оснований для этого никаких нет, никаких нет оснований. Поэтому я считаю, что Борис Николаевич, если он сможет, он должен понять, что здесь выступают не с позиций того, чтобы представить его в каком-то там негативном свете, а это товарищеская критика. Эта критика действительно та, к которой ты призываешь, к товарищеской критике. Говорить ее, может быть, не очень приятно и слушать ее неприятно, но учитывать ее в работе надо, потому что надо делать выводы, тебе еще жить и работать.

Я очень волнуюсь, не знаю даже, чем как следует закончить. Потому что просто обидно: о каком славословии, Борис Николаевич, может идти речь? Ну какое славословие? Кто, кого конкретно ты имеешь в виду, кто на Политбюро занимался славословием? В такой товарищеской обстанов-

ке, в такой открытости, в такой деловитости, в которой проходят Политбюро, ведь действительно сидим, обсуждаем вопросы, часами до тех пор, пока не докопаемся до истины, до каждой мелочи. А то, что иногда не все получается, что мы не в состоянии иногда сделать то, что хотелось бы, — что ж сделаешь? У нас все впереди, мы должны верить в это наше будущее, работать на него не покладая рук и добиться цели, через два или через три года это будет. А вообще этот процесс перестройки, по моему, нельзя и временем ограничивать. Он все время будет идти, жизнь будет выдвигать новые задачи, надо будет искать и находить новые решения, для того чтобы продвигаться нашему обществу вперед. И в этом каждый из нас должен принимать самое активное, самое действенное участие, о чем, собственно, сегодня и доклад, который я полностью, безоговорочно поддерживаю. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Я Александра Яковлевича попрошу потерпеть. Давайте мы все-таки прервемся, немножко, на 30 минут или на 20? На 20.

(После перерыва)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Колесникову Александру Яковлевичу — члену Центрального Комитета КПСС, бригадиру комплексной бригады горнорабочих шахты «Молодогвардейская» производственного объединения «Краснодонуголь», Украинская ССР. Подготовиться т. Чебрикову.

Колесников. Товарищи! Как рабочий я не мог не высказать своего мнения. Я нахожусь в составе Центрального Комитета четвертый созыв. Работаю я сегодня вместе с такими мужественными людьми, как горняки, каждый день в забое и понимаю, как наши люди, как рабочий класс относятся к Центральному Комитету, к Политбюро, к Секретариату.

Я хочу сегодня высказать, что рабочий класс понимает перестройку. Мы долго ждали, мы сегодня все это делаем. Рабочий класс берет высокие обязательства, план двух лет к 70-летию выполняет, годовые планы выполняет. И то, что сегодня сказал товарищ Ельцин, конечно, верить этому слову нельзя никак.

И я хочу сказать, что мы, рабочий класс, будем и дальше поддерживать курс нашей партии, нашего Политбюро. (Аплодисменты.) Я хочу сказать, Михаил Сергеевич, рабочий класс Вас любит, он Вам верит, и Вы можете быть уверены — рабочий класс всегда был таким и останется. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Чебрикову Виктору Михайловичу — члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР.

Чебриков. Товарищи! В этом зале присутствует много коммунистов с большим партийным стажем. Много членов Центрального Комитета партии, которые прошли не один пленум, съезд, сами были создателями истории нашей партии. В этом зале присутствуют и молодые коммунисты, люди, впервые вошедшие в состав Центрального Комитета партии. И, конечно, всем нам хочется понять, собственно, что происходит и что произошло в результате выступления товарища Ельцина. Я тоже хочу понять как-то, но почему-то трудно дается понимание правильности его выступления.

Ну, во-первых. Мы сейчас идем с вами к празднику. Вся страна на подъеме. Вся партия на подъеме. У нас очень много забот. Мы должны сделать еще очень много для того, чтобы с честью встретить 70-летие

Октября и достойно его пройти. Огорчает то, что товарищ Ельцин выступил именно в такой ответственный момент для жизни нашей страны. Почему он выбрал именно сегодняшний день, сегодняшний момент для своего выступления? Мне не хочется употреблять слова — случайно это сделано или не случайно, но я думаю, что он не думал, когда шел на эту трибуну.

Из доклада мы видели те задачи, которые перед нами стоят. Мы сейчас все понимаем тот переломный момент, который мы проходим. Каждый из нас ищет свое место, что нужно делать на сегодняшний день. И в это время мы слышим такие слова. Я согласен с выступавшими товарищами, что выступление товарища Ельцина надо оценивать как человека, несогласного с линией партии. Это, видимо, главный момент, который звучал в его выступлении. Согласен с тем, что здесь и партийная, и политическая незрелость. Мне кажется, что он больше думал о себе. В этот момент он не подумал о партии. Ведь это остается в истории нашей партии. Он ведь должен был подумать, выступая на Пленуме Центрального Комитета партии, что это войдет в историю нашей партии, этот факт, этот случай. Он не подумал о стране. И в конце концов, я вам скажу, он не подумал о москвичах, о той колоссальной, большой армии московских коммунистов, которая каким-то образом узнает и будет переживать. Не полюбил, Борис Николаевич, ты москвичей. Если бы полюбил Москву, ты никогда бы не позволил себе сегодня произнести такую речь с этой трибуны.

Еще хочется понять все-таки, что произошло, почему так случилось? Мне кажется, что в выступлениях Михаила Сергеевича не раз звучала мысль, что не каждому дано выдержать перестройку. И вот мы имеем дело с фактом, когда человек не выдержал перестройки. Вот в этом наглядно мы сегодня убедились, что не смог он одолеть той ноши, которая ему досталась.

Мне хочется сегодня вспомнить выступление Бориса Николаевича на городской партийной конференции. Многие товарищи, работающие в Москве, были на этой городской конференции.

Давайте вспомним, с каким энтузиазмом он произносил этот доклад, сколько там он поставил интересных вопросов, сколько новых идей подал. По делу раскритиковал много вопросов, зажег, как говорят, своим докладом всю массу актива. Его поддержал актив Московской партийной организации. Но вместе с тем затем не последовало той работы, где-то спад пошел, сам он не выдержал. И сам же он говорил с этой трибуны на одном очередном пленуме, что те проблемы, которые раньше казались очень простыми, на поверку оказались совсем другими. Так зачем же надо было говорить тогда о тех проблемах, в которых ты еще не разобрался, зачем же надо было ставить вопросы, что это не так, это не так, а потом самому же признаваться, что не разобрался.

Мне кажется, что он и сейчас еще во многих проблемах Москвы не разобрался. И поэтому, когда он заявляет, что у меня не получается в работе Политбюро по разным причинам, но по каким разным причинам, хотя бы объяснил нам, какие же это причины. А причины те, что, и я еще раз хочу вернуться к мысли, что он не выдержал экзамена перестройки, случилась с ним такая беда, что дальше,— жизнь будет решать эти вопросы.

Теперь вопрос о работе Секретариата, Политбюро. Я употреблю такое слово, что это просто клевета. Оно к этому подходит. Во-первых, были затронуты вопросы коллегиальности без всякого подтверждения. И кстати, вся речь — она бездоказательна. Вы вспомните речь, которую он произносил, называл какие-то факты, но совершенно не аргументировал.

По вопросу о коллегиальности фактов нет, их действительно нет. Политбюро работает коллегиально.

Вдруг о группах каких-то шла речь. О каких группах идет речь? Вот мы все перед Вами. Вы всех же видите каждый день на работе. О каких группах может идти речь?

Ограждение от критики. Кого ограждали от критики? Когда ограждали от критики? Бездоказательное выступление. Да за какой ни возьмешься вопрос: накачки, разносы. Но если говорить о накачках и разносах, то из недр московского актива идут такие разговоры, что бюро Московского городского комитета партии — это как раз накачки и разносы. И когда люди туда идут, они говорят, что мы идем как на плаху. Вот о чем идет речь, где накачки и разносы. А это переносится: якобы Секретариат, Политбюро ведут такую линию. Надо самому сначала научиться работать, надо самому организовать работу, самому все сделать, а потом уже ставить вопросы выше и предъявлять требования к руководству партии и страны. Просто незрелость. Даже и слова подбирать очень трудно, потому что не хочется мелочиться в этих отношениях.

Сейчас, товарищи, во всех странах мира сотни аналитиков, тысячи аналитиков, грамотных людей изучают, что происходит в нашей стране. Глубоко изучают, досконально изучают, следят за каждым нашим шагом и уже приходят к такому выводу: наши друзья все радуются, а империализм в страхе, в страхе, и он ищет пути, как нам помешать. И он уже принимает конкретные меры, как нам помешать провести перестройку, реально помешать провести перестройку, потому что он понимает, что это нас укрепляет, что это нас усиливает со всех сторон. И вот в это трудное время, в это переломное время, когда мы должны быть все едины и беречь наше единство как зеницу ока, как завещал нам Владимир Ильич Ленин, в это время мы начинаем бездоказательные речи, мы начинаем демагогию, начинаем заниматься клеветой вместо того, чтобы еще объединиться, взяться за нерешенные вопросы и идти вперед смело к нашей цели, которую мы поставили на последнем съезде нашей партии. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Яковлеву Александру Николаевичу — члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС. Подготовиться т. Марчуку.

Яковлев. Товарищи члены ЦК! Вероятно, Борису Николаевичу кажется, что он высказался здесь, на Пленуме, смело и принципиально. На самом деле, на мой взгляд, ни то, ни другое.

А если это так, то выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что он исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки тех принципиальных позиций, которые занимают Политбюро, Секретариат Центрального Комитета, из неверной оценки того, что на самом деле происходит в стране.

А безнравственно, на мой взгляд, потому, что он поставил свои личные амбиции, личные интересы выше общепартийных, как говорят, завел речь не в то время и не по делу.

Разумеется, право каждого коммуниста, и здесь об этом уже говорилось, выступать на любом партийном форуме с любыми вопросами. Это правильно. Но гораздо важнее не это право, но то, ради чего осуществляется это право. Несомненно, в работе Секретариата есть недостатки. Но лучше не мне как члену этого Секретариата судить о его работе. Здесь на эту тему было много сказано. Добавлю лишь, пожалуй, что на Секретариате идут и споры, и дискуссии, иногда очень горячие. Но что же тут ненормального? Это более чем нормально. Это и есть выражение новой политической обстановки, за которую надо драться, но драться делом, а не демагогическими притязаниями на истину. Это говорит скорее о единстве и доверии, нежели о чем-то другом, о разладе или еще о чем-то.

Никто из нас, конечно, не ангел, это верно. Но ведь и Борис Николаевич, по-моему, происходит не из этого сословия.

Верно, что перестройка — дело трудное, и как однажды, а вернее, не однажды говорил Генеральный секретарь, никто и не присягал, что все делается правильно, что все тут истинное. Партия ищет, Политбюро ищет, Секретариат ищет. И первым делом, в том числе и прежде всего, первый секретарь Московского городского комитета партии должен вместе с партией искать и находить новые решения, а не то, что здесь сейчас происходит. Но, видимо, речь все-таки идет не об этом.

Борис Николаевич, на мой взгляд, перепутал большое дело, которое творится в стране, с мелкими своими обидами и капризами, что для политика, на мой взгляд, совершенно недопустимо, особенно когда он занимает такой высокий пост и партия ему доверила такое дело. Это, конечно, очень печально, что один из руководителей впал в элементарную панику. Такой, я бы сказал, произошел мелкобуржуазный выброс настроений, которые имеют место в обществе. Но приходится только сожалеть и недоумевать, что глашатаем этих настроений мелкобуржуазного свойства явился руководитель Московской организации.

Конечно, здесь сыграли и амбиции, тщеславие, но это все-таки внешняя оболочка. А по существу, как мне показалось и как прослышалось, — прямое несогласие с курсом перестройки, с его практикой, с ее темпами, с ее назначением и существом, и это, видимо, самое главное. Если Борис Николаевич по этому вопросу будет упорствовать или ставить вопрос так же, как сегодня, то, знаете, его это очень далеко заведет и политически, и нравственно.

Конечно, у него сыграло свою роль и личное. Как здесь уже говорилось, это — упоение псевдореволюционной фразой, упоение собственной личностью. Это всегда застилает глаза политикам. Но главное — он не понял, еще раз повторяю, что происходит вокруг. Это, по-моему, самое главное. А без этого очень трудно работать. Ему кажется это революционной, на самом деле это глубокий консерватизм.

В конечном счете здесь у нас прозвучало, к большому сожалению, самое откровенное капитулянтство перед трудностями, с которыми человек встретился, самое откровенное выражение такого состояния, когда человек решил поставить свои амбиции, личный характер, личные капризы выше партийных, общественных дел. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Марчуку Гурию Ивановичу — члену Центрального Комитета КПСС, президенту Академии наук СССР. Подготовиться т. Шеварднадзе.

Марчук. Я хочу сказать, что в ближайшие дни я хотел встретиться с Ельциным для того, чтобы акцентировать внимание Академии наук и городской партийной организации на многих проблемах перестройки. Я с огорчением должен сказать, что выступление Бориса Николаевича поколебало полностью мою уверенность в том, что мы сможем найти согласованные пути решения коренных вопросов, которые стоят сейчас перед наукой и Московской партийной организацией, где сосредоточено более 50 процентов потенциала всей академической науки.

Я, товарищи, хочу сказать, что я не согласен с товарищем Ельциным в том, что перестройка идет не теми темпами, не так развивается, что мы якобы даем какие-то векселя народу, они необоснованны и так далее. Я хочу на примере науки сказать, что перестройка уже сделала колоссальный шаг. Ученые многие годы мечтали о том времени, когда они смогут свой интеллект выдать в руки народу, дать рабочему классу, инженерам, труженикам отраслей народного хозяйства новые идеи. В этом зале очень много критиковались ученые, которых считали во всем виноватыми. Потом стали говорить — ведомства виноваты, а потом только с апрельского Пленума и июньского совещания по-настоящему партия

под руководством нового состава поставила научно этот вопрос. И сейчас мы более или менее сложили себе четкое представление, что от нас требуется, по крайней мере на уровне эшелона науки. Мы говорили о перестройке, и здесь Михаил Сергеевич много раз повторял, что она еще не дошла, так сказать, до низов, это еще не всколыхнуло всех. Тут партия должна поработать. Это правильно! Но вот давайте посмотрим, что дала перестройка существующей науке? Когда мы увидели, что мы отстаем по многим направлениям в науке, именно по инициативе Михаила Сергеевича Горбачева были приняты основополагающие постановления (может быть, многие здесь не знают) об основных направлениях — стратегических направлениях — в науке.

Первое. Это — постановление о повышении роли математики и количественных методов.

Второе. Академией наук создано отделение информатики и вычислительной техники для того, чтобы поднять вычислительную технику.

Третье. Недавно было принято огромной важности постановление Центрального Комитета и правительства о развитии физики высоких энергий для исследования процессов, которые будут заделом, скажем, на 10—15 лет,— это и биотехнология. Совсем недавно принято решение о развитии науки в химии и химической технологии. О приборостроении. Когда мы через 5—7 лет (да, через 5 лет!) должны иметь такое приборостроение, и на это даны ресурсы, которые дадут возможность нам все основные вопросы решать нашими национальными средствами. Эти все вопросы были подготовлены Секретариатом ЦК КПСС.

Ну, товарищи, разве это не перестройка? Мы уже преодолели конкретный, серьезный этап. И ученые благодарны партии за то, что сейчас, именно в эти годы имеется такое внимание к ученым. Был поднят потенциал самих ученых. Ведь вот как-то на июньском Пленуме Михаил Сергеевич сказал такую фразу: «и задел в науке у нас большой, но существует диафрагма со стороны производства». И вот сегодняшние тезисы из доклада М. С. Горбачева и последние события — все они говорят, что в единении науки, техники и производства мы действительно получим тот результат, который другим путем осуществить невозможно. Перестройка — это процесс. В этом процессе будет много этапов. Мы сейчас входим в очень трудный этап, когда начинают подключаться сюда все организации нашей промышленности, в будущее всего народного хозяйства.

И еще одно. Я считаю, что тоже элемент перестройки, что президента Академии наук сейчас приглашают на любой вопрос, который связан с наукой или научно-техническим прогрессом, в Политбюро. Было такое дело? Было, конечно, но такой системы в том, чтобы вовремя узнать, услышать мнение ученых — этого не было. Поэтому это тоже элемент перестройки. Наконец, товарищи, многие тут говорили, а члены Политбюро лучше это знают, об атмосфере работы в Политбюро. Я часто приглашался на Политбюро по своей работе и в течение пребывания в Государственном комитете по науке и технике, и сейчас. Я скажу вам, что это школа науки, науки строительства партии, строительства государства. Иногда мне даже стыдно бывает, что многие основополагающие идеи экономики, социалистического строительства идут от Политбюро, а не от науки. Правда, наука помогает формировать их, но не в той степени, как это должно быть.

Поэтому, товарищи, я хочу сказать, что перестройка — это дело уже верное, апробированное, другого пути у нас нет. Я хочу сказать и заверить Пленум в том, что ученые всегда пойдут вместе с партией. (Аплодисменты.)

Председательствующий **т. Горбачев**. Слово предоставляется т. Шеварднадзе Эдуарду Амвросиевичу — члену Политбюро Центрального Ко-

митета КПСС, министру иностранных дел СССР. Подготовиться т. Муравьевскому.

Шеварднадзе. Я солидарен с товарищами, которые до меня выступали. Виктор Михайлович Чебриков подчеркнул важность нынешнего момента. Все это происходит накануне 70-летия Октябрьской революции, когда нам надо оценить и осмыслить пройденный путь. Хочу сказать со всей откровенностью: не ожидал, что Генеральному секретарю ЦК, Политбюро удастся за столь короткое время подготовить всесторонне взвешенный, глубокий научный анализ пройденного пути.

Мне как-то приходилось говорить на заседании Политбюро, и сейчас я хочу повторить перед членами Центрального Комитета: зная об ошибках и отклонениях, которые были допущены в прошлые годы, очень часто я задавал себе вопрос — неужели мы народ без прошлого? Неужели все было плохо?

А сейчас, читая доклад, с которым Михаил Сергеевич выступит на юбилее, вижу: этот вопрос — основной вопрос — снят, на него дается четкий, ясный научно обоснованный ответ.

Я думаю, будет правильно, если мы сможем — ведь за нами следит весь мир — продемонстрировать единство и сплоченность Центрального Комитета, всего нашего общества.

Как и все другие члены Политбюро, я знаю, как рождался этот доклад. Он выстрадан в буквальном смысле этого слова. И не один раз поговорить о нем собирались члены Политбюро, Центрального Комитета. Это Михаил Сергеевич задавал тон, это делалось по его инициативе. Еще не было написано ни одной страницы, когда он стал советоваться с членами Политбюро по всем аспектам развития социалистического, советского общества.

Я думаю, что мы получили очень важный, очень сильный документ. Это — наше оружие.

А вот сегодняшним выступлением, Борис Николаевич, Вы очень многое поставили под сомнение.

Я бы не драматизировал выступление товарища Ельцина, но и не стал бы упрощать. Потому что мы действительно находимся на сложнейшем этапе нашего развития, и Центральный Комитет, Политбюро еще не все сказали, с какими трудностями предстоит столкнуться. Это и финансы, и наш бюджет, и многое другое.

И что удивительного, если завтра-послезавтра мы будем вынуждены сказать народу: «Да, не все удастся так, как задумано и как хотелось бы». Да, мы кое-что обещали народу, но, может быть, мы не все сразу сможем дать ему, потому что наследство нам досталось тяжелейшее. Вы же сами это знаете, Вы же владеете всеми этими цифрами. Вот почему меня поразило то, что Вы сказали.

Как это характеризовать? Здесь употреблялись разные термины, например — консерватизм. Я бы добавил: примитивизм. Но скорее всего — и это, пожалуй, наиболее концентрированная оценка — безответственность. Безответственность перед партией, перед народом, перед друзьями и коллегами, товарищами по Политбюро.

Ни один вопрос у нас не решается единолично. Я считаю это величайшим достоянием. По-другому нельзя на таком переломном этапе. За нами следит, я подчеркиваю, буквально следит весь мир.

Вот Виталий Иванович¹⁵ да и другие товарищи тоже говорили о международном аспекте. И мне, выполняя волю партии и Политбюро, иногда часами приходится разговаривать с зарубежными деятелями — президентами, премьер-министрами, министрами иностранных дел и т. д. И первый вопрос, главнейший вопрос, который они задают во время этих бесед, — о перестройке. Что происходит в Советском Союзе? Что в Политбюро, есть ли оппозиция? Какие силы? Какова расстановка? Часами

допрашивают в буквальном смысле слова — и в Соединенных Штатах, и в Латинской Америке, и в Австралии... Все, в том числе и наши друзья, спрашивают: какова оценка пройденного пути?

Мы находимся на самом серьезном этапе... Я не хотел употреблять это слово, может быть, в моем выступлении многовато эмоциональности, но в какой-то степени сейчас это предательство перед партией. Может быть, я это резковато сказал, но по-другому не могу. Люди ночами не спят и думают о том, соответствуют ли они занимаемым должностям на нынешнем переломном этапе.

Я, например, этого не знаю. Тысячи раз задавал себе вопрос: отвечаю ли всем необходимым сегодня стандартам? Нет, говорил себе, не отвечаю. И мои друзья, мои товарищи, которые работают в нашем коллективе, тот же самый вопрос задают и себе. А тут какие-то амбиции, какие-то обиды, какая-то мелочь. Не понимаю, в каких условиях формировалась такая психология? Все из-за оторванности — я подчеркиваю это — от нашей жизни.

Я думаю, что это не простое явление и не простое выступление. Но Вам не удастся столкнуть Центральный Комитет с Московской городской партийной организацией. Нет, не удастся. (Аплодисменты.)

Вы хотите нам навязать другой стиль, критикуя стиль нынешний, который сформировался в муках и трудностях. Это стиль действительно творческий, коллективный, действительно ленинский. Но Вам не удастся навязать нам другой стиль. Не пройдет это у Вас! Мы не отступим от взятого курса, потому что поверили в него и будем верить до конца. Потому что другого пути нет. Перед социализмом стоит проблема выживания, и это не мои слова, это то, что говорилось Генеральным секретарем от имени Политбюро Центрального Комитета нашей партии.

Сейчас об отдельных обвинениях. Не знаю, какие для них есть основания. По-моему, об этом говорил Виталий Иванович. Действительно, на заседаниях Политбюро мы свободно критикуем друг друга и очень часто не соглашаемся с некоторыми выводами. Действительно, Генеральный секретарь приглашает нас высказываться откровенно. Не всегда мы готовы к этому, но выступаем. И мы сами чувствуем, что этот процесс — самый сложный и труднейший процесс становления нашего коллективного органа и формирования творческой атмосферы в этом руководящем звене Центрального Комитета нашей партии. Какие основания предъявлять обвинения товарищу Лигачеву Егору Кузьмичу? Ведь у каждого человека свои особенности. И достоинство нашего Политбюро заключается именно в том, что этот коллектив не делает нас стандартными. У каждого свое лицо, своя психология, свой подход, свой стиль. Еще Ленин говорил, что стиль — это человек, выражение его натуры, его психологии и т. д. Я думаю, что в этом богатство наше.

Кто в этом зале сомневается, что товарищ Лигачев — кристальнейший человек? Человек высочайших моральных и нравственных принципов, преданный, как говорится, душой и телом делу перестройки?

Думаю, что такого здесь не найдется. Я не знаю... (Аплодисменты.)

Теперь о славословии. Знаете, может быть, это и высокопарные слова, но это действительно наше счастье, что наш коллектив возглавляет Михаил Сергеевич Горбачев. Никакого славословия у нас на заседаниях Политбюро нет. Я вам прямо скажу: у меня есть горький опыт на этот счет. С трибуны XXVII съезда я позволил себе произнести одну фразу, как будто безобидную — о том, что во время моих поездок главный вопрос, который мне задают — это вопрос о Генеральном секретаре Центрального Комитета партии, о его политическом портрете, что ли. (В газетном отчете эта фраза из моего выступления была опущена.) А дело было так: когда мы вышли, при всех членах Политбюро Михаил Сергеевич сказал: слушай, у тебя было хорошее выступление, масштабное,

глубокое, но вот этой последней фразой ты все смазал. Вот этого и не надо было — о Генеральном секретаре.

Если у кого-то на заседании Политбюро появляется желание выделить Генерального — получаем серьезные замечания. Мы бережем, должны беречь такую атмосферу.

Я согласен с товарищами, которые говорят, что это клевета на Политбюро. Клевета на Секретариат Центрального Комитета партии.

Как и всем другим, мне трудно говорить, но я охарактеризовал бы это выступление Бориса Николаевича как совершенно безответственное выступление. Как безответственность перед народом, перед своей родной партийной организацией, от имени которой он выступал с этой трибуны. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Мураховскому Всеволоду Серафимовичу — первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, председателю Государственного агропромышленного комитета СССР. Подготовиться т. Громыко.

Мураховский. Уважаемые товарищи! Я полностью присоединяюсь к тем оценкам, которые были даны с этой трибуны выступлению товарища Ельцина.

Мне представляется, что выступление на Пленуме, накануне 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, после того как мы с большим вниманием прослушали тезисы доклада Генерального секретаря на Торжественном заседании и задачи по развитию перестройки, такого рода выступление является действительно политически вредным и мешает нашей практической работе. Такая оценка перестройки свидетельствует о том, что товарищ Ельцин не верит в нее, его выступление можно квалифицировать только как действия человека, который не согласен со стратегической линией, намеченной XXVII съездом партии, неуклонно и последовательно осуществляющейся в настоящее время.

Мне думается, что если внимательно проанализировать позицию, оценить поступок товарища Ельцина, то приходишь к выводу, что это — дезертирство. Он уходит от тех трудностей, о которых говорил Михаил Сергеевич Горбачев, которые предстоит нам преодолеть для того, чтобы выполнить то, что намечено партией, то, что обещано народу.

Мне представляется, что его выступление вредно в том отношении, что подрывает единство нашей партии, Центрального Комитета партии, Политбюро. Оно достойно самого сурового осуждения.

Товарищи! Процессы перестройки, о которых сегодня шла речь, широко и глубоко захватили агропромышленный комплекс. Везде, во всех уголках нашей Родины сельские труженики с глубоким пониманием относятся к той большой работе, которая ведется сейчас Центральным Комитетом КПСС по совершенствованию хозяйственного механизма в целом, и, в частности, всей той работе, которая ведется в агропромышленном комплексе по совершенствованию хозяйственного механизма, по творческому развитию ленинских идей кооперативного плана, внедрению подрядных форм организации труда. Нужно сказать, что сейчас, в ходе этой перестройки, по-настоящему колхозники, рабочие совхозов, механизаторы обретают силу хозяина, творчески относятся к работе и готовы все сделать для того, чтобы выполнить большие и крупные задачи по улучшению продовольственного снабжения нашей страны.

Товарищ Ельцин в своем выступлении высказался о работе Политбюро и Секретариата. Мне хотелось бы тоже по этому поводу высказать свое мнение.

О работе Секретариата. Может быть, Секретариат и много принимает решений. Но следует сказать, что в период, когда идет перестройка, когда идет большая работа по укреплению дисциплины, подтягиванию

отстающих участков, очевидно, задача Секретариата ЦК и заключается в том, чтобы предъявить конкретный и жесткий спрос за выполнение решений, которые принимаются Центральным Комитетом партии и правительством, чтобы поднять ответственность кадров за порученное дело.

И в этом отношении скажу, что и сам отчитывался на Секретариате несколько раз по работе агропромышленного комплекса, присутствовал, когда отчитывались обкомы, другие министерства и ведомства. На Секретариате идет жесткий спрос, но справедливый. Ведущий Секретариат Егор Кузьмич Лигачев, как бы строго ни спрашивал за все недостатки, за все промахи, которые вскрываются в ходе обсуждения вопроса на Секретариате, всегда уважительно относится к людям.

На Секретариате все вопросы обсуждаются корректно и принципиально, в духе коллективности; все члены Секретариата принимают активное участие, вносят предложения и вместе с тем выслушивают предложения тех товарищей, которые отчитываются на Секретариате.

О работе Политбюро. Я не могу сделать сравнение с работой Политбюро в прежние годы, но должен сказать о том, что в нынешних условиях на Политбюро все вопросы обсуждаются глубоко. Каждое присутствие на Политбюро является для всех нас большой школой.

Мне представляется, что в этом отношении большой тон задает ведущий Политбюро Генеральный секретарь Центрального Комитета партии, и особенно отрадно, что на заседаниях Политбюро, как правило, имеется возможность для каждого высказать свою точку зрения. В результате обмена мнениями принимаются решения верные, которые действительно определяют наши стратегические задачи, помогают нам решать практические дела.

Мне думается, товарищи, что выступление товарища Ельцина на нынешнем Пленуме не является случайностью. Если искать его истоки, то приходишь к выводу — оно является следствием политической незрелости. Сюда примешаны какие-то личные, субъективные моменты, которые можно характеризовать как амбициозные претензии. Очевидно, сегодня правильно Егор Кузьмич признал, что Секретариат и он лично несут ответственность за ошибку, которая допущена при выдвижении товарища Ельцина на высокий пост первого секретаря Московского городского комитета партии. Быстрое выдвижение, слабая политическая закалка и политическая незрелость товарища Ельцина привели его к сегодняшнему выступлению. Мне думается, что поступок товарища Ельцина, его выступление заслуживают самого сурового осуждения со стороны Центрального Комитета партии.

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Громыко Андрею Андреевичу — члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР. Подготовиться т. Щербицкому.

Громыко. Дорогие товарищи! Конечно, можно и много говорить. Я коротко скажу. Остановлюсь только на двух вопросах. Я бы сказал так: на двух вопросах в связи с выступлением товарища Ельцина. Не буду касаться некоторых важных вопросов личного порядка, поскольку об этом другие товарищи говорили.

Первый вопрос — это вопрос перестройки. Он с начала и до конца сквозил через все выступление товарища Ельцина. Но у него свои неправильные взгляды. Я думаю, что правильно совершенно Центральный Комитет партии и Михаил Сергеевич неоднократно, и все мы, вместе взятые, подчеркивали и подчеркиваем, что сейчас нет более важного вопроса в жизни нашей партии и страны, чем вопрос перестройки нашей экономики, социальной сферы, всей жизни советского общества. И взоры всех — и нашего народа, и людей за рубежом направлены на нас: как дела

пойдут у советских коммунистов, у советского народа? Выйдет или не выйдет?

Делают определенные выводы на тот случай, если не выйдет. Пытаются делать определенные выводы на тот случай, если выйдет. Конечно, выводы делают разные. Поэтому каждый из нас и все мы, вместе взятые, должны сделать все, чтобы великое историческое дело перестройки закончилось успехом, если вообще можно говорить об окончании этого курса. Перестройка — это процесс. Но процессы все происходят во времени. Поэтому партия и Центральный Комитет ставят сейчас определенные задачи и временного характера. Они и здесь прозвучали, на этом Пленуме Центрального Комитета. Временем необходимо дорожить.

Как можно мобилизовать наш почти трехсотмиллионный народ на выполнение великих планов перестройки, если не питать уверенности в успехе? От кого же тогда нашим людям будет передаваться уверенность в том, что это посильное дело и что оно должно закончиться победой.

Эта уверенность должна исходить прежде всего от партии, от Центрального Комитета партии и, конечно же, от Политбюро.

Поэтому я думаю, что Центральный Комитет правильно поступит, если в связи с выступлением товарища Ельцина отбросит всякие попытки пошатнуть нас, бросить тень на наш курс перестройки, поколебать уверенность и партии, и народа в нашем успехе.

Этап, через который проходит наша страна, — исторический. Если бы было в тысячу раз более сильное слово, чем слово «исторический», так его нужно было бы употребить в данном случае. Дело чести Центрального Комитета — достигнуть успеха в этом деле, дело великой чести нашей партии. Под такими лозунгами мы ведем подготовку и к юбилейным празднествам. Мы все уверены в том, что хорошо пройдем этот рубеж, достойно пройдем.

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, — это вопрос единства нашей партии и, разумеется, ее Центрального Комитета. Это опять-таки в связи с выступлением товарища Ельцина. Мы хорошо знаем и по истории, особенно заслушав доклад Михаила Сергеевича, чего стоило партии и стране в прошлом отсутствие единства. Чего стоило, каких неисчислимых жертв оно стоило. Если бы в партии существовала клятва не допустить нарушения единства в ее рядах, то здесь надо было бы дать эту клятву, не допустить нарушения единства, все сделать, чтобы наша страна шагала как единая, чтобы партия была сплоченной силой нашего общества. Нужно ли много говорить насчет того, что наши классовые, политические противники больше всего хотели бы, чтобы руководящая сила нашего общества — а таковой является именно партия — не была единой и сплоченной.

Смотрите, как энергично подхватываются всякие слухи, всякие даже малозначительные факты, чтобы их раздувать и превращать чуть ли не в показатели отсутствия необходимого единства в нашем обществе.

Думаю, что мы правильно поступим, если и на сей раз продемонстрируем, что партия не позволит расстроить свои ряды, будет хранить ленинское единство в своих рядах, что мы нашим классовым противникам за рубежом не доставим удовольствия. Мы идем сплоченными рядами, и можно не сомневаться, что и впредь будем идти такими рядами, как это завещал нам Ленин, как завещали нам предыдущие поколения коммунистов. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Щербицкому Владимиру Васильевичу — члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Украины. Подготовиться т. Пуго.

Щербицкий. Товарищи! Думаю, что все мы искренне и сильно огорчены выступлением товарища Ельцина. На днях на продолжительном

заседании Политбюро детально, подробно обсуждался проект доклада Михаила Сергеевича на предстоящих торжествах по случаю 70-летия Октября. Доклад этот заранее был разослан, очень серьезный, обстоятельный документ исторического значения. Подробные тезисы его мы сегодня слышали. На заседании Политбюро выступали все члены, кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК. И я тоже обратил внимание, что товарищ Ельцин не нашел нужным высказать хотя бы кратко свое мнение.

А на этом заседании обсуждались не только принципиальные вопросы перестройки и наши задачи, а и характеристика тех этапов в нашей истории, о которых сегодня шла речь. Это принципиальные вопросы, конечно. И все мы высказали согласие с положениями, оценками и выводами, которые были в проекте доклада Михаила Сергеевича и которые, очевидно, сегодня одобрит и Пленум ЦК. И вдруг сегодня вот такое для меня лично совершенно неожиданное выступление товарища Ельцина с неудовлетворенностью положением дел, наскоком на Секретариат ЦК, на товарища Лигачева, который, как мы знаем, в поте лица работает, завидную энергию проявляет, ну и прижать может. А иначе сейчас и нельзя, товарищи. (Смех. Аплодисменты.)

Если были периоды, когда кто-то, под чьим-то, может быть, влиянием мог немножко отпустить тормоза, то теперь, во всяком случае, в ближайшие 2—3 года, о которых Михаил Сергеевич говорил, такой перспективы, думаю, ни у кого нет, а кто думает иначе, он ошибается.

Значит, с чем же товарищ Ельцин не согласен? Или проявляется то, что он не согласен, по существу, с линией на перестройку, с содержащейся в докладе оценкой положения дел и стоящими задачами. Или, может быть, он испугался предстоящих трудностей. Это тоже может быть. Короче: я поддерживаю всех товарищей, которые выступали передо мной и дали принципиальную оценку выступлению товарища Ельцина как политически незрелому выступлению. Я думаю, что коммунисты Москвы, товарищи москвичи, которые присутствуют здесь, на Пленуме Центрального Комитета, выступлением товарища Ельцина, наверное, тоже огорчены. И, наверное, им неудобно за своего секретаря, который, будем прямо говорить, сегодня вот так плохо себя показал. Может, это непродуманный шаг под каким-то впечатлением... Я думаю, что он скажет еще нам, как он реагирует на все то, о чем здесь говорили товарищи. А если товарищ Ельцин останется при своем мнении, то это означает, что он не оправдал доверия Центрального Комитета партии, не оправдал доверия Московской партийной организации, что очень огорчительно.

Теперь о том, что касается попытки бросить тень на работу Секретариата и Политбюро и обвинить неизвестно кого из членов Политбюро в славословии и в адрес Генерального секретаря. Я бываю не на каждом заседании и не каждый день, конечно, в Москве, но ничего похожего я не замечал. Все-таки опыт в этом деле у многих из нас есть, что такое славословие, мы знаем. Но ничего похожего при мне никогда не было и ни от кого об этом я ничего не слышал, да и быть этого при теперешнем руководстве не может. Товарищи об этом говорили, и думаю, что нет нужды повторяться.

Что касается работы Политбюро, Секретариата, то я глубоко убежден, что она идет полностью в духе решений апрельского Пленума, полностью в духе, в курсе решений XXVII съезда, Пленумов ЦК, при fullestом соблюдении коллегиальности, конструктивного и критического подхода к делу, товарищеской критики. В такой обстановке, в частности, на заседаниях Политбюро ЦК, требуется одно — хорошо работать. Это радует, ибо такой обстановки у нас уже очень давно не было.

Теперь я не могу никак пройти и мимо ошибочного заявления товарища Ельцина о том, что вот, дескать, прошло два года, а результаты еще, особенно в экономике (о социальной сфере он ничего не сказал),

неблагоприятные. Да, действительно, много есть трудностей, об этом Михаил Сергеевич говорил и Николай Иванович Рыжков говорил на сессии Верховного Совета. Но то, что волны настроения народа, то есть политического накала, как будто бы гаснут, это неправильно. Согласен с товарищем Мураховским, который назвал такое настроение пораженческим. Не думаю, чтобы это относилось в какой-то мере к Москве. А откуда товарищ Ельцин знает, как в других районах обстоит дело? Я не знаю, может, из «Московских новостей». (Смех.) Больше оснований для таких заявлений у него нет. Теперь дальше он говорит, что если пройдет еще 2—3 года — то есть те, о которых говорил Михаил Сергеевич, а это, конечно, оптимальный срок, а может быть, и больше понадобится, а может быть, удастся и раньше больше сделать, как пойдет дело, это зависит даже от того, какой урожай в будущем году будет, а не только от нашей работы, — то тогда, товарищ Ельцин говорит, может даже поколебаться авторитет партии. Я думаю, что это совершенно неправильные, пораженческие утверждения.

О том, как относится к перестройке народ наш, мы знаем хорошо. Об этом сегодня сказал Александр Яковлевич Колесников от имени шахтеров. О том, что надо делать, как надо делать, какие предстоят трудности, какие нелегкие задачи надо решить, обстоятельно говорил Михаил Сергеевич Горбачев. И я думаю, что все мы с ним согласны. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Пуго Борису Карловичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Латвии. Подготовиться т. Мироненко.

Пуго. Уважаемые товарищи! Когда мы собирались на этот Пленум, я уверен, каждый из нас глубоко анализировал дела в своей организации.

Мы очень много ждали от доклада, с которым сегодня выступил Михаил Сергеевич, и, с нашей точки зрения, услышали в докладе именно те идеи, те мысли, те выводы, которые мы сами чувствуем в своих партийных организациях, которые отражают то, что происходит сейчас в нашей стране.

В докладе очень правильно, хорошо сказано об исторических периодах. Очень глубоко и серьезно сказано об этапах перестройки. Первый этап мы, наверное, сейчас завершаем и входим во второй, очень серьезный этап. Говорилось очень серьезно и глубоко о роли партийных организаций, всех нас — руководителях республиканских партийных, областных партийных организаций, райкомов, горкомов партии.

В докладе содержались исключительно глубокий анализ и раздумья о трудностях, которые действительно, реально имеют место. Мы все это прекрасно знаем, и никто не надеялся и не надеется, наверное, на то, что жизнь наша сейчас станет легче, что события пойдут каким-то образом быстрее, что положение станет лучезарнее. Действительно, трудностей много. И очень хорошо, что и о тормозящих факторах было сказано в сегодняшнем докладе.

Как член ЦК (я молодой член ЦК), но за время работы в качестве первого секретаря ЦК Компартии республики мне пришлось побывать и отчитываться на Секретариате, пришлось быть на заседаниях Политбюро, и я скажу, что каждое из этих заседаний, наверное, каждый из моих коллег это может сказать, превращалось в очень большую, очень серьезную школу. Они давали повод для многих и глубоких размышлений.

После последнего Политбюро, на котором обсуждались вопросы, связанные с планами на будущий год, первые секретари Центральных Комитетов компартий союзных республик обменивались между собой, и скажу совершенно откровенно, что действительно мы себя почувствовали со-

участниками того огромного дела, которое сейчас делает Центральный Комитет. Мы поняли, что не стоим где-то в стороне. Мы знаем, что это наше дело. Мы отчетливо осознали свое место, свою роль. И действительно, насколько я понимаю, именно так всегда проходят заседания Политбюро.

У нас недавно в республике так же, как и в ряде других Прибалтийских республик, были, товарищи знают, неприятности, связанные с националистическими проявлениями.

После этого не было заседания Политбюро. После этого нас, первых секретарей ЦК, пригласили на совещание в Москву, в котором принимали участие ряд членов Политбюро. Наверное, понятно, что едешь на такое совещание совершенно не для того, чтобы получить какие-то комплименты.

Это совещание было проведено так, что мы действительно увидели и свои недостатки, и свои какие-то промахи, и, самое главное, мы уехали глубоко удовлетворенные и убежденные в том, что в Центральном Комитете наши трудности по-настоящему поняты. Межнациональные отношения — это не простые отношения. И не зря об этом именно так ставился вопрос на XXVII съезде партии и в последующих документах ЦК КПСС. Очень серьезно об этом Михаил Сергеевич сегодня говорил, увязывая это, в частности, и с 39-м годом. Все это действительно показывает, насколько внимательно, серьезно относится руководство Центрального Комитета ко всем вопросам, которые выносятся на обсуждение.

Мы чувствуем, я не для красного словца хочу это сказать, мы чувствуем строгость со стороны Секретариата ЦК. Как только что говорили товарищи, наверное, время наше такое. Не зря же мы призываем во всех докладах, чтобы действительно проявлялась строгость к партийным комитетам, к партийным работникам прежде всего. Мы действительно чувствуем такую большую строгость со стороны Секретариата ЦК партии. Думаю, что так и должно быть. И, наверное, никаких слабостей допускаться в этом деле ни в коем случае не может.

Мне хотелось еще сказать о следующем, Михаил Сергеевич это уже не первый раз употреблял выражение, о том, что в наше непростое время партработники должны быть готовы драться за перестройку. Но есть и такие, которые начинают пасовать.

Мне думается, что позиция, которую занял товарищ Ельцин сегодня, это позиция человека пасующего, как бы он это ни хотел представить. И, наверное, в этой ситуации вот так попытаться уйти из руководства ЦК, хлопнув дверью, я думаю, только так можно расценивать его поступок, — это совершенно не делает ему чести.

И последнее, что мне хотелось сказать. Столичная организация Москвы для нас, для всех организаций страны — это организация совершенно особая. Так это было в прошлом, уверен, что обязательно должно быть и в будущем. Она задавала и должна задавать нам тон.

Уверен, что все мои коллеги газету «Московская правда» читают всегда: хочется увидеть новое. И первое время мы действительно видели то, что хотелось взять себе на вооружение. В последнее время здесь заметны стали амбициозные элементы. По-моему, эти элементы сегодня как раз и прозвучали в выступлении товарища Ельцина.

И самое последнее. Наверное, вопрос, который нам приходится сегодня обсуждать, радости в общем-то не вызывает. Но мне кажется, что после сегодняшнего заседания ЦК мы все уйдем еще более убежденные в крепости, единстве нашего Центрального Комитета, в полной поддержке Политбюро и Секретариата. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Мироненко Виктору Ивановичу — кандидату в члены Центрального Комитета КПСС, первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Подготовиться т. Соломенцеву.

Мироненко. Уважаемые товарищи! Виктор Михайлович Чебриков, выступая, сказал, что в этом зале и люди с большим партийным стажем, очень много сделавшие в партии, и молодые коммунисты. У меня, наверное, меньше, чем у всех выступивших здесь, оснований для того, чтобы выступать по этому вопросу, и все-таки, поскольку в течение последнего года мне пришлось принимать участие в заседаниях Секретариата Центрального Комитета КПСС, я не могу не высказать двух принципиальных несогласий с тем, что было сказано Борисом Николаевичем Ельциным, и одного маленького соображения.

Во-первых, хотя мне и трудно сравнивать, я категорически не согласен с тем, что Секретариат работает по-старому, что незаметно никаких изменений в стиле работы Секретариата Центрального Комитета КПСС.

Чтобы не быть голословным, я приведу только один пример. Я не знаю, может быть, Виктор Максимович Мишин меня опровергнет, он работал дольше и принимал участие в заседаниях Секретариата прежде, я с трудом представляю себе ситуацию, когда в процессе обсуждения, например, Устава ВЛКСМ накануне XX съезда Ленинского комсомола, первый секретарь Центрального Комитета комсомола мог бы вести дискуссию с Секретариатом Центрального Комитета партии и отстаивать ту точку зрения, которая нам казалась иногда правильной, хотя в общем-то, как мы это потом признали, и была ошибочной.

Я не знаю, как это было раньше, но проявлять больше внимания к вопросам воспитания молодежи, работы Ленинского комсомола, чем это делает Егор Кузьмич Лигачев, мне кажется, просто очень трудно. Я вспоминаю хотя бы последнюю нашу почти двухчасовую беседу на прошлой неделе.

Второе, с чем я не могу согласиться,— это утверждение о том, что активность людей падает. По крайней мере в том, что касается молодежи. Нет, инициатива и энергия молодежи не падают, а нарастают. Беда в другом. Беда в том, что мы, я имею в виду прежде всего комсомол, не можем пока дать этой нарастающей энергии выхода, и она расплескивается, а кое-где и воспламеняется, в том числе, к сожалению, и у нас здесь, в столице.

И, наконец, последнее соображение. Мне трудно сказать сейчас, как отзовется известие о вопросе, который обсуждается сегодня на Пленуме Центрального Комитета КПСС, в сознании молодых коммунистов и комсомольцев.

Не думаю, что будет поколеблена их вера в перестройку. Но то, что это осложнит нашу работу с молодежью, и особенно с молодежью Москвы, это, к сожалению, точно. Как бы ни завершилось это обсуждение, я думаю, ущерб нанесен, и ущерб большой. А этого нельзя прощать. Нельзя прощать и молодому коммунисту, а тем более коммунисту с таким опытом и облеченному таким доверием ЦК КПСС и Московской городской партийной организации, как Борис Николаевич Ельцин. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев.** Слово предоставляется т. Соломенцеву Михаилу Сергеевичу — члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Подготовиться т. Колбину.

Соломенцев. Уважаемые товарищи! Я думаю, не случайно уже три часа мы обсуждаем выступление товарища Ельцина. Не случайно потому, что в его выступлении проявилось определенное стремление внести разлад в наши ряды, в ряды Центрального Комитета партии.

Ведь он, по существу, выступил в единственном числе. Выступил в очень ответственное время, на сегодняшнем Пленуме, который обсуждает вопросы жизненной важности для партии и страны.

У меня возникает следующий вопрос: было заседание Политбюро, где

подробнейшим образом обсуждался доклад Михаила Сергеевича. Перед этим доклад был у всех членов Политбюро, кандидатов и секретарей ЦК несколько дней на руках. Мы его читали, высказывали на Политбюро свои замечания. Все до единого товарищи выступили, и товарищ Ельцин выступил. Правда, он, по-моему, выступил, лишь когда Михаил Сергеевич спросил: а у Вас, Борис Николаевич, есть что-нибудь сказать? Так, кажется, было? До этого он, может быть, и не собирался выступать. Если бы такого, так сказать, приглашения к выступлению не было, может быть, и не было бы его выступления.

Однако, выступая, никаких вопросов, которые сегодня поднимались, он тогда не затрагивал. Спрашивается, почему сегодня, по истечении некоторого времени, на Пленуме надо поднимать эти вопросы? Я не думаю, что его выступление — это результат перестройки. Полагаю, что товарищ Ельцин понимает, что такое перестройка. Его выступление по вопросам перестройки — это не просто демагогия. Некоторые товарищи охарактеризовали это выступление более остро. Я с ними согласен. Когда товарищ Ельцин давал оценки работы Секретариата, это просто клевета.

Зачем это сделано? Ведь мы заслушали интересный доклад. Такой доклад, которого мы не имели ни во время празднования 50-летия, ни 60-летия со дня Октябрьской революции. Я имею в виду научный уровень доклада, обоснование с марксистско-ленинских позиций всех процессов и явлений, которые имели место. Не было подобных докладов, давайте уж будем откровенны.

И если Вы с чем-то были не согласны, то надо было сказать, сделать замечание. Этого ничего не произошло. А тогда бы состоялся, наверное, разговор на Политбюро. А Вы его почему-то внесли сразу на Пленум. У меня появляется такая мысль: может быть, Вы решили, что на Пленуме ЦК партии найдутся люди, которые выступят в Вашу поддержку, станут Вашими попутчиками, согласятся с этими суждениями? Но видите, какая зрелость проявлена участниками Пленума ЦК партии: ведь Вас никто не поддерживает. И я уверен — не поддержат. И Вы напрасно на это рассчитывали.

Ваши выступления не здесь, конечно, а те, которые Вы делали для газет, активов, интервью, подхватывают часто. Но не наши газеты, хотя я не все областные и республиканские газеты читаю. А подхватывают, к сожалению, почему-то на Западе. Мы узнаем о них через радиопередачи, это идет через другую информацию. Почему они привлекают, эти Ваши выступления? Они привлекают потому, что идут вразрез нашей общей линии. А это и нужно противнику. Это находка для него потому, что выступает не кто-нибудь из глухой провинции, а секретарь Московского городского комитета партии, кандидат в члены Политбюро. Ну что это такое? Украшает? И даже, может быть, и слово-то «украшает» не подходит.

Кстати, все это происходит сегодня, Борис Николаевич, после того, как с Вами не один был разговор. Об этом уже товарищи говорили, я повторяюсь. Я помню, три разговора было. Даже на днях, во время сессии Верховного Совета, было сделано замечание в отношении интервью, которое Вы давали, когда Вы называли цифры о количестве заключенных у нас в стране. Откуда Вы взяли эти цифры? Почему Вы считаете возможным оперировать этими цифрами, давать, так сказать, пищу корреспондентам и разносить по всему белому свету? Кому это нужно? Что, это нужно нашему народу, нашей партии? Нет, это нужно злопыхателям, это нужно нашим противникам.

Я бы мог и другие примеры привести, по которым был разговор. Почему Вы не делаете выводов? А ведь с Вами терпеливо говорили. Да, по-моему, почти все выступали тогда на заседании Политбюро. Терпеливо: Борис Николаевич, Борис Николаевич, в том числе и Михаил Сергеевич терпеливо, может быть, терпеливее всех говорил с Вами. Он предлагал

дать возможность человеку, так сказать, продумать все, что он сказал или сделал неправильно, учесть критику и т. д. Такие советы высказывались в разговорах с Вами. Но изменений не произошло.

Мы к празднику идем, товарищи. Смотрите, какой доклад сегодня мы с вами прослушали. Как тонко подошли и те, кто работал над докладом, и потом Политбюро по всем этапам нашего развития — к роли партии и отдельных личностей. Это образец того, как надо относиться к документам. Но я думаю, самое главное, самое дорогое, когда прочитаешь этот доклад,— это монолитность, единство рядов нашей партии.

Какие мы сложнейшие этапы прошли и пережили, Михаил Сергеевич в докладе говорил. А если их развернуть, то еще большее впечатление будет. Но народ шел за партией. Народ шел за партией потому, что это ленинская партия. Если кто-то и допускал ошибки, извращения, то партия их не допускала. Она одерживала победы, несмотря на все трудности, которые мы перенесли, лишения и те извращения, которые допускались. Поэтому самая большая, я думаю, неприятность та, что Вы своим выступлением даете какой-то повод нарушить, поколебать наше единство, в том числе ЦК партии. Так нельзя поступать. Это, знаете, как говорят, удар из-за угла или «с крыла». Когда кулачные бои бывали, тогда даже там не разрешалось «с крыла» заходить и бить. А тут не кулачные бои, тут политика. И какая политика!

Смотрите, сегодня 70 лет всей истории партии, страны после Октябрьской революции рассматриваются. А Вы вытащили личные вопросы и потрясаете ими здесь, на Пленуме. Вы нанесли большой ущерб партии, нашей стране и Московской партийной организации. Ведь шила в мешке не утаишь, а сегодня здесь и москвичи есть, и потом все это разойдется по Москве. Ну как Вы будете оправдывать те обвинения, которые выдвинули сегодня в адрес Политбюро, Секретариата, отдельных товарищей? Чем Вы их докажете? Как Вы объясните это? Мне это непонятно. Поэтому для нас, товарищи, сегодня, для каждого это обсуждение — большая школа. И правильно поступает Политбюро и председательствующий, что не останавливает ход выступлений. Это большая школа, тем более в период перестройки. Такое выступление настораживает, конечно, и мы должны сегодня серьезно поговорить. И то, что дается сегодня возможность выступить, это как раз, товарищи, и есть перестройка. Это как раз, товарищи, демократизация в нашей партии, чего не было у нас в последние годы.

Такая же обстановка, товарищи, царит и на заседаниях Секретариата и Политбюро. Поверьте уж мне, вы знаете, что я давно работаю в этих органах партии. Так, как проводятся у нас сейчас заседания Секретариата и Политбюро, в предыдущие годы я не видел. На первых порах, вот когда, допустим, товарищ Брежнев пришел к руководству, тщательно обсуждались вопросы и время на это определенное отводилось. А потом стали проводить заседания, как правильно говорили здесь, и за 30 минут, и за 45 минут, и за час. Но сейчас мы до мельчайших деталей обсуждаем все вопросы, и какие вопросы! Все, кто желает, всегда выступают. Никто не остановит, не оборвет. Пожалуйста, говори. Никому не запрещается. Я поэтому ни в коем случае не согласен с оценкой товарищем Ельциным работы Секретариата и Политбюро, в том числе товарища Лигачева. Я знаю его по работе в Сибири и здесь. Он — человек, который все отдает делу, старается, на Секретариате «выкладывается», как и каждый из секретарей. Ведь вести заседание бюро, Секретариат — это не простое дело, тем более когда обсуждаются большие и острые вопросы. Товарищ Лигачев полностью «выкладывается». Во имя чего? Во имя дела. Во имя того, чтобы решение было хорошее, чтобы люди получили должный заряд на Секретариате, на Политбюро.

Я хочу сказать, товарищи, документы, которые выходят из стен Политбюро, имеют под собой солидную научную базу. Я знаю, сколько

Михаил Сергеевич работает с научными силами, с институтами, с кадрами, прежде чем какое-то положение выдвинуть, высказать, этого раньше не было. В этом была наша беда. Но это не значит, что все решения, которые мы приняли, выполняются. К сожалению, есть такие факты, когда хорошие решения не выполняются, в том числе и в Москве. Кто этому виной? Вы на это дело также посмотрите.

Чем вызвано выступление товарища Ельцина? Впечатление такое, что у товарища Ельцина все время, как снежный ком, накапливалось какое-то озлобление. Знаете, товарищи, каждый из нас попадал под критику, и более, и менее остро. Ну переживаешь, а дальше-то что? С еще большими усилиями, с еще большей энергией надо трудиться. А товарищ Ельцин замыкается, отдалается, отгораживается от коллектива. Почему? На кого Вы обижены, дорогой мой? Почему надо, как по-русски говорят, дуться на кого-то, суровое выражение лица делать? Зачем? Почему? Я Вам скажу: ведь и москвичи это не одобряют, Борис Николаевич. Доходят ведь до каждого из нас разговоры, определенные оценки — не одобряют москвичи такое поведение. Поэтому Вам, я думаю, сегодня надо очень серьезно задуматься. Во-первых, следует прямо сказать Пленуму, если Вы найдете мужество, почему Вы так выступили. Именно сегодня. И почему Вы набрались смелости оговаривать деятельность отдельных работников и деятельность Политбюро?

Теперь насчет славословия. Тут говорили товарищи. Я не знаю таких фактов. В первые дни работы нового руководства, я помню, были одно или пара выступлений на одном из форумов, когда называлась и фамилия Генерального секретаря. Эдуард Амвросиевич¹⁶ говорил об этом. И не кто другой, как сам Михаил Сергеевич самую острую оценку подобным фактам давал. Он прямо заявлял: прекратите это, сколько еще раз об этом надо напоминать? Так всегда бывает, когда кто-то хоть малейшее поползновение делает в отношении славословия. Так что и это обвинение, товарищ Ельцин, полностью отпадает.

Вот мы, очевидцы, работая вместе, заседаая вместе с Вами, думаем: откуда Вы все это взяли? Откуда все это идет? Я думаю, что сегодняшний Пленум, конечно, сделает правильные оценки и выводы. Да и все выступившие товарищи правильно давали оценки Вашему выступлению. Оно непартийное. Не только беспринципное и безответственное, но и просто непартийное. Нельзя коммунисту — руководителю крупной партийной организации так выступать. Тем более кандидату в члены Политбюро.

Я думаю, всем здесь ясно, что нам надо в вопросах обеспечения единства, сплоченности, укрепления наших рядов и дальше работать. Ленин уделял этому вопросу огромное внимание. Сейчас Политбюро этому уделяет пристальное внимание. Никому, конечно, не сбить нас с ленинского пути, по которому идет Центральный Комитет партии твердо по всем вопросам. Мы будем этим ленинским путем идти и добиваться новых побед в строительстве социалистического общества. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Слово предоставляется т. Колбину Геннадию Васильевичу — члену Центрального Комитета КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Казахстана.

Колбин. Товарищи! С Борисом Николаевичем мы знакомы давно, давно работали вместе, товарищи по партии, да и просто товарищи. Работали в разных сочетаниях на Урале, и он в моем подчинении был, и было по-другому, наоборот. И считаю своим долгом сегодня высказать свое отношение по существу возникшего вопроса. Зная друг друга хорошо, мы знали и сильные стороны друг друга, знали и слабые. Сегодня у него сработала слабая сторона, которая была известна нам раньше.

Я только хотел бы сказать о следующих обстоятельствах: жизнь сложилась так, что мы росли один в одном направлении, другой — в другом направлении, но по себе чувствую — чем выше положение твое партийное, общественное положение, тем больше ответственности, тем больше нагрузок. И сейчас, находясь вот в таком положении, я отчетливо представляю в условиях перестройки, насколько сложны процессы в Московской организации. Догадываюсь, сравнивая с теми процессами, с которыми мне приходится сталкиваться в кругу товарищей по партии в Казахстане.

Я прямо скажу, Михаил Сергеевич, члены Политбюро, что практически бессонные ночи проходят в поисках путей разрешения проблем: и экономических, и социальных, и межнациональных, и политических, и других. И всякий раз, начиная новую работу, на новом участке, постоянные поиски каких-то других, неординарных подходов не проходят без ошибок. И на эти ошибки реагируем по-разному. Я знаю, и как реагировал товарищ Ельцин, да и по себе знаю. Мне довелось работать с таким опытным политическим работником, как товарищ Шеварднадзе, и он давал товарищеский совет такой: прежде чем реагировать на острый вопрос, который у тебя возник, потерпи два дня, отойди от него. Так сказать, войди в нормальное русло. И я с тех пор стараюсь этим руководствоваться. В самом деле — не сгоряча же решать! Видимо, Борис Николаевич не имел возможности два дня подумать над сегодняшним выступлением. Так сказать, сработали эмоции, если не сказать больше, то, о чем говорили предыдущие выступающие.

Что касается элементов перестройки. Тут, видимо, Борис Николаевич, какая-то недостаточная осведомленность по регионам, о чем Владимир Васильевич Щербицкий говорил. Значит, волнообразности нет, Борис Николаевич, скажем, в Казахстане. Перестройка идет. И вот если сказать сегодня, что тут есть какие-то сомнения и надо перейти на периоды постепенности в решении проблем, то я себе трудно представляю, как сегодня надо будет возвращаться из Москвы в Алма-Ату. Переход на постепенность. Не подходит вариант. Не подходит вариант и жестких административных методов. Вот многое говорили о переменах в жилищных делах, и в печати было сообщено, в Казахстане. Не административным методом решалась эта проблема. Хотя были возражающие и на месте, и были в московских инстанциях возражающие. Но разными путями эти дела получили свои разрешения, и сейчас уже не остановим этого процесса потому, что все, я бы сказал, в азарте работают. Такие же перемены по продовольственным делам. После совещания в ЦК КПСС по вопросам развития перерабатывающих отраслей промышленности, значит, Михаил Сергеевич, мы вот определили и дали задание сейчас такого порядка. К нашему возвращению проработать вопрос, чтобы в будущей осени снять проблему по забою скота и производить все это в условиях республики. Что для этого надо сделать, мы прикидываем, но для этого надо сегодня начать работу. И вот как, скажем, нам перейти на этапы постепенности. Трудная задача, очень трудная. Но надо ее решать. Она требует, это требуют интересы людей, и что касается вот этой части, Борис Николаевич, ошибся ты очень сильно в этом плане. Перестройка идет, люди ее признают, эту перестройку, и темпы ее сокращать ни в коем случае нельзя, сроки надо сокращать. И в отношении работы Политбюро, Секретариата и аппарата Центрального Комитета. Я скажу откровенно, Михаил Сергеевич, товарищи члены Политбюро, я болезненно реагирую на ошибки, которые я допускаю. В условиях перестройки я их допускаю, и, наверное, говорить, что мы от этого оградены, неправильно. Но когда ищешь подходы, где-то, допустим, ошибешься, тогда, вот я что замечаю, если я сам замечу и исправлю, так сказать, тихонько, никто не скажет мне, — я считаю, ну ладно, пронесло. А вот когда мне сделают замечание, я реагирую. И если два дня не выдержу, бурно реагирую,

неправильно реагирую. Поэтому, скажем, острота постановки вопроса со стороны аппарата ЦК и руководства Центрального Комитета, конечно, вызывает глубокие переживания и, я бы сказал, перенапряжение. Но это есть жизнь, и без этого мы, наверное, не пройдем в поисках новых путей и решений.

Что касается работы Политбюро. Не часто мне доводилось быть на Политбюро, но, скажем, при обсуждении такого острого вопроса, как вопрос по интернациональному, патриотическому воспитанию в Казахстане после того, что там свершилось, можно было ожидать разгромного разговора.

Мы участвовали четыре человека от республики — руководители республики — в обсуждении этого вопроса, и мы ушли с этого Политбюро с желанием действовать, работать, с желанием изменить и улучшить. Дана была строгая партийная оценка, а вместе с тем были раскрыты возможности для того, чтобы дерзать.

Я должен сказать, что в отношении дерзать я бы так сказал: импонирует мне во многом постановка — так дерзать. Я помню, 9 мая Егор Кузьмич Лигачев мне позвонил в Алма-Ату и поздравил с праздником и вместе с тем говорит: подумайте, как развить животноводство, как увеличить продовольствие. Не стесняйтесь в выборе любых средств, которые до сих пор не допускались. Ну сверх меры сделайте. И я вам, товарищи, скажу, 9-го же числа мы уже сидели и эти «сверхмеры» искали. У нас мы получили поддержку, поддержку в таких вопросах, как выделение земли вместо концентратов. С приездом Михаила Сергеевича на Байконур мы предложили, нас поддержали с ходу, увеличение земельных участков, еще союзного постановления не было, а нам дали право — решайте своей властью. Мы начали развивать. И то, что сегодня происходят какие-то улучшения в продовольственном снабжении, которые народ замечает не только в Алма-Ате, а на всей территории Казахстана, это результат вот этих мер. А потом июньский Пленум, на котором было сказано, делать можно все, что не запрещено законом. И если только все делать, что не запрещено законом, значит, товарищи члены Центрального Комитета партии, я могу сказать только одно — Продовольственную программу в условиях возможностей Казахстана мы должны решать значительно быстрее. За 2—3 года должны ее одолеть, если только хватит у нас для этого ума, я думаю, что должно хватить.

Поэтому атмосфера, в которой сегодня идет наша партийная жизнь, она, конечно, соответствует нашим подходам, настроениям.

Что касается, скажем, вот сегодняшнего разговора. Я согласен с выступлениями товарищей о том, что, конечно, это не тот период — в канун 70-летия — такой разговор. И он не останется в очень большом секрете и в международном плане, и во внутрипартийном плане.

Значит, на пользу или не на пользу? Не на пользу. Я просто считаю, Борис Николаевич, не знаю, чем ты руководствовался, но как товарищ тебе по партии, как близкий товарищ и в жизни, и во многих делах, я во многом у тебя учился, когда ты работал и в Свердловской организации, и организацию поднял, было очень приятно, как быстро менялось положение дел с продовольственным снабжением, как менялись градостроительные дела, много положительного было, я видел, находил и черпал, а сегодня ты допустил ошибку.

Горбачев. Хорошо. Заканчиваем на этом, товарищи. Собственно, все уже ясно. Если у кого-то есть мнение, отличающееся от преобладающих оценок, высказанных здесь, то прошу выступить. Предоставляется, с вашего разрешения, слово т. Затворницкому Владимиру Андреевичу — бригадиру комплексной бригады треста «Мосстрой» № 1 Главмосстроя.

Затворницкий. Я ничем не отличающийся: как вы, так и я. Я хочу еще продолжить чуть-чуть. Мы вот сидим, москвичи. Я — член горкома

партии, член ЦК уже несколько пятилетий, и вот что мне сейчас вспомнилось... Как мы Вас уважаем, Борис Николаевич! Мы с Хрущевым, например, в полтора раза быстрее справились. А тут вот такая демократия — мы Вам все внушаем, внушаем. (Смех.) Так можно довшушаться, и вообще Вы забудете, о чем тут разговор — критикуют Вас или хвалят. Вы же шли к такой трибуне и споткнулись. Тут же Политбюро. Вы сами кандидат в члены Политбюро и спотыкались специально, чтобы зацепить товарищей. Видимо, Вы хотели все-таки прорваться в члены Политбюро. Это мое мнение личное.

Я Вас очень уважал, Борис Николаевич, и сейчас уважаю, но мне жаль, что Вы так здорово политически подвинулись сегодня.

Рабочий класс никогда не подведет Коммунистическую партию, Центральный Комитет, Политбюро, Секретариат, мы всегда будем преданы и верны вам, дорогие товарищи. Спасибо. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Борис Николаевич, у тебя есть что сказать? Давай.

Хоть и критикует нас т. Затворницкий, но дадим тебе слово еще раз.

Ельцин. Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии, и в том числе работая на тех постах, где доверяли Центральный Комитет партии, партийные комитеты.

Сначала некоторые уточнения. Что касается перестройки, никогда не дрогнул и не было никаких сомнений ни в стратегической линии, ни в политической линии партии. Был в ней уверен, соответственно проводил вместе с товарищами по бюро, по городскому комитету партии эту линию. И если назвал волнообразной, волнообразной с точки зрения как-то отношения людей, то это касается периода между январским и июньским Пленумами Центрального Комитета партии. Не потому, что не знаем людей, слишком часто бываем, очень часто бываем, не слишком, но очень часто бываем в коллективах, самых разных, сотнях коллективов, поэтому знаем людей, знаем их настроение.

И когда после январского Пленума, как и после съезда, был большой всплеск, такой эмоциональный, политический, идеологический и настроя, хороший всплеск. И это продолжалось и после июньского Пленума ЦК, но вскоре вслед за июньским Пленумом Центрального Комитета партии мы стали замечать, что настрой несколько меняется. Но мы объяснили это тем, что июньский Пленум ЦК — сложный Пленум, он сложный для понимания с точки зрения экономических вопросов, что здесь, конечно, не просто проведение самого Пленума, а нужно большую проводить разъяснительную работу для того, чтобы как-то еще дальше поднять людей. И вот, видимо, по нашей вине мы допустили такой определенный спад, и я ни в коем случае не обобщал и не говорил это в целом по стране и по партии, говоря только о Московской организации.

Дальше, когда стали разъяснять, проводить эту работу, мы почувствовали снова некоторый, так сказать, подъем, поэтому я за краткостью и сказал, что в общем-то это процесс волнообразный, с точки зрения реакции людей, и наверное, нельзя рассчитывать на то, что он будет постоянно только круто вверх идти, какие-то будут определенные, может быть, и спады, и об этом говорилось.

В отношении единства. Нет, это было бы кощунственно, и я это не принимаю в свой адрес, что я что-то хотел вбить клин в единство Центрального Комитета, Политбюро. Ни в коем случае я это не имел в виду, как, между прочим, и в отношении членства Политбюро. Есть моя записка, где прямо четко сказано, что мое мнение это (она год тому назад была), что я считаю, что первые секретари территориальных комитетов партии не должны быть членами Политбюро, а должны быть, ну если уж

только кандидатами, поскольку, будучи членами Политбюро, они выводятся как бы из зоны критики со всеми последующими последствиями, что мы видели, так сказать, на своих глазах по ряду регионов страны.

В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о членах Политбюро, я говорил о некоторых, речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного. Я верю, что это от души, но тем не менее, наверное, это все-таки не на пользу общую.

В отношении...

Горбачев. Борис Николаевич...

Ельцин. Да.

Горбачев. Ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояние законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

Ельцин. Нет, сейчас уже не надо.

Горбачев. Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации. И в реформе главное — демократизация, ибо такие ее элементы, как новый хозяйственный механизм, связанный с самостоятельностью предприятий, развитием инициативы, направлены на укрепление чувства хозяина у людей. То есть в конце концов речь идет о развитии демократизации. И после этого обвинить Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Ельцин. А между прочим, о докладе, как я...

Горбачев. Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

Ельцин. Нет, я о докладе первым сказал...

Голоса. О себе ты заботился. О своих неудовлетворенных амбициях.

Горбачев. Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да? Правильно товарищ Затворницкий сделал замечание. Я лично переживаю то, что он вынужден был сказать тебе в глаза. Но не жалею, что этот разговор, начатый тобой, на Пленуме состоялся. Хорошо, что он состоялся.

Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке.

Скажи по существу, как ты относишься к критике?

Ельцин. Я сказал, политически как я отношусь к этому.

Горбачев. Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК. Они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение.

Ельцин. Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня,— это ошибка.

Горбачев. У тебя хватит сил дальше вести дело?

Голоса. Не сможет он. Нельзя оставлять на таком посту.

Горбачев. Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос. Давайте уж демократически подходить к делу. Это же для всех нас нужен ответ перед принятием решения.

Ельцин. Я сказал, что подвел Центральный Комитет партии, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией.

Горбачев. Прежде чем перейти к существу вопроса, я лишь скажу вот о чем. У нас сегодня важный Пленум Центрального Комитета партии. Поскольку товарищи отреагировали прежде всего на выступление товарища Ельцина, осталось невыясненным отношение членов ЦК к докладу, его выводам и положениям. Поэтому я предлагаю сейчас вернуться к докладу, который был представлен Пленуму ЦК от имени Политбюро. Это главная тема сегодняшнего заседания.

Доклад, как вы могли убедиться, касается многих принципиальных вопросов. Он в течение многих месяцев работы действительно «выстрадан» Политбюро, представляет углубленный анализ нашей истории, а также перспектив развития социализма с учетом мировых тенденций. Поэтому я должен сначала задать вопрос: как вы относитесь к докладу?

Голоса. Положительно. (Аплодисменты.)

Горбачев. Если, товарищи, у вас возникли на слух какие-то поправки или идеи, высказывайте. Разумеется, на Пленуме представлен не сам доклад на Торжественном заседании. Доклад впереди, но основные идеи, положения туда войдут. Поэтому, если есть сомнения или предложения, прошу обращаться к товарищам Яковлеву, Лигачеву, ко мне. Мы замечания учтем.

Есть замечания, товарищи?

Голоса. Нет, согласны.

Горбачев. Если нет замечаний по докладу, я вношу такое предложение: Первое. Одобрить основные положения доклада на совместном Торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

И второе. Поручить выступить с докладом Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву.

Другие есть предложения?

Голоса. Нет.

Горбачев. Согласны, товарищи?

Голоса. Согласны.

Горбачев. Тогда проголосуем.

Прошу поднять руку, кто за это решение. Прошу опустить. Против есть? Воздержавшиеся? Нет. Одобрено, товарищи, единогласно.

Таким образом, доклад на Торжественном заседании будет сделан от имени ЦК КПСС.

Теперь хотелось бы дать несколько пояснений по выступлению товарища Ельцина.

Товарищ Ельцин прислал мне письмо на юг, в котором он выразил мысли, уже известные вам, и просил решить вопрос о его пребывании в составе Политбюро.

Когда я вернулся из отпуска, у нас с ним был разговор на эту тему. Мы условились, что в период подготовки к 70-летию Октября не время обсуждать его вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, часа, минуты свободной нет. Вы, наверное, уже видите, что на пределе все идет. Необходимо решать много вопросов, чтобы достичь поставленные цели.

Мы тогда условились с товарищем Ельциным, что после праздников встретимся, посидим и все обсудим. Причем в своем письме Борис Николаевич говорил, что «прошу рассмотреть вопрос. Не ставьте меня в такое положение, чтобы я обращался сам к Пленуму ЦК с этой просьбой». Но мы с ним договорились, и потому на той стадии я даже членов Политбюро не информировал, считая, что до объяснения в этом нет необходимости.

Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем Пленуме Центрального Комитета, имеющем этапное значение для жизни партии в осознании ее истории и перспектив, представит свои претензии Центральному Комитету партии. Лично я рассматриваю это как неуважение к Генеральному секретарю, к нашей договоренности.

Я, конечно, считаю, что каждый может ставить перед Пленумом ЦК любые вопросы. Но есть же определенная этика. Такое поведение не помогает нам сейчас разворачивать дела, завершить подготовку к празднику Великого Октября.

Такое отношение, как я понял, всех нас поражает. На таком Пленуме предъявить свои амбиции и увести Пленум от обсуждения серьезных проблем достойно осуждения. Или уже у него настолько потеряно чувство ответственности перед временем, историей, утрачено чувство партийного товарищества, что даже нет уважения к Центральному Комитету?

Ведь мы же идем к мероприятиям, которых ждут вся наша партия, весь мир. Люди ждут, что мы скажем в эти дни. Как оценим пройденный путь, какие определим перспективы? Мы должны выразить мысли партии, оценить все, что было, и подтвердить, что КПСС берет на себя ответственность за будущее. И в этот момент товарищ Ельцин выдвигает свои эгоистические вопросы. Ему, понимаете, не терпится, не хватает чего-то! Суется все время. А нужна выдержка революционная на таких крутых поворотах, когда кости трещат и мысли напряжены. Тащить надо эту огромную ответственность перед партией и народом. Насколько же надо быть безответственным, потерявшим чувство уважения к товарищам, чтобы вытащить все эти вопросы перед ЦК!

И все-таки должен сказать, товарищи, что главное для меня в этом Пленуме — единство Центрального Комитета партии и Политбюро. (Аплодисменты.)

Общество проходит чрезвычайно ответственный, сложнейший этап отечественной истории. Нам предстоит через активную политику, через реализацию стратегии вывести страну из состояния застоя, консерватизма, социальной апатии. И мы это можем сделать, потому что в нашем строе заложен колоссальный потенциал. Его только начинаем разворачивать, видим, что возможен выигрыш на всех направлениях — и в экономике, и в политике, во всем.

Ясно, товарищи, что сегодня время крутых, революционных перемен. И эти перемены, с точки зрения глубины, с точки зрения масшта-

бов, с точки зрения темпов, еще не во всем нас удовлетворяют. Народ, мы видим, подталкивает нас.

Мы должны идти намеченным путем быстрее, с достоинством, опираясь на огромную мощь, которой располагает наша страна, полагаясь на политическую мудрость и зрелость нашей партии, способной и к критическому анализу, и к творческому осмыслению процессов, в том числе и прогноза на будущее. Политика, которую мы выработали и предложили народу, сегодня находится в стадии реализации, воплощения в жизнь. Она нагроулила наше общество, и эти нагроулки нарастают.

Мы должны справиться с трудностями. У нас есть все для этого, товарищи. Страна достигнет намеченного, но при условии, если мы будем приводить в действие все механизмы, и прежде всего такой механизм, как наша партия. Гарантия нашей перестройки — партия. Но партия сама должна перестраиваться и показать пример всем и во всех отношениях.

Естественно, может оказаться, что кто-то и не выдержит трудностей борьбы. Могут быть ошибки, могут быть дискуссии, ибо возникают новые проблемы, и нам не все ясно. Каждый день что-то мы проясняем, но развитие выдвигает новые вопросы. От них мы не можем уклониться, как уклонялись раньше. Проблемы надо решать, но с позиций открытости, гласности, демократизма и активной работы партии, чтобы весь этот механизм партийный действовал. Другой нет силы, способной все осмыслить и объединить всех на борьбу. Эта сила — партия.

Я в этом контексте рассматриваю и выступление товарища Ельцина. Хотелось бы с объективных позиций, как бы ни были задеты чувства, политически отреагировать на его выступление. Несомненно, оно незрелое, безответственное в политическом плане. Но это выступление и повод к тому, чтобы еще раз, товарищи, сказать, что нам нужна революционная выдержка. Особенно Центрального Комитета партии! Если дрогнут ЦК и Политбюро, если начнутся шараханье, шатание, деморализация руководящего, партийного ядра нашего общества, то о какой перестройке можно говорить!

Думаю, только с такими критериями и надо подходить ко всем проявлениям подобного рода. Сегодняшний случай дает повод предупредить всех от возможности впасть в такое состояние. Надо быть уверенными в правоте намеченного съездом. Мы на правильном пути, товарищи! Мы на правильном пути!

Уже два с половиной года, которые так негативно оценил товарищ Ельцин, мы идем правильным путем. И самая главная заслуга этого двухлетнего периода состоит в том, что партия имеет продуманную и уже теперь во многих отношениях проверенную политику. И практика это подтверждает. Мы не зря прожили эти два года, хотя они и не нравятся товарищу Ельцину. Не зря! Ведь посмотрите, что он сказал! Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти 2 года реально народ ничего не получил.

Это безответственное заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить. Мы добились немало. Создана совершенно новая атмосфера в партии и в стране. Только в этой атмосфере стало возможным обсуждать подобные заявления, находить пути, обобщать опыт, предложения; мы всколыхнули народ. Партию выводим из состояния длительного застоя. И это нельзя не видеть кандидату в члены Политбюро! Как это можно не видеть? Нет, он это видит, но хочет навязать Центральному Комитету свои негативные оценки.

Между прочим, это стиль товарища Ельцина, и по данному поводу у меня лично с ним уже были беседы. Не только на Политбюро. В общем, это не первая попытка, теперь уже на уровне ЦК, навязать свои оценки по кардинальным вопросам политики. Причем с негативных позиций и в основном с левацких.

Видимо, он хотел так нас столкнуть, чтобы мы нагородили то, что было сделано, например, товарищем Хрущевым, и разъединить общество,

вместо того, чтобы объединить его на процессах перестройки. Ума много не надо, чтобы говорить: да — плохо, да — мало, да — не так. А вот увидеть то, что мог видеть Ленин на примере одного паровозного депо, на одном факте, так сказать, разворачивать серьезнейшие теоретические концепции и трансформировать их в политику, это другое дело.

Но наши достижения не только в том, что мы изменили атмосферу, настрой в обществе и выработали новую политику. Ведь, товарищи, мы же еще при всех трудностях смогли сдвинуть с места решение многих социальных вопросов. Во-первых, хотя остаются трудности со снабжением продовольствием, но прибавка пошла. Медикам, учителям подняли зарплату, темпы строительства жилья подняли, реформа школы, высшего образования разворачивается. Дополнительно на эти цели направили немалые ресурсы. На неотложные нужды медицины 6 миллиардов рублей нашли. Сделали все, что сегодня могло общество. При всех трудностях изыскали средства, чтобы пенсии части населения поднять, улучшить условия учебы студенчеству.

Разве этого товарищ Ельцин не знает? Тогда позвольте спросить, почему он с такими заявлениями выступает перед Пленумом ЦК? Может быть, он полагает, что здесь сидят несведущие люди? Нет, дело в другом. Это попытка опрокинуть начатое, найти единомышленников. На июньском Пленуме он хотел, чтобы его поддержали, но остался в одиночестве. Никто не прореагировал, ибо надо решать вопросы, а не заниматься удовлетворением амбиций и претензий товарища Ельцина.

И сейчас, товарищ Ельцин, ты получил то, что должен был получить. Участниками Пленума политически верно и правильно оценена твоя позиция.

Теперь по конкретным вопросам. Я должен прямо сказать — поражен теоретической и политической беспомощностью товарища Ельцина.

Возьмите вопрос о перестройке. Два-три года ничего не дали, сказал он, и объявляли, что этого мало. Он нас то обвиняет, что мы спешим, то медлим. Это как ему удобно, в зависимости от настроения.

Должен сказать, товарищи, что мы на съезде не говорили, будто бы нам для перестройки нужно два-три года. Наоборот, мы разработали программу до 2000 года, а в Программе партии сказали, что намеченное в ней выходит за рамки этого тысячелетия. Так что не приписывайте, товарищ Ельцин, ни Центральному Комитету, ни в целом партии того, чего не было. Надо знать, за что Вы голосовали и что слушали. Это во-первых.

Во-вторых, очень важно, у наших классиков это самая сильная сторона, что они умели видеть переходы от одного этапа к другому, различать их. Вот мы прошли один этап, выработали политику перестройки. И говорим не о том, что в два-три года перестройку завершим. Я в Мурманске говорил, что у нас есть долгосрочные задачи, которые выйдут даже за двухтысячный год. У нас есть среднесрочные задачи. И есть неотложные задачи, о чем мы на июньском Пленуме говорили.

А есть еще этап, когда политика трансформируется в действия миллионов, во все клеточки советского общества, когда люди будут полтора-два-три года, как говорится, переваривать намеченное. Вот о чем идет речь, вот о каких двух-трех годах. Не разобрался товарищ Ельцин.

Теперь что касается его оценок роли партии. Если товарищ Ельцин хочет сейчас, когда переосмысливается и переделывается весь хозяйственный, демократический механизм, побыстрее перетрясти еще и партию, весь партийный аппарат, то мы этого делать не будем.

В партии не главное аппарат. Главное — направленность, стиль работы, политика партии, ее динамизм. Об этом речь и шла в докладе, об этом речь и ведем мы, чтобы партия не отставала. Есть элемент отставания. Это мы должны видеть, и с этим надо соглашаться. Но дальше-то идет утверждение, что Секретариат, Политбюро ЦК не занимаются вопросами партийного строительства. Нельзя с этим согласиться.

Что касается работы Секретариата тоже. Ну, во-первых, все повестки

заседания Секретариата рассматриваются Генеральным секретарем. Ни одно решение не выходит без Генерального секретаря, за исключением некоторых текущих вопросов. Это во-первых.

Во-вторых, шесть членов Политбюро участвуют в работе Секретариата. Мы можем говорить о недостатках в работе Секретариата сколько угодно, кстати, мы о них и говорим. Это другой вопрос. Не хочу сейчас занимать время Пленума.

И в работе Политбюро, и в работе Секретариата, и лично каждого из нас есть большие резервы. Надо всем прибавлять в деловитости, товарищи. Я уже это не раз говорил.

Недавно встретился с группой секретарей обкомов партии Нечерноземья. Кое-кому персонально было сказано о необходимости улучшить работу. В присутствии всех, по-товарищески, по-партийному, как положено. И не для того, чтобы завтра освобождать от работы. Это у нас в прошлом так было: покритиковали — завтра сняли. Подобная практика не годится. Не об этом идет речь, товарищ Ельцин. Речь идет о том, что Вы, по существу, хотели дезориентировать Центральный Комитет партии, характеризуя работу Политбюро, Секретариата. Вот ведь о чем идет речь. Такой наскок надо отвергнуть.

Не скажу, что у меня легкие обязанности. И не так просто сейчас в Политбюро работать, тем более Генеральному секретарю. Но работать надо, другого пути нет. Политбюро должно быть жизнеспособным, динамичным, коллективным органом, постоянно действующим, принципиальным, настоящим штабом ЦК.

Я вкусил с Андреем Андреевичем Громыко, с Владимиром Васильевичем Щербицким, с Михаилом Сергеевичем Соломенцевым сложившийся стиль на последних этапах работы Леонида Ильича Брежнева. Знаю все, товарищи. Это была беда нашей партии. Секретари обкомов и ЦК союзных республик знают, что мы всё делали, чтобы через Секретариат как-то активизировать работу партии. И потому мы сейчас извлекаем уроки из прошлого и действуем в духе времени — решительно и требовательно.

В главном и в основном так и работают Политбюро и Секретариат ЦК. Это я честно заявляю Центральному Комитету партии и несу ответственность за это заявление. Тем не менее и Политбюро, и Секретариат открыты для критики. Открыты.

Я говорил на Политбюро, что сейчас центр тяжести надо переводить на организаторскую работу, на контроль за решениями. Нужно меньше решений и больше контроля. Особая задача здесь у Секретариата ЦК. А раз он будет контролировать, то будет и спрашивать, повышать требовательность. Нравится это или нет, устраивает кого или не устраивает. Раз мы приняли решения, значит, их необходимо выполнить, провести в жизнь.

Если есть какие-то срывы в работе Политбюро или Секретариата, то надо сделать выводы. Но мне не известно, и я не допускаю, чтобы на Политбюро и на Секретариате унижалось человеческое достоинство. Спрос мог быть суровый, но чтобы унижали человека и оглупляли его, такого быть не могло.

Давайте договоримся, что к конференции внесем необходимые предложения для демократизации механизмов укрепления и Политбюро, и обеспечения дееспособности Генерального секретаря, если он вдруг перестанет генерировать идеи, приносить пользу партии и народу. Бояться нам нечего. Наследных принцев быть не должно, и важно смелее идти на замену. В общем, мысль должна работать в этом направлении. Давайте всех избирать и за всех голосовать. И не надо, чтобы члены Политбюро были в тягость Центральному Комитету, стране, народу. Все должно идти естественно.

Полагаю, такие настроения у всех в Политбюро. И за должности, вцепившись в кресла, никто держаться не будет. Потому что сейчас такая тяжелая работа, что людей надо поддерживать, чтобы хватило сил. Срывы могут быть.

В общем, надо отвергнуть как очень серьезный политический промах то, что товарищ Ельцин бросил тень на деятельность Политбюро и Секретариата, на обстановку, сложившуюся в них.

Теперь что касается товарища Лигачева. Он весь на виду. Такая особенность этого человека — весь на виду. Открытый, с боевым характером, эмоциональный человек, но человек, который имеет огромный политический опыт, предан делу перестройки. Костьми, так сказать, ложится за нее.

Это пустые разговоры, болтовня зарубежного радио, что у нас нет единства. Нас хотят посорить, столкнуть то Горбачева с Лигачевым, то Яковлева с Лигачевым и так далее.

Товарищи, у нас идут большие дискуссии по многим политическим, идеологическим, экономическим вопросам. А как иначе? Дискуссии идут, и это хорошо, что есть лицо, есть позиция у членов Политбюро. В конце концов принимаемые решения представляют единое мнение. И это важно.

И в этом негативная позиция товарища Ельцина. Ведь посмотрите, нигде, ни на Политбюро, ни на Пленумах, конструктивного в выступлениях у него нет: то не так, это не так. Тогда к чему все заявления? Просто выделить себя?

Вот чем я хотел заключить свое выступление, товарищи. Почему мы столкнулись с такой позицией товарища Ельцина? По-моему, выступавшие здесь правильно сказали. Видимо, и теоретически, и политически товарищ Ельцин оказался неподготовленным к такому посту, и ему сейчас трудно. Но я вот не сказал бы, что эта должность непосильна ему в перспективе, если он сможет сделать выводы. Ведь в партии у нас и более острые были ситуации, вспомните ленинские времена, товарищи. Мы должны и восстанавливаем дух того периода во всем. Поэтому я не драматизирую сегодняшнюю дискуссию.

Это то, что, думается, положено было сказать на Пленуме в связи с выступлением товарища Ельцина. Но я не услышал в его заключительном слове ответа на прямой вопрос: способен ли он взять себя в руки и уверенно повести дело. Сейчас я в трудном положении, но заключил бы так: все-таки, товарищи, не надо сгоряча решать этот вопрос. Я вношу такое предложение. Первое. Пленум ЦК КПСС признает выступление товарища Ельцина политически ошибочным. Не расшифровывать, по каким вопросам и что. Оно по всем пунктам политически ошибочно.

И второе. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении товарища Ельцина об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом состоявшегося обмена мнениями на Пленуме ЦК.

И сразу давайте договоримся, что это все провести после праздников. Нельзя и некогда нам сейчас заниматься этим делом, товарищи.

Подходящее решение? Правильное? Москвичи, правильное решение?

Голоса. Правильное.

Горбачев. Ставлю на голосование проект этого постановления. Прошу поднять руку. Кто за? Кто против? Кто воздерживается? Нет.

Вот такое решение приняли.

Еще раз хочу закончить тем, с чего начал. То, что выступление товарища Ельцина стало сегодня возможным при всей горечи сказанного им, говорит о том, что мы прошли через такой этап в работе Центрального Комитета партии, который поднимает его еще выше и повышает значение как руководящего центра партии и страны. (Аплодисменты.)

Пленум завершаем. Думали мы его закончить сегодня до обеда, но заканчиваем лишь к вечеру. Что же, такова задача ЦК: ничего не оставлять без внимания.

Товарищи! У кого какие есть по завершению Пленума замечания или суждения? Нет.

Пленум объявляется закрытым.

Примечания:

1. Мураховский В. С.— член ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госагропрома СССР.
2. Никонов В. П.
3. Талызин Н. В.— кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС; в октябре 1987 г. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР.
4. Татарчук Н. Ф.— член ЦК КПСС, первый секретарь Калининского обкома КПСС.
5. Васильев Н. Ф.— член ЦК КПСС, министр мелиорации и водного хозяйства СССР.
6. Медведев В. А.
7. Гостев Б. И.— член ЦК КПСС, министр финансов СССР.
8. Комиссия по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма.
9. Грибачев Н. М.— кандидат в члены ЦК КПСС, главный редактор журнала «Советский Союз».
10. Баталин Ю. П.— член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госстроя СССР.
11. Романин Д. В.— кандидат в члены ЦК КПСС, первый секретарь Калининградского обкома КПСС.
12. Петров Ю. В.— член ЦК КПСС, в октябре 1987 г. первый секретарь Свердловского обкома КПСС.
13. Колбин Г. В.— член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана.
14. Манякин С. И.— член ЦК КПСС, председатель Комитета народного контроля СССР.
15. Воротников В. И.
16. Шеварднадзе Э. А.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

О докладе на совместном Торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции

1. Одобрить основные положения доклада на совместном Торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

2. Поручить выступить с докладом Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Горбачеву М. С.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

О выступлении т. Ельцина Б. Н. на Пленуме ЦК КПСС

1. Признать выступление т. Ельцина Б. Н. на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК политически ошибочным.

2. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении т. Ельцина Б. Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МКГ КПСС с учетом обмена мнениями, состоявшегося на Пленуме ЦК КПСС.